

Н.В. КУДРЯВАЯ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПРОВИДЕЦ, ПЕДАГОГ, ПРОПОВЕДНИК

18+

Наталья Кудрявая

**Лев Толстой – провидец,
педагог, проповедник**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кудрявая Н. В.

Лев Толстой – провидец, педагог, проповедник /
Н. В. Кудрявая — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В книге доктора педагогических наук, почетного профессора МГМСУ имени А.И. Евдокимова, сделана попытка отказаться от стереотипов толкования религиозно-нравственного учения Толстого как «слабого мыслителя и даже «якобы реакционного» (В.И. Ленин). Автор трактует религиозно-нравственное учение Л.Н. Толстого как науку о духовной жизни человека, устремленного к смыслу и ценностям. Исследовательским инструментом явилась педагогическая деятельность гениального провидца, проповедника и педагога Л.Н. Толстого, в которой впервые в науках о человеке в середине XIX-го столетия он предложил опираться не на философские, а на психологические категории. Благодаря этому Толстой оставил миру описание способа духовной и нравственной жизни с опорой на волевое усилие как базовую мотивацию. Толстой намечает пути становления гуманистической педагогики и психологии, ставит в научный дискурс понятие души и духа, тем самым преодолевая гуманитарный кризис в науках о человеке.

Содержание

Вступление	5
Педагогика Л.Н. Толстого 60–70-х годов XIX столетия как предпосылка «науки жизни»	11
Яснополянская школа – «опыт и свобода»	14
Мастер-класс Толстого: статья журнала Ясная Поляна «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят»[10]	17
Педагогическая деятельность Л.Н. Толстого в 70-е гг. XIX века	23
Религиозно-нравственное учение Л.Н. Толстого как «наука жизни»	32
«Исповедь»	33
«В чем моя вера?»	35
«О жизни»	39
Критика психобиологических и психосоциальных моделей объяснения жизни человека	41
Духовное рождение человека	46
Дихотомия «животная личность – человек»	48
Включение души человека в предмет «науки жизни»	53
Деятельностная любовь	54
Значение страданий в жизни человека	58
«Царство Божие внутри вас»	59
История написания книги	60
О духовно-нравственном развитии человека	61
Статья «Что такое религия в чем сущность ее» История написания	63
Статья «Религия и нравственность»	65
Религия как учение о смысле жизни – основа нравственного воспитания	66
О Боге	68
«Путь жизни»	73
Роль издательства «Посредник» в проповеднической деятельности Л.Н. Толстого	75
Детское Евангелие, или «Учение Христа, изложенное для детей»	80
«Беседы с детьми по нравственным вопросам»	82
Педагогика Л.Н. Толстого конца XIX – начала XX столетия как канал пропаганды «науки жизни»	85
Духовное завещание Толстого – статья «О воспитании»	97
«Наука жизни» и педагогика Л.Н. Толстого в наши дни	100
Благодарности	113
Об авторе	114

Наталья Кудрявая

Лев Толстой – провидец, педагог, проповедник

Памяти моего отца, профессора Вейкшана Владимира Александровича, главным делом жизни которого было изучение и популяризация педагогических взглядов Л.Н. Толстого. В 1930–1950-е годы, в силу идеологических причин, он не смог в своих книгах затронуть тему духовных исканий Л.Н. Толстого и даже включить духовное завещание великого мыслителя статью «О воспитании» в издание его педагогических сочинений. Отец страдал, считая, что виноват перед великим Учителем. Надеюсь, что я попыталась хотя бы частично исправить эту ситуацию.

Вступление

Л.Н. Толстой – провидец, педагог, проповедник. Понят ли он современниками?

«Каким образом люди честные, образованные, искренне любящие своё дело и желающие добра, каковыми я считаю огромное большинство моих оппонентов, могли стать в такое странное положение и так глубоко заблудиться?»

Л.Н. Толстой

«Если в моих мыслях о народном образовании найдется хоть малая доля истины, которая войдет в сознание человечества и послужит основанием дальнейшему развитию новых, сообразных времени идей образования, я, не увлекаясь самолюбием, знаю, что большей доле того, что я сделаю, я буду обязан не своей личности, но тому обществу, в котором я должен был действовать.»

Л.Н. Толстой

Уникальное явление – творчество Л.Н. Толстого, который послал нам, живущим уже в новом тысячелетии, через созданную «науку жизни» или религиозно-нравственное учение своеобразный код, матрицу сознания современного педагога, учителя и каждого человека. Прозрения Толстого – писателя, мыслителя, проповедника и педагога – остаются столь невероятными (Толстого можно поставить в один ряд с учеными, совершившими революцию в области естествознания и физики, – Н. Бором, А. Эйнштейном, В. Гейзенбергом), что в силу непонятности проблема и не обсуждается, а религиозно-нравственные трактаты остаются невостребованными.

Также невостребованными остаются прогностические утверждения Л.Н. Толстого о необходимости перехода от знаниевой педагогики (в наше время педагогики ЗУНов) к опытной, практикоориентированной педагогике с ее ведущим принципом опыт и свобода и онтологическими основаниями.

Воля к смыслу жизни, связь понимания смысла с нравственным поведением, способ духовно-нравственной жизни, воспитание, которое «спасет мир», – эти гениальные прозрения послал миру Толстой через «науку жизни» или религиозно-нравственное учение. Однако идея

о духовной сущности человека и базовой мотивации, как воли к смыслу, была впервые высказана молодым Толстым в восемнадцатилетнем возрасте в период недолгого обучения в Казанском университете.

Как случилось, что почти на целое столетие жители России, многочисленные почитатели Толстого – писателя и педагога, были лишены возможности читать и изучать его произведения периода создания религиозно-нравственного учения? Именно в этих произведениях проведена первая в истории человечества гуманитарная экспертиза наук о человеке, искусства, культуры, образования, состояние которых мешало преодолеть так называемый гуманитарный кризис в науках о человеке.

Это мешало научному осмыслению включения души и духа человека в научный дискурс и использованию психологических подходов, получивших позднее название экзистенциальных.

Проблемы смысловых аспектов жизни и деятельности человека, сохранения и воспроизведения физического, творческого и нравственного потенциала нации были осознаны Толстым в период пред- и послереформенной России. Речь шла о духовном преображении России, о роли и месте наук о человеке в этом процессе.

Толстой уловил нерв эпохи, ситуацию кризиса гуманитарного знания, неубедительность философских, антропологических объяснений жизни и роста популярности психобиологических и психосоциальных моделей объяснения жизни человека, к которым начала тяготеть отечественная интеллигенция, и которые в XX веке стали препятствием преодоления гуманитарного кризиса в науках о человеке. Как показала жизнь, Толстой обнажил вред позитивизма, когда он еще только зарождался.

Триггером явилась статья Н.Г. Чернышевского в журнале «Современник» «Антропологический принцип в философии». Можно с уверенностью говорить, что именно это, а не литературные разногласия с членами коллегии журнала, послужили причиной выхода молодого Толстого, уже известного писателя, из журнала «Современник» и его острого замечания, что в науках о человеке создается одиозная ситуация «сведения души человека к нервам лягушки», замене души понятием психика. (Как мы знаем, в советское время в рамках отечественной психологии понятие души было вынесено за скобки, что создало огромные трудности в практиках работы с человеком и невозможности опираться на онтологические категории). Понятие смысла, нравственности, совести исключалось из научного оборота и не имело научного объяснения и оставалось в ведении церковных деятелей или писателей.

Видимо, именно практическая педагогическая деятельность в организованной им школе в Ясной Поляне, принципы «опыта свободы», вопросы «чему, как и зачем учить» в совокупности с на редкость зрелыми статьями в журнале «Ясная Поляна» создают огромное экспериментальное пространство спора Толстого не только с «абстрактной эмпирической педагогикой» Западной Европы и России, но и впервые в мировой науке на примере педагогических практик предлагаются вполне выполнимые для учителей-новаторов пути выхода из гуманитарного кризиса. Впервые Толстой выступает с психологических позиций. Так зарождается его экзистенциальная педагогика: педагогика диалога, опоры на онтологические категории жизни человека и понимания антропности духовности и в целом педагогика духовной жизни человека.

Редколлегия журнала «Современник», Петербург. Слева направо: стоят Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович. Сидят: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, А.Н. Островский

Стоит подчеркнуть, что педагогическое наследие писателя оказалось не только инструментом познания глубинных проблем понимания жизни человека, но и рупором пропаганды провидческих идей Толстого как гениального проповедника.

Прецедент Толстого – соединение несоединимого – религии (мысли ненаучной, но обращенной к внутреннему Я человека и его смысловым, духовным запросам) и науки (важность которой признавал Толстой: «нет на свете ничего нужнее, благотворнее настоящей науки»). Это дает повод для серьезных размышлений об адекватности методологии, в толстоведении (и не только в толстоведении)¹.

Неадекватной оказалась вся методология отечественного толстоведения, а в основание отношения к Толстому как великому художнику и слабому мыслителю легла серия статей В. Ленина, которые были превращены в «ленинскую концепцию» творчества Толстого – в ней предмет исследования превращался в вымышленную фигуру.

К сожалению, процесс осмысления содержания педагогических и религиозных исканий Толстого надолго задержался. Вскрытая Толстым: *ложность* научной картины мира, включающей науки о человеке, не была осознана, и это мешало и продолжает мешать адекватному восприятию смысла его творчества и новой оценке религиозно-нравственного учения как учения о жизни человека.

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание. М.; Л., 1928–1964. Т. 38. С. 65, 67. Далее в ссылках это издание обозначено аббревиатурой ПСС.

До недавнего времени считалась обязательной для всех – от ученого-философа до учителя истории и литературы – формула о двух Толстых, «нашем» и «не нашем». Если приходилось затрагивать его религиозно-нравственное учение, то оценивалось оно непременно в негативном плане, как доказательство якобы ущербного мировоззрения великого гуманиста, поскольку он «не понял» революционеров, не поверил в их возвышенные побуждения, отказал им в праве путем революционного насилия перестраивать жизнь, осчастливливая людей вопреки их воле и желанию.

Первыми смелыми словами по поводу религиозно-нравственного учения Толстого в советский период были слова Леонида Леонова, который на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Толстого, в частности, отметил, что «любому слову в философской терминологии Толстого, вплоть до столь далекого, казалось бы, от нашей современности Царства Божьего, найдется надежный синоним и в нынешнем гуманистическом словаре»². Как ни странно, благоприятные предпосылки для исследований философского и педагогического наследия Толстого создали работы авторов, которые не занимались его творчеством. Так, работы Э.В. Ильенкова по диалектической логике и В.В. Давыдова по проблемам развивающего обучения способствуют пониманию сути методологического спора Толстого с эмпирической абстрактной педагогикой середины XIX века; показа ограниченности как идеалистической методологии, так и материалистической в понимании духовной и нравственной сущности человека³.

Проблема смысла жизни и нравственного поведения, понимания Толстым антропности духовности, онтологического характера ценностей и способности педагога их развивать в учащихся психологический вклад Толстого в складывающуюся в настоящее время экзистенциальную психологию и педагогику. Этому мешала марксистская методология наук о человеке, которая в нашей стране стала подвергаться критике с конца 80-х – начала 90-х годов XX столетия.

Развиваются во многом созвучные взглядам Толстого христианская, гуманистическая, экзистенциальная психология и педагогика. Не случайно, а закономерно выступление видного австрийского экзистенциального психолога В. Франкла, который вывел из-под критики религиозных деятелей исследование высшего, по сути духовного измерения человека, назвав его ноэтическим, а Толстого рассматривал как предтечу этого направления психологии.

Пока совсем не исследована взаимосвязь идей Толстого в его религиозно-нравственных трактатах с гуманистической и экзистенциальной психологией Запада, хотя прецедент взаимосвязи очевиден. Исторический парадокс запрета в царской России из-за резкого антиправительственного и антицерковного пафоса привел к тому, что друг и соратник писателя В. Чертков на свои средства печатал эти произведения на иностранных языках в Лондоне и распространял их. «Наука жизни» Толстого становилась доступна западной интеллигенции раньше, чем отечественной. А в наши дни ученик В. Франкла, профессор Альфريد Ленгли «переучивает» отечественных психологов и психотерапевтов в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова на основе современного экзистенциального анализа. Видимо, слушатели этих курсов даже не подозревают о тех поэтических образах, которые оставил Толстой в произведениях «Исповедь», «О жизни», «В чем моя Вера?», «Царство Божие внутри вас», и др.

В наши дни почитатели (учителя, родители, широкая педагогическая общественность) художественного и педагогического творчества Толстого испытывают потребность в современной трактовке попыток писателя поставить в научный дискурс понятие души и духа.

Безусловно, большой интерес к проповеднической деятельности гениального провидца испытывают множество учителей, родителей, студентов педагогических вузов. Повторим, что

² Леонов Л.М. Слово о Толстом // Лев Толстой: В 2 кн. М., 1961. (Лит. наследство; Т. 69). Кн. 1. С. 17.

³ См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 304–317.

сегодня Толстой как проповедник не одинок, а его заключительный аккорд (как в «науке жизни», так и в педагогике) – книга «Путь жизни», в которой он операционализирует шаги человека на пути совершенствования, вписывается в современную научную педагогику и психологию и возвращает нас совершенно неожиданно к его первому высказыванию об усилии духа в волевом акте созидания своей духовности, сделанному в восемнадцать лет, в годы студенчества.

Самой действительностью актуализированы проблемы осмысленной духовной жизни, идеи здоровьесберегающих технологий в педагогике и медицине, оформляется исследовательский замысел сближения религии и науки в проблеме человековедения, что делает актуальными искания писателя и его предвидение эффективности психологических подходов в практиках работы с людьми.

Появились позитивные оценки в отношении того пласта творчества Толстого, который сам он считал главным делом своей жизни, т. е. сочинений последних тридцати лет его писательского пути (А. Николюкин, Ю. Давыдов, Н. Кудрявая, А. Мень, Е. Мелешко, М. Лукацкий, Б. Сушков, В. Ремизов и др.).

Научная и педагогическая общественность испытывает потребность в новой научной интерпретации содержания религиозно-нравственного учения или «науки жизни» Толстого, для которого педагогика явилась исследовательским инструментом и рупором внедрения этих идей.

В недавно вышедшей книге историка, профессора Оксфордского университета, Андрея Зорина дается оценка проповеднической деятельности Толстого и высказывается мнение об «одиноким вожде», учение которого оказалось невостребованным человечеством. Можно и согласиться, что востребовано очень скромно. Но можно возразить профессору А. Зорину, что в наши дни, несмотря на отсутствие адекватной оценки его религиозно-нравственного учения, а оно по-прежнему исключено из научного оборота в нашей стране, идеи этого учения через педагогику делаются все более популярными и востребованными.

Гений не одинок. А в наши дни у Толстого есть целая армия последователей, которая внедряет идеи педагогики осмысленной духовной жизни.

Цель данной книги – привлечь внимание к созданному в последние 30 лет жизни писателя религиозно-нравственному учению о жизни человека, которое он сам называл «наукой жизни».

По мнению автора, впервые в истории наук о человеке Толстым на операциональном уровне задаётся и обосновывается способ духовной, осмысленной, нравственной жизни с опорой на онтологические категории человека. Отметим тот факт, что у Толстого вместо современной категории «личность» в знак протеста существовавшему биологизаторскому понятию личность используется категория «человек».

Путь к созданию этого учения оказался длиною в жизнь и, видимо, был главной задачей Толстого – гениального провидца, проповедника, мыслителя, писателя и педагога.

Произведения Толстого последних 30 лет жизни демонстрировали выход из гуманитарного кризиса в науках и практиках работы с человеком, ставили в научный дискурс проблемы духовности и нравственности, показывали их антропность и возможность работы с ними, опираясь на онтологические категории жизни человека.

Толстой по-новому для своего времени решал так называемую психофизическую проблему соотношения духовного и психофизического, по-толстовски «Божеского и человеческого».

Толстой предлагал рассматривать личность в триаде – тело-душа-дух, что свойственно современной гуманистической педагогике и психологии.

Видимо, настало время повлиять на ситуацию невнимания и даже искажения этого пласта творчества Толстого.

В данной книге предпринята попытка в какой-то мере удовлетворить эту потребность. В книге рассматриваются этапы педагогического творчества Толстого (первый – третий периоды) и последовательное, «шаг за шагом», разрешение той сверхзадачи, которую осознал Толстой в начале своего творческого пути, сверхзадачи, условием которой является необходимость духовного и нравственного отношения к жизни. По мнению Л.Н. Толстого, знаниевая педагогика не в состоянии выполнить эту задачу.

В книге впервые в отечественном толстоведении сделана попытка современной интерпретации «науки жизни» Толстого традиционно известной как религиозно-нравственное учение.

Кроме того, в книге дается современная интерпретация педагогического творчества Толстого в его взаимосвязи с наукой о духовной жизни, что и было попыткой писателя, дерзнувшего «нарушить спокойствие педагогов-теоретиков и высказать столь противные всему свету убеждения».

Автор приглашает читателя проследить шаги гениального педагога и мыслителя на этом нелегком пути и надеется, что Толстой-педагог и проповедник обретет новых единомышленников.

Педагогика Л.Н. Толстого 60–70-х годов XIX столетия как предпосылка «науки жизни»

Есть и у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться – это школа.

Л.Н. Толстой

Я все думаю о воспитании... И собираюсь тогда написать résumé всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает или с чем никто не согласен.

Л.Н. Толстой

Педагогикой Толстой занимался всю жизнь, и она была не только «страстным увлечением, педагогическим делом», но и стала инструментом проверки гениальных догадок о наличии гуманитарного кризиса в науках о человеке, необходимости поставить в научный дискурс понятие души и духа, диалогичности природы человека.

В последний период жизни педагогика превратилась в мощнейший рупор пропаганды идей об осмысленной и нравственной жизни человека, о воспитании, «которое спасёт мир». Сочетание гениального писательского, исследовательского и проповеднического дара Толстого сделали его педагогикой творческим феноменом, повторить который невозможно. Сейчас очевидно, что с 1860-х годов он прокладывал новые неведомые современникам подходы и демонстрировал педагогические практики гуманистического экзистенциального характера.

Впервые в практике мировой педагогики со всей очевидностью был поставлен вопрос о несостоятельности знаниевой эмпирической «абстрактной» педагогики (педагогики ЗУНов), неспособной решать задачи духовного и нравственного развития детей и молодежи.

Первым знаком, своеобразным посланием явились размышления Толстого-студента Казанского университета по поводу различных трактовок философской антропологии, которые он посчитал недоказательными в период уже наступающего научного прогресса и неубедительными для «людей науки», т. е. интеллигенции. Кстати, список прочитанных автором трудов – это весьма интересный и малоисследованный аспект творчества Толстого)⁴. Это первое свидетельство неприятия неубедительности философских основ понимания жизни человека (существует мнение, что самым первым знаком Толстого-младенца был его протест против пеленания, сдерживающего стремление к свободе, как естественному человеческому свойству, а истоком духовных исканий было детское увлечение – игры мальчиков Толстых в «муравейное братство» и вера в «зеленую палочку» как символа этого братства).

Молодой Толстой полемизирует с наиболее якобы авторитетной формулой философа Декарта «душа-тело», находит более убедительную формулу «Volo ergo sum» по сравнению с декартовским «Cogito ergo sum» и этим подчёркивает, что воля как часть души используется для творения духовной нравственной жизни. Эта великая мысль Толстого (заметим, что ему всего 18 лет) позднее развитая в педагогике 60–70-х годов («гармония развития») и в религиозно-нравственном учении о взаимодействии человека через волю, усилие с психофизическим организмом.

⁴ См. в книге: Ленгле А., Уколова Е.М., Шумский В.Б. «Современный экзистенциальный анализ. История, практика, исследования». М.: Логос, 2014.

Лев Толстой в молодости

Позднее известный западный философ М. Шелер, которого справедливо считают великим предшественником экзистенциальной психологии, который повлиял на творчество В. Франкла, назвал такой феномен «волевым проектом духа», что позволяет выявлять взаимодействие духа и психофизического организма. Возможно, уместно отметить множество совпадений в высказываниях М. Шелера и Л. Толстого по определению путей выхода из гуманитарного кризиса в понимании сущности человека и изменений в трактовках структуры личности

и понятия «человек». (Это весьма интересный и малоисследованный аспект творчества Толстого.)

Следует обратить внимание на ещё одно амбициозное высказывание Толстого для самого себя, т. к. речь идёт о записи в дневнике от 4 марта 1855 г. в период нахождения на Кавказе. Толстой записал: «...вчера разговор о божественном и вере навёл меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей блаженства на небе, но дающей блаженство на земле».

Видимо, занятия педагогикой показали Толстому той самой деятельностью, которая позволила бы ему проверить свои первые провидческие идеи.

Известный исследователь творчества Толстого Б. Эйхенбаум не увидел никакой значимой цели начала педагогической деятельности Толстого. Опираясь на высказывания молодого писателя, сравнившего увлечения педагогикой с любовным приключением, отметил, что занятия педагогикой были лишь побудителем к написанию романа «Война и мир». Б. Эйхенбаум не нашёл убедительных аргументов ухода молодого и уже получившего известность Толстого-писателя из журнала «Современник». Б. Эйхенбаум не усмотрел, говоря нашим языком «методологической продвинутой» Толстого, а переход его к педагогической деятельности, к счастью, без всякого специального педагогического образования и только с помощью самообразования, чтения Руссо, объяснял желанием проверить гениальные прозрения на практике. Тем более, что практика не была связана государственными программами и другими обременениями в виде, например, учителей, имевших нежелательный опыт, а сам дух эпохи подталкивал к творению.

Яснополянская школа – «опыт и свобода»

Педагогическая деятельность Толстого началась с создания 1859 году Яснополянской школы и издания журнала «Ясная Поляна». Эта вершина айсберга толстовской педагогики только начинает открываться в наши дни. Магия ряда его педагогических статей столь велика, завораживающа, а язык статей метафоричен, выразителен, насыщен юмором, сарказмом, теплотой и любовью, что читатель невольно становится соучастником размышлений – этого ли не проповеднический дар гениального провидца, педагога?

При первом чтении статей журнала «Ясная Поляна» читатель начинает включаться в переключку Толстого с «голосами эпохи» (М. Бахтин). А голоса весьма значительны: Гегель, Кант, Руссо и др. Толстой как бы приглашает читателя совместно преодолеть те преграды, ловушки, противоречия «якобы научного знания» эпохи. Не у всех читателей есть соответствующий уровень подготовки, мешают стереотипы. Многое кажется непонятным. Но желание идти в ногу с гениальным провидцем столь велико, что в наши дни уже понимаешь, какие новые пути развития психологии и педагогики предлагает Толстой, и, видимо, у него уже созревают мысли о «науке жизни». Ты незаметно вступаешь в диалог, становишься соучастником разгадки гениальных прозрений. И тогда совершается то чудо, о которых рассказывал не только Толстой, но и позднее такие гениальные философы и ученые, как Н.А. Бердев, Н.О. Лосский, В. Франкл – исчезновение пропасти между познающим и познаваемым. Это чудо Толстой совершал на многих уроках Яснополянской школы, в занятиях с детьми в 1906–1907 гг., на т. н. «уроках морали» в своем доме в Ясной Поляне. Он сделал необыкновенно поэтическое описание этого феномена, что чрезвычайно важно в решении проблем воспитания, и на что не обращали внимание исследователи его педагогического творчества.

Яснополянская школа

У россиян есть возможность непосредственно прикоснуться к педагогическому творчеству писателя, оно как мостик к пониманию учения Толстого о жизни человека, изложенному в религиозно-нравственных трактатах. А со второй половины уже XX-го столетия гуманистическая и экзистенциальная психология должны облегчить их понимание, как версии экзистенциальной теории личности.

Педагогическая деятельность Толстого всесторонне изучена. Непревзойденным источником фактической стороны дела остаются труды его секретаря Н.Н. Гусева. В советское время педагогическое толстоведение сосредоточило свое исследовательское внимание на демократическом и народном пафосе педагогики Толстого, его желания «спасти тонущих» будущих «Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых», которые «кишат в каждой школе».

В контексте данной книги стоит признать, что несмотря на мировую известность журнала «Ясная Поляна», использование ряда идей демократическим педагогическим движением за новое воспитание в Европе, России, Америке, самый глубинный смысл стал приоткрываться только в середине XX столетия. Именно в эти годы американская гуманистическая психология совершила революцию во взглядах на практики работы с человеком. А голоса экзистенциальных психологов перекликались с высказываниями Толстого, сделанными еще во второй половине XIX века.

Сосредоточим свое внимание на возможности понять то, чего не поняли не только современники писателя, но исследователи его творчества в советское время. По саркастическому замечанию писателя, после очередного педагогического диспута с педагогами и методистами России ему не удалось «разворошить муравейник тупоумия» (из письма С.А. Толстой). Хотя в глубине души Толстой надеялся на здравый смысл русского народа, который не примет ложную традиционную эмпирическую педагогику Запада, которая в эти годы изучалась великим русским педагогом К.Д. Ушинским и была рекомендована к внедрению в российское образование.

В педагогике Толстой для доказательности своих новаторских идей использовал писательское оружие – язык. Язык полный метафор, неожиданных сравнений, аллегорий, которые по выражению критика Н. Страхова, «глубоко западали в душу человека». Эти образы приглашали читателя заглянуть в душу ребенка, понять состояние страха, неуверенности, или радости, любви, сострадания. Пожалуй, в мировой педагогике нам не найти подобных примеров, когда автор прокладывает мостик к пониманию идеи, но не пользуется научным традиционным языком (для Толстого такого научного языка пока не существовало). Язык образов писателя столь убедителен, доказателен, что, вероятно, Толстой переоценивал подготовленность читателей и слушателей. Это он был вынужден публично признать во второй статье «О народном образовании» (1874 г), названной им «педагогической исповедью».

В 70-е годы XIX столетия задор Толстого разъяснить свою педагогическую позицию был столь велик, что писатель даже согласился на небольшой педагогический эксперимент по методам обучения грамоте, заранее обреченный на неудачу в силу неподготовленности. Приведем несколько примеров «говорящих образов» его педагогических статей.

«Стоит взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улице или в школе, – писал Толстой, – то вы видите жизнерадостное, любознательное существо, с улыбкой в глазах и на устах, во всем ищущее поучения, как радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своим языком, – то вы видите измученное, сжавшееся существо, с выражением усталости, страха и скуки, повторяющее одними губами чужие слова на чужом языке, – существо, которого душа, как улитка, спряталась в свой домик. Стоит взглянуть на эти два состояния, чтобы решить, которое из двух более выгодно для развития ребенка. То странное психологическое состояние, которое я назову школьным состоянием души, которое мы все, к несчастью, так хорошо знаем, состоит в том, что все высшие способности – воображение, творчество, соображение, уступают место каким-то другим, полуживотным способностям – произносить звуки независимо от воображения, считать числа сряду: 1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, не допуская воображению подставлять под них какие-нибудь образы; одним словом, способность подавлять в себе все высшие способности для развития только тех, которые совпадают с школьным состоянием – страх, напряжение памяти и внимание»⁵.

⁵ ПСС. Т. 8. С. 14.

В своих педагогических сочинениях Толстой высказал мысли о тяжелых последствиях подобной организации обучения, так как она приводит к явлению, которое сегодня мы называем деперсонализация, или разрушение личности. Он объяснил, что такие личностные проявления, как лень, апатия, честолюбие, «раздраженное самолюбие», – результат практики «эмпирической абстрактной» педагогики.

В статье «Воспитание и образование» Толстой рисует «продукт» «эмпирической», «абстрактной» педагогики – юношу Ваню, прошедшего весь курс наук в учебных заведениях России и в результате «чужим языком говорящего, чужим умом думающего, курящего папиросы и пьющего вино, самоуверенного и самодовольного»⁶.

Традиционное авторитарное воспитание тормозит творческое развитие детей, что, по мнению Толстого, представляет собой определенный регресс, возвращение к дикости. «Всякий школьник до тех пор составляет диспарат [несоответственность] в школе, пока он не попал в колею этого полуживотного состояния. Как скоро ребенок дошел до этого положения, утратил всю независимость и самостоятельность, как только проявляются в нем различные симптомы болезни – лицемерие, бесцельная ложь, тупик и т. д., так он уже не составляет диспарат в школе, он попал в колею, и учитель начинает быть им доволен»⁷.

Писатель оставил множество наблюдений, которые современниками оценивались как придиричливость или борьба с шаблонами, а на самом-то деле речь шла о низком уровне интеллектуального и нравственного развития детей при подобной системе обучения. Жесткое следование учителя программе вопросов было манипулированием, а ответы учеников, если что-то «пробудилось в их памяти и воображении», пресекались. Так как ученики плохо усваивали такое бессмысленное содержание, учитель их все время возвращал к наглядным опорам: «Рассматривая новый предмет, дети возвращаются при каждом удобном случае к предметам, уже рассмотренным. Так, когда они заметили, что сорока покрыта перьями, учитель спрашивает: а суслик тоже покрыт перьями? чем он покрыт? а курица чем покрыта? а лошадь? а ящерица? Когда они заметили, что у сороки две ноги, учитель спрашивает: а у собаки сколько ног? а у лисицы? а у курицы? а у осы? Каких еще животных знаете с двумя ногами? с четырьмя? с шестью?» Невольно представляется вопрос, – пишет Толстой, – знают или не знают дети все то, что им так хорошо рассказывается в этой беседе? Если ученики все это знают, то... для чего им приказано повторять эти ответы так, как их сделал учитель?»⁸

Защищая русских детей от подобных методик обучения, Толстой писал, что «педагоги немецкой школы и не подозревают той сметливости, того настоящего жизненного развития, того отвращения от всякой фальши, той готовой насмешки над всем фальшивым, которые так присущи русскому крестьянскому мальчику...»⁹

И пожалуй, самым убедительным примером проникновения в тайны души ребенка, умения организовать обучение в форме диалога, снять преграды между «мертвым» учебным материалом и учащимися, опираться на онтологические, а не формально – логические основания организации обучения можно найти в статье «Кому и у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят».

⁶ ПСС. Т. 8. С. 225.

⁷ ПСС. Т. 8. С. 14.

⁸ ПСС. Т. 17. С. 84.

⁹ ПСС. Т. 17. С. 100.

Мастер-класс Толстого: статья журнала Ясная Поляна «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят»¹⁰

В статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» Толстой показал читателям как прикоснуться к душе ребенка и увидеть явление по таинственности подобное «расцветанию папоротника». Это движение души ребенка нематериально, но оно существует. Педагог может найти способ включить эти ресурсы души, духа, нравственности в свой профессиональный опыт.

Классическим примером описания бессмысленного обучения по-модному тогда в Европе методу наглядного обучения и практики так называемых «предметных уроков» стал пример урока чтения в немецкой начальной школе по картинке, изображающей рыбу. Процесс обучения приобретает статичный характер, рассматривается как суммативная реальность, что не соответствует природе этого явления. Дети, в описании Толстого, не понимают смысла деятельности преподавателя, который показывает картинку, изображающую рыбу, и спрашивает: «Что это такое?» (при этом ученики должны ответить, что это картина, изображающая рыбу). Толстой насмешливо замечает, что до учеников, вероятно, дошли слухи от старших братьев и товарищей, каким соком достается эта рыба и как морально мучают и ломают их за эту рыбу: «Все умные уже передумали в это время тысячу раз, что они видят, и чутьем знают, что им не угадать того, что требует учитель, и что надо сказать... что-то такое, чего они не умеют назвать. [...] ...Ученики теряют всякую надежду и уверенность в себе и все умственные силы напрягают на уразумение того, что нужно учителю». Налицо ситуация стагнации, торможения психического развития. Процесс обучения обездвижен, его основанием является формальная логика, неадекватная смыслу процесса обучения, и Толстой остроумно замечает, что дети забывают живую рыбу, плавающую в их пруду.

Приводимый пример необходим Толстому, чтобы рельефно оттенить свой подход, основанием которого являются системное понимание процесса обучения и положения так называемой «живой диалектики». Как следует из текста статьи «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», Толстой видит в процессе обучения действительно диалектическое противоречие, преодоление которого является имплицитным процессом саморазвития, самоорганизации обучения. Здесь не противоречие между учителем и учащимся, а наличие противоречия в самом преподавателе и учащемся; преодоление этого противоречия должно привести к рождению целостной личности как преподавателя, так и учащегося, а разрешение этого как раз и является имплицитным механизмом самодвижения, самоорганизации обучения.

Красноречивое название статьи иллюстрирует понимание необходимости диалектического тождества позиции ученика и учителя, когда принципиально нельзя поставить вопрос о первенстве, когда на отношения между учителем и учениками нельзя посмотреть как на субъект-объектные или объект-субъектные, а только как на личностно-личностные отношения диалектического тождества, когда учитель – одновременно учащий и учащийся, а ученик – учащийся и учащий.

В статье «Кому у кого учиться писать...», пользуясь своим даром художественного описания, Толстой предпринял попытку посмотреть на обучение изнутри и найти то энергичное поле, когда возникает ситуация развития, сознательно организованное творчество. Читатель

¹⁰ См.: Кудрявая Н.В. Толстой-педагог: от народного учителя к учителю жизни. Учебное пособие. – Музей-усадьба Ясная Поляна Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. – 448 с. С. 170–179.

согласится, что это наиболее значимая, приносящая удовлетворение ситуация педагогического труда каждого учителя. Согласно описанию Толстого способом существования обучения является состояние, возникающее в момент взаимообращения двух противоположностей, когда каждая из них полагает себя как иное себе, утверждая диалектическое тождество противоположностей, которое порождает энергичное поле. Возникает ситуация развития, то есть ситуация рождения связей-отношений как выражение триадной логики мышления. (В современной педагогической науке утверждается тенденция так называемой триадной логики, генетически восходящая к диалектике Гегеля, согласно которой сущность преподавателя как педагогической личности проявляется через механизм кольцевой координации двух противостоящих тенденций, когда каждая из них полагает себя как иное себе¹¹.) Как видим, Л.Н. Толстой еще в середине XIX столетия обращается в триадной логике, развивая тем самым взгляды великого философа.

В эпизоде, который лег в основу статьи «Кому у кого учиться писать...», Толстой «подсмотрел» диалектику внутреннего противоречия позиции и учителя, и учеников (Федьки и Семки), а также переходов, «переливов» (по Гегелю), которые являются источником творчества. Как организовать обучение и взаимодействие с детьми? По мысли Толстого, традиционное обучение не соответствовало действительной природе этого явления (процесса). Он хотел оживить процесс и опереться на так называемую «живую диалектику», противопоставив ее ситуации статики, покоя, свойственной традиционному обучению.

Толстой описывает момент, когда процесс преподавания и процесс учения (учитель-ученик) вступают в диалоговое взаимодействие. Проследим по тексту статьи «Кому у кого учиться писать...» за действиями Толстого-учителя, совместно с учениками Яснополянской школы пишущего сочинение «Ложкой кормит, а стеблем глаз колет».

Сам выбор темы, которая бы заинтересовала детей, оказался непростым, писатель, по его собственным словам, «нечаянно попал на настоящий прием» – выбрал пословицу «ложкой кормит, а стеблем глаз колет». Думается, у Толстого это получилось не так уж и нечаянно. В процессе работы с детьми он заметил, что мифы, легенды, притчи, пословицы, поговорки обладают силой просветлять человеческие умы, черпают эту силу из глубин бессознательного и воспринимаются как метафоры, описывающие различные аспекты поведения людей. Толстой заметил, что они глубоко западают в сердце детей и создают матрицы понятий и символов, формирующих понимание мира. Он уловил, что используемая пословица «включила» детей, которые без труда в процессе работы создавали все новые и новые образы, обогащая их житейскими ситуациями.

Перед нами совместное написание сочинения с детьми как процесс совместной деятельности, со-бытия. Учитель начинает работу, стараясь привлечь внимание ребят. Сначала ему это не удается, «никто не похвалил», замечает Толстой, описывая начало работы. «Мне было совестно и, чтоб успокоить свое литературное самолюбие, я стал рассказывать им свой план последующего. По мере того как я рассказывал, я увлекался, поправлялся, и они стали подсказывать мне: кто говорил, что старик этот будет колдун; кто говорил: нет, не надо, – он будет просто солдат; нет, лучше пускай он их обокрадет; нет, это будет не к пословице и т. п., говорили они.

Все были чрезвычайно заинтересованы. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем»¹². Толстой показывает, что учителю необходимо сделаться субъектом «изнутри», но, чтобы сохранить позицию субъекта преподавания и успешного воздействия на учеников, ему надо стать объектом их пристального

¹¹ См.: *Невская В.И.* Эвристический потенциал триадных (системных) отношений в педагогической сфере // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. № 4 (16). С. 82–96.

¹² *ПСС*. Т. 8. С. 303.

внимания, вызвать их живой интерес («все были чрезвычайно заинтересованы»). Но одновременно учителю надо быть субъектом своих мыслей, чувств, что подтверждается тонкими наблюдениями писателя за работой детей.

С самого начала выделились два мальчика: «...Семка резкой художественностью описаний, и Федька – верностью поэтических представлений и в особенности пылкостью и поспешностью воображения»¹³.

Толстой вскрывает противоречие в позиции преподавателя (субъект-объект) и показывает, что такая же внутренняя противоречивость присуща и позиции учеников, которые становились одновременно и объектом и субъектом и обретали действительно личностный статус. Толстой писал: «Требования их [учеников] были до такой степени неслучайны и определены, что не раз я начинал с ними спорить и должен был уступать. [...] Я хотел, например, чтобы мужик, взявший в дом старика, сам бы раскаялся в своем добром деле, – они считали это невозможным и создали сварливую бабу. Я говорил: мужику стало сначала жалко старика, а потом хлеба жалко стало. Федька отвечал, что это будет нескладно: “Он с первого начала бабы не послушался и после уже не покорится”. – Да какой он, по-твоему, человек? – спросил я. “Он как дядя Тимофей, – сказал Федька улыбаясь, – так, бородка реденькая, в церковь ходит, и пчелы у него есть”. [...] С того места, как старика внесли в избу, началась одушевленная работа. Тут, очевидно, они в первый раз почувствовали прелесть запечатления словом художественной подробности. В этом отношении в особенности отличался Семка: подробности самые верные сыпались одна за другою»¹⁴.

Высказывания учеников привлекают внимание Толстого-писателя своей правдивостью, «одушевленностью» работы; ребята, как увидел Толстой, в первый раз почувствовали прелесть запечатления словом художественной подробности: «Семка, казалось, видел и описывал находящееся перед его глазами: закорюченные, замерзлые лапти и грязь, которая стекла с них, когда они растаяли, и сухари, в которые они превратились, когда баба бросила их в печку; Федька, напротив, видел только те подробности, которые вызвали в нем то чувство, с которым он смотрел на известное лицо. [...] Он видел из лоскутьев собранную шинелишку и прорванную рубашку, из-под которой виднелось худое, смоченное растаявшим снегом тело старика; он придумал бабу, которая ворчливо, по приказанию мужа, сняла с него лапти, и жалобный стон старика, сквозь зубы говорящего: тише, матушка, у меня тут раны. Семке нужны были преимущественно объективные образы: лапти, шинелишка, старик, баба, почти без связи между собою; Федьке нужно было вызвать чувство жалости, которым он сам был проникнут»¹⁵.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСС. Т. 8. С. 303–304.

¹⁵ ПСС. Т. 8. С. 304.

Лев Толстой в молодости

Толстой выделяет моменты, когда ученики, становясь субъектами исполнения замысла учителя, одновременно становятся объектами его пристального внимания: «Я не успевал записывать и только просил их подождать и не забывать сказанного»¹⁶.

¹⁶ Там же.

Логика статьи «Кому у кого учиться писать...» приводит читателя к видению возникшего диалектического тождества. В момент, когда учитель оказывается в одно и то же время и объектом и субъектом, рождается качественно новое образование – целостная личность учителя. Это также относится и к ученикам Семке и Федьке, которые самостоятельно дописали сочинение.

Толстой показывает, что дети превращаются в субъектов самоконтроля, саморегулирования, самокоррекции, из субъектов исполнения превращаются в субъектов учения, а это, в свою очередь, становится условием собственного роста Толстого-учителя. Текст статьи Толстой подтверждает актуально звучащую в современной дидактике мысль, что сущность и преподавателя и ученика проявляется через механизм кольцевой координации двух противостоящих тенденций в позиции и учителя и ученика, когда каждый из них сам полагает себя как иное себе, что характерно для триадной логики мышления. Учитель и ученик становятся диалектическим тождеством обучения, наполненного смыслом.

Толстой наглядно показывает, что процесс становления в ученике личности предполагает ту же логику преодоления противоречия (объект-субъект): вызвавшись писать сочинение, т. е. находясь в статусе субъекта исполнения задания учителя, учащийся становится объектом пристального внимания и живого интереса учителя. «Размягченная и раздраженная его в это время душа чувством жалости, т. е. любви, облекала всякий образ в художественную форму и отрицала все, что не соответствовало идее вечной красоты и гармонии. Как только Семка увлекся высказыванием непропорциональных подробностей о ягнятах в коннике и т. п., Федька сердился и говорил: ну тебя, уж наладил! Стоило мне только намекнуть о том, например, что делал мужик, как жена убежала к куму, и в воображении Федьки тотчас же возникала картина с ягнятами, бьяющими в коннике, со вздохами старика и бредом мальчика Сережки; стоило мне только намекнуть на картину искусственную и ложную, как он тотчас же сердито говорил, что этого не надо»¹⁷.

В ходе работы возникает как бы уравнивание в правах и обязанностях двух якобы противоположных друг другу сил, между учителем и учениками возникают отношения-связи события. «Я чувствовал, что с этого дня для него [Федьки] раскрылся новый мир наслаждений и страданий – мир искусства; мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имеет права видеть, – зарождение таинственного цветка поэзии. Мне и страшно, и радостно было, как искателю клада, который бы увидел цвет папоротника: радостно мне было потому, что вдруг, совершенно неожиданно, открылся мне тот философский камень, которого я тщетно искал два года, – искусство учить выражению мыслей; страшно потому, что это искусство вызвало новые требования, целый мир желаний, несоответственный среде, в которой жили ученики, как мне казалось в первую минуту. Ошибиться нельзя было. Это была не случайность, но сознательное творчество»¹⁸.

Перед нами описание энергичного обучения, в котором «я» – «ты» (учитель – ученик) входят в отношения диалектической обратимости в пространстве объемно-системного (а не линейно-аналитического) синтеза и способны совершать то, что не под силу ни одному из них в отдельности. «Мне казалось столь странным, что крестьянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высоте развития, не может достичь Гёте. Мне казалось столь странным и оскорбительным, что я, автор “Детства”, заслуживший некоторый успех и признание художественного таланта от русской образованной публики, что я в деле художества не только не могу указать или помочь 11-летнему Семке и Федьке, а что едва-едва – и то только в счастливую минуту раздражения

¹⁷ ПСС. Т. 8. С. 304–305.

¹⁸ ПСС. Т. 8. С. 305–306.

– в состоянии следить за ними и понимать их. Мне это казалось так странным, что я не верил тому, что было вчера»¹⁹.

Толстой позднее будет использовать этот прием организации обучения как неповторимого, уникального акта духовного события «я» – «ты», являющегося антропогенным полем, в пространстве-времени которого действуют фундаментальные духовные потребности (понимание, уважение, сострадание, милосердие и др.), на уроках «по вопросам морали» (в 1906–1907 гг.), которые в наши дни можно назвать уроками онтосинтеза, «встречи сознаний» (М. Бахтин).

Оценивая значение возникшего энергийного поля при совместном написании сочинения, Толстой заметил: «Не могло уж быть сомнения и мысли, что успех этот есть дело случая: нам, очевидно, удалось попасть на тот прием, который был естественнее и возбuditельнее всех прежних»²⁰. Эта совместная с детьми деятельность позволила Толстому сделать выводы о творческом развитии ребенка, когда ему «нужен только материал, чтобы пополняться гармонически и всесторонне» в обстановке «полной свободы». Толстой вскрывает механизм работы, когда и учитель и ученик превращаются в диалектическое тождество, помогают друг другу становиться целостными личностями. Системная интерпретация процесса обучения, предпринятая Толстым, позволяет понять суть диалектического тождества, в рамках которого рождается качественно новое образование – энергийное обучение, в котором преподаватель и ученик способны совершать то, что порознь не под силу ни одному из них. В противовес ситуации застоя, покоя и традиционного противопоставления учителя и ученика (пример обучения в немецкой гимназии) Толстой показал, что понимание системных отношений преподавателя и учащегося таит в себе эвристический потенциал, создающий ситуацию творчества, энергийного поля, которое возникает как результат отношений-связей участников педагогического процесса, что и преподаватель и ученики занимают позицию субъекта и объекта и эти противоречивые моменты их становления приводят к качественно новому образованию целостной личности, отношения становятся личностно-личностными.

Прием совместного написания сочинения неоднократно использовался Толстым в Яснополянской школе. Писатель был настолько увлечен работой с детьми, что иногда совершенно неожиданно найденный им прием «сознательного творчества» мог быть перенесен на новое содержание.

Статья «Кому у кого учиться писать...» – попытка Толстого рассказать о том, что обучение не может быть монологичным, все участники встречи проявляют свою индивидуальность, а смысл обучения заключается в высвечивании всех этико-эстетических сил участников процесса, когда возникает энергийная аура глубинного общения (онтообщения). Толстой оставил нам образец обучения как духовного акта со-бытия учителя и учащихся и возникновения их энергетического диалога. Учитель и учащийся становятся диалектическим тождеством обучения, наполненного смыслом.

Уникальные наблюдения, сделанные Толстым в процессе его педагогической работы с крестьянскими детьми, являются методическим описанием творческого средства (подхода) в педагогической деятельности – персонального диалога (встречи) учителя и ученика как акта их со-бытия, где огромная роль принадлежит учителю, его персональности в вопросе воспитания, образования и развития. С позиций современной экзистенциально-аналитической теории личности можно объяснить, что открыл, о чем писал и что понимал Толстой уже тогда, в далеком 1862 году. (Речь идет об экзистенциальном подходе, диалогичности личности каждого в бытие мира.)

¹⁹ ПСС. Т. 8. С. 308.

²⁰ Там же.

Педагогическая деятельность Л.Н. Толстого в 70-е гг. XIX века

Центральными моментами второго периода педагогической деятельности Толстого явились создание «Азбуки» (1872) и «Новой азбуки» (1874), диспуты с московскими учителями по вопросам методов обучения грамоте и написание по итогам этих дискуссий статьи «О народном образовании» (1874), которую писатель назвал «педагогической исповедью».

Этому предшествовало создание «великой книги» – романа-эпопеи «Война и мир» (1863–1869), – в которой Толстой продолжал исследовать проблемы духовной сущности человека, его устремленности к высшему смыслу жизни, соотношению свободы и детерминации. Характеризуя поступки и действия своих героев, он одновременно обдумывал «педагогические начала».

Это позволяло подойти к пониманию сущности человека. Он пытался изложить свои взгляды в виде отдельной книги, делал записи в дневнике, в письмах делился педагогическими размышлениями с друзьями и близкими. «Нынче утром записал кое-что по педагогике»²¹ (дневниковая запись от 10 апреля 1865 г.); «...думал много о своих педагогических началах. Я обязан записать все об этом деле»²² (дневниковая запись от 26 сентября 1865 г.); «...не перестаю думать об этом и, ежели Бог даст жизни, надеюсь еще изо всего этого составить книги...»²³ (письмо А.А. Фету от 16 мая 1865 г.); «Я все много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать résumé всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает или с чем никто не согласен»²⁴ (курсив мой. – Н. К.) (письмо А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г.).

В 1868 г., еще работая над романом «Война и мир», Толстой составил план книги для чтения в народной школе. Этот замысел был результатом его пристального внимания и высокой требовательности к учебной литературе для детей. Ранее в ряде статей писатель отмечал, что литературы для детей нет. Уже в журнале «Ясная Поляна» приложением к педагогическим статьям печатались маленькие рассказы, часть из которых была написана яснополянскими учениками под руководством Толстого.

Осенью 1868 г., когда писатель напряженно работал над пятым томом «Войны и мира», у него вполне созрела мысль о составлении первой книги для чтения и азбуки для семьи и школы с наставлением учителю. В последующие годы он постепенно накапливал материал для азбуки. Так, например, осенью 1869 г. он увлекся чтением русских былин, изучая сборники И.В. Киреевского, П.Н. Рыбникова, А.Н. Афанасьева, Кириши Данилова, предполагая использовать некоторые из них в книге для чтения.

К систематической работе над «Азбукой» Толстой приступил, однако, лишь в сентябре 1871 г., о чем 12 января 1872 г. он сообщал в письме к А.А. Толстой: «Пишу я эти последние года Азбуку и теперь печатаю. Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет – Азбука, очень трудно. [...] Гордые мечты мои об этой Азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения русских *всех* детей от царских до мужицких и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть»²⁵. В январе – апреле 1872 г. Толстой прочел много трудов по вопросам естествознания, физики и астрономии, стремясь отразить результаты научных исследований «ясно и красиво» в своих

²¹ ПСС. Т. 48. С. 62.

²² ПСС. Т. 48. С. 63.

²³ ПСС. Т. 61. С. 82.

²⁴ ПСС. Т. 61. С. 116.

²⁵ ПСС. Т. 61. С. 269.

научно-популярных рассказах, написанных для «Азбуки». «Я все занимаюсь астрономией и физикой...»²⁶, – писал он 9 марта 1872 г. брату С.Н. Толстому. Всю ночь с 18 на 19 апреля Толстой не спал, наблюдая звезды. Во время поездки по Волге летом 1872 г. он продолжал заниматься арифметикой, составляя примеры и задачи для «Азбуки». Работа над «Азбукой» потребовала от Толстого глубокого изучения разнообразной литературы, которую надо было использовать для написания этой книги. «Азбука моя печатается с одного конца, – писал Толстой в апреле 1872 г. А.А. Толстой, – а с другого все пишется и прибавляется. Эта азбука одна может дать работы на 100 лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литературы, нужны все естественные науки, астрономия, физика, и работа над языком ужасная – надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно»²⁷.

«Азбука» в составе четырех книг объемом 47 печатных листов вышла в свет 12 ноября 1872 г. Она была напечатана тиражом 3600 экземпляров и продавалась по 2 руб. за экземпляр. В каждой книге «Азбуки» давались рассказы и басни для чтения, тексты на славянском языке с переводом на русский (отрывки из Несторовой летописи, Евангелия и т. п.), материалы для занятий по арифметике и методические указания для учителя.

Первая книга «Азбуки» открывалась алфавитом с изображением русских букв, напечатанных крупным жирным шрифтом. Толстой предлагал начинать обучение чтению с изучения букв. По его мнению, все методы ознакомления детей с буквами хороши, если дети не скучают.

Современное прочтение и оценка рассказов «Азбуки» подтверждают мысль о том, что именно «Азбука» явилась связующим звеном между опытом Яснополянской школы и разработкой религиозно-нравственного учения и что «Азбуку» можно рассматривать как прообраз детской версии учения о нравственной жизни человека («Беседы с детьми по нравственным вопросам», 1908). Духовно-нравственные основы «Азбуки» отражают понимание Толстым соотношения вертикали и горизонтали человеческой души. В представлении Толстого понятия «духовность» и «нравственность» не рядоположны, но взаимосвязаны.

Духовность выражает высшее устремление человеческой души (вертикаль). Нравственность – это поведенческие аспекты жизни (горизонталь). По Толстому, пересечение духовной, смысловой вертикали и горизонтали отдельных временных сознаний – это момент воплощения нравственных целей, ценностей в деятельность, поступок, обнаруживающий глубинное Я. Именно этот момент встречи «плоти и духа» выявляет истинное лицо человека, разрешает противоречие, что приводит либо к нравственному возвышению, либо к регрессу²⁸.

В процессе восприятия рассказа из «Азбуки» ребенок имел возможность усваивать сложные мировоззренческие понятия о месте человека в мире, о его целях и устремлениях, убеждаться в истинности тех или иных нравственных решений, получать опыт нравственной оценки. В одной из своих педагогических статей Толстой утверждал: «Я не согласен, чтобы дети не любили мораль; они любят мораль, но только умную, а не глупую»²⁹. Подавляющее большинство рассказов в «Азбуке» моралистичны, но их назидательность ненавязчива. Она естественно вытекает из самого повествования, даже и в тех многочисленных текстах, мораль которых образно выражается пословично-поговорочной или афористичной концовкой. Смысл рассказов в том, что при чтении их у детей возникает нравственная самооценка. Переживание ситуаций, считал Толстой, даст возможность закрепления правильной самооценки, не приведет к безнравственным поступкам. Это и есть в его понимании опыт, т. е. работа души.

²⁶ ПСС. Т. 61. С. 276.

²⁷ ПСС. Т. 61. С. 283.

²⁸ См.: Кудрявая Н.В. Лев Толстой о смысле жизни. М., 1993. 173 с.

²⁹ ПСС. Т. 8. С. 281.

При анализе духовно-нравственных основ «Азбуки»³⁰ мы будем опираться на классификацию духовных ценностей – «плодов духа» (любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, вера, кротость, воздержание) и «дел плоти» (прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, пьянство, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства и тому подобное)³¹. В христианской этике духовность связывается с внутренней чистотой и умиротворенностью, со скромностью и послушанием. С точки зрения Толстого, духовно-нравственное развитие опирается на развитие культуры чувств человека, что формирует духовный стержень его личности.

Согласно классификации нравственных ценностей мы разложили рассказы первого раздела «Азбуки» Толстого на темы:

1. Чувство справедливости, долга.

2. Совесть, стыд, ответственность за свои мысли, поступки.

3. Непротивление злу насилем.

4. Противоречия, хаос и несчастья, которые порождает человек своим неразумным поведением.

5. Вера – Любовь – Добро – Благо – Красота.

Рассказы первой группы дают пищу глубинному Я человека, которое является смысловым, аксиологическим стержнем сознания, духом, который «собирает» все силы души – разум, волю, чувство долга и справедливости. Ребенок лишь утверждает в своих догадках о добре и зле, о чувстве долга перед старшими, которые дали жизнь, и младшими, которые нуждаются в нем. Раскрыв и утвердив в детях чувство справедливости и долга, сделав их обязательным внутренним стержнем личности, можно говорить о задатках нравственных качеств человека.

Толстой считал, что ребенок от рождения совершенен: «Учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно по той простой причине, что ребенок стоит ближе меня, ближе каждого взрослого к тому идеалу гармонии, правды, красоты и добра, до которого я, в своей гордости, хочу возвести его. Сознание этого идеала лежит в нем сильнее, чем во мне»³². Значит, в любом человеке, по мнению Толстого, от рождения заложены духовные и нравственные начала, которые в процессе жизненного пути либо раскрываются, либо исчезают. Любое воспитание начинается в семье. Все окружающее человека воспитывает его постоянно, дает определенный нравственный опыт. Именно в семье в нем развивается любовь к близким, долг перед ними, способность различать добро и зло. Бог, по Толстому, вложив в человека инстинкт добра, предоставил ему нравственную свободу. Добро и зло зависят от человека, сознательные волевые усилия в соответствующей переделке собственной личности должны обуславливать «все направление жизни»³³. Писатель не сомневался в том, что от самих людей зависит следование своим эгоистическим стремлениям или отречение от них во имя того, что внутренний голос диктует им как нравственный долг. Стоит употребить усилия, и может быть достигнута победа над собой, то высшее выражение свободы человека, каким является для Толстого самопожертвование.

Своим рассказом «Ученый сын» Толстой подводит детей к великой заповеди: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлить дни твои на земле...» (Исход, 20:12). Сам Толстой писал о долге С.Н. Толстой (жене И.Л. Толстого): «...я думаю, что первое условие хорошего воспитания есть то, чтобы ребенок знал, что все, чем он пользуется, не спадет готовым с неба, а есть произведение труда чужих людей. [...] Поверь мне, Соня, что без этого условия нет

³⁰ Нами использованы материалы диссертационного исследования М.А. Чудаковой.

³¹ См. Послание к Галатам святого апостола Павла (5:19–23).

³² ПСС. Т. 8. С. 323.

³³ ПСС. Т. 46. С. 46.

никакой возможности нравственного воспитания, христианского воспитания, сознания того, что все люди братья и равны между собой»³⁴.

Он считал, что чувство справедливости проявляется в любом детском коллективе и при разумном подходе потребность в свободном размышлении может стать импульсом к развитию культуры поступков, нравственных принципов и духовных качеств. Необходимо только дать возможность ребенку услышать свое Я. Говоря о нравственном совершенствовании человека, которое связано с чувством справедливости, долга и взаимопомощи, Толстой показывал не только положительные, но и отрицательные качества человека, т. е. доносил мораль «от противного». Особую роль в мотивах и поступках человека играет совесть (вторая тема нашей классификации рассказов), в понимании Толстого – интуитивный оценочный критерий, соединяющий человека с Богом, истиной, вечностью. Благодаря ей (совести) человек способен обнаружить тот единственный смысл, который содержится в каждой житейской ситуации и который иногда не осознается человеком, но заставляет его действовать тем или иным образом: «Совесть есть сознание своего духовного начала. И только тогда, когда она есть такое сознание, она – верный руководитель жизни людей»³⁵. «В человеке есть свой суд – совесть. Дорожить надо только ее оценкой»³⁶. Толстой отмечал, что «в период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два отдельные существа: одно – слепое, чувственное, и другое – зрячее, духовное»³⁷. Зрячее существо, которое можно сравнить с компасом и «проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим – на противоположное зло. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью»³⁸. Совесть – уникальный «механизм» связи человека и среды, «судья последней инстанции» в споре желаемого и должного, посредник в борении страстей. Не имеющая в основании гуманных, духовно-нравственных убеждений, подлинной культуры, неразвитая, заземленная, безответственная, она бессильна. Возникает то положение, о котором говорят: «совесть молчит».

Толстой в своем учении советовал: «Постарайся полюбить того, кого ты не любил, кто обидел тебя. И если это удастся тебе сделать, то тебе сейчас же станет очень хорошо и радостно на душе. Как свет ярче светит после темноты, так и на душе бывает особенно хорошо, когда вместо злости и досады почувствуешь любовь к тому, кого не любил и кто обидел тебя»³⁹.

Третьей темой нашей классификации стал новый идеал нравственного поведения, к которому должны стремиться люди. «Люди не верят в то, что за зло надо воздавать добром, а не злом, только оттого, что их с детства научают тому, что без этой отдачи злом за зло расстроится вся жизнь людская»⁴⁰. «... Не платить злом за зло. Злу должно противиться всякими праведными средствами, но никак не злом»⁴¹. Читателям дается право осознанного выбора, а затем раскрываются его последствия. На примере противопоставлений *богатый и бедный, злой и добрый, сильный и слабый* – Толстой кладет на чаши весов добро духовное и материальное. В рассказе-были «Камень» человек носит зло «за пазухой». Вместо милостыни, которую просил бедняк, богач бросил в него камень. Бедняк камень подобрал, затаил обиду и ждал расплаты, но прошло время, и не поднялась рука на жалкого, страдающего богача. Уступка «духовному существу» была сделана бедняком, когда он «пораздумался, бросил камень наземь». Настоя

³⁴ ПСС. Т. 73. С. 241, 242.

³⁵ ПСС. Т. 41. С. 417.

³⁶ ПСС. Т. 45. С. 245.

³⁷ ПСС. Т. 27. С. 270.

³⁸ ПСС. Т. 27. С. 271.

³⁹ ПСС. Т. 37. С. 33.

⁴⁰ ПСС. Т. 45. С. 231.

⁴¹ ПСС. Т. 28. С. 11

ший разлад между существом духовным и животным, муки совести показал Толстой в рассказе. Без всякого внешнего принуждения, руководствуясь только духовной потребностью, бедняк простил свою обиду. «Что надо делать, когда человек злится на тебя и делает тебе зло? Делать можно многое, но одно наверное не надо делать: не надо делать зла, то есть того самого, что тебе сделал человек»⁴². Толстой считал, что нужно отстаивать добро, но не любыми способами. У разных людей могут быть разные представления о добре, свои представления о способах решения тех или иных проблем, но любые попытки добиться добра с помощью силы, с применением насилия закончатся торжеством зла. Применение насилия, все равно – психологического или физического, – обязательно вызовет чувство ненависти у противника, а где ненависть, там нет места добру. Из этого не следует, что надо отказаться от борьбы со злом, – нет, но надо бороться только ненасильственными средствами, отказаться совершать безнравственные поступки. Фактически в учении о ненасильственном сопротивлении злу Толстой создал новую концепцию героизма, мужества: величие и сила человека не в том, чтобы нанести ответный удар, а в том, чтобы не ответить на удар. Благодаря такому поступку нравственный человек не будет продолжать цепь насилий, более того, ударивший человек может задуматься или даже устыдиться своего поступка, а это уже путь к его нравственному излечению. Учение Толстого устраняет противоречие между идеалами христианства и стремлением к героизму. Толстой создал новый идеал нравственного поведения, к которому должны стремиться люди. Далеко не все могут пойти по этому пути, но ведь и не все готовы на героизм.

Четвертая тема связана с ошибками и хаосом, которые человек порождает своим поведением. Пример – басня в прозе «Овцы ходили под лесом...». Мораль басни: «шаловливая овца волку корысть». Люди в жизни часто вынуждены учиться на собственных ошибках, на собственном опыте, иногда горьком, когда ничего нельзя исправить. Сюжет рассказа-басни «Тонкие нитки» напоминает сказку Х.-К. Андерсена о голом короле: гордыня и тщеславие затмили зрение и разум человеку, заказавшему пряжу нитки.

Басня «Обезьяна и горох» – о жадности, за которую обезьяна была наказана. Всегда следует соизмерять свои желания со своими возможностями. Автор скорее всего специально выбрал героем рассказа обезьяну – суетливое животное, которым движут неразумные желания.

Смысл басни «Дележ наследства» в том, что человек, бедный душой, закрытый для любви к ближнему, не может сделать свою жизнь лучше ни в материальном, ни в духовном отношении и может потерять даже то, что имеет. Виноват в этом будет только он сам, потому что им руководит жадность. Человек сам творит хаос в собственном доме, в собственной душе.

Пятая тема объединяет понятия *Вера – Любовь – Добро – Благо – Красота*, т. к. они являются показателями высоко нравственных отношений между людьми. Любовь, вера, Бог, добро, благо – нравственные ориентиры, которые должны быть свободно и осознанно приняты человеком. Все эти понятия объединены нами не случайно. Проведенный анализ книги Толстого «Путь жизни» позволил сделать вывод об их взаимосвязи и взаимозависимости: «...Бог – любовь. А от любви не может быть ничего, кроме добра»⁴³, «Бог желает блага всему, и потому если ты желаешь блага всему, то есть любишь, то в тебе живет Бог»⁴⁴.

Используя эти понятия, Толстой попытался дать объяснение глубинному Я сознания человека, которое является смысловым стержнем сознания, духом, собирающим все силы души – разум, волю, чувства, совесть. Разум, воля, чувства – вот, видимо, часть составляющих по-настоящему нравственного человека, которые определяют и свободу его нравственного выбора, ведь «жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели; каждый день

⁴² ПСС. Т. 45. С. 233.

⁴³ ПСС. Т. 45. С. 76.

⁴⁴ ПСС. Т. 45. С. 42.

человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он сделает. [...] А без руководства в выборе своих поступков человек не может жить»⁴⁵.

Идея Бога дает возможность понимания божественной природы человека. Положения истинной религии, по Толстому, «в том, что есть Бог, начало всего; что в человеке есть частица этого божественного начала, которую он может уменьшить или увеличить в себе своей жизнью; что для увеличения этого начала человек должен подавлять свои страсти и увеличивать в себе любовь; и что практическое средство достижения этого состоит в том, чтобы поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобою»⁴⁶. Человечность человека нельзя выразить без идеи Бога. Опираясь на понятия *вера, Бог, добро, любовь, благо, религия, душа* Толстой выразил смысл жизни человека как идею совершенного добра, любви, справедливости по отношению к другому человеку. Поднимая проблему добра и зла, он писал Н.Н. Страхову 11 мая 1873 г.: «...на вопрос, что такое добро – сущность жизни, мне так же легко отвечать, как на то, какое нынче число. [...] Добро есть только противоположность зла, как свет – тьмы, и как и света и тьмы абсолютных нет, так и нет добра и зла. А добро и зло суть только матерьялы, на которых образуется красота – т. е. то, что мы любим без причины, без пользы, без нужды. Поэтому вместо понятия добра – понятия относительного – я прошу поставить понятие красоты. Все религии, имеющие задачу определить сущность жизни, имеют своей основой красоту – греки – плотскую, христиане – духовную. Подставить другую щеку, когда ударяют по одной, не умно, не добро, но бессмысленно и прекрасно...»⁴⁷

Сюжет одного из рассказов Толстого: девочка подобрала на пороге дома подкидыша. Правильно, «добро» поступила девочка. В чем же тут «духовная красота», о которой писал Толстой? Ответ можно найти в диссертации Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Когда у человека сердце пусто, он может давать волю своему воображению... Фантазия вообще овладевает нами только тогда, когда мы слишком скудны в действительности»⁴⁸. Вот почему занятия, игры детей в рассказах Толстого просты и естественны – в этом разумный ход жизни, мудрость и духовность. Когда в сердце человека зарождаются любовь, жалость или сочувствие – «со-чувствование» с другими людьми, – он словно прозревает, ему кажется, что чудесно преобразился весь мир вокруг. Когда у человека чисты душа и мысли, когда он хочет творить только добрые дела, удача словно поворачивается к нему лицом. В преодолении трудностей проявляются любовь, дружба, верность, сила, отвага, доверие. Испытывая и осмысливая сострадание и жалость, человек платит за свое духовное прозрение.

Толстой писал, что в раннем детстве душа еще не засорена ложью жизни и каждый человек не может не вспомнить «того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного – чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтоб всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека»⁴⁹. В своей «Азбуке» писатель последовательно проводил идею нравственного развития человека, стремления к тому нравственному идеалу, который всегда связан с торжеством добра, справедливости, дружбы, взаимопомощи, долга и т. п. Толстой утверждал эти начала, показывая, как положительные примеры, так и раскрывая отрицательное в людях.

⁴⁵ ПСС. Т. 26. С. 336.

⁴⁶ ПСС. Т. 35. С. 190–191.

⁴⁷ ПСС. Т. 62. С. 24–25.

⁴⁸ Чернышевский Н. Г. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 106–107.

⁴⁹ ПСС. Т. 26. С. 394.

Содержание «Азбук» будет перекликаться с «Беседками с детьми по нравственным вопросам», сборниками «Круг чтения», «На каждый день» и книгой «Путь жизни».

Думается, что у Толстого складывается совершенно определенное отношение к педагогическому каналу передачи идей о духовном и нравственном развитии детей. Со взрослым населением задача оказалась куда более сложной.

Педагогическая деятельность Толстого в 1870-е годы отличалась большой разносторонностью его интересов в области народного образования. В эти годы писатель выступил не только как составитель «Азбуки», «Новой Азбуки» и автор теоретической статьи по педагогике, но и как выдающийся организатор школ и инициатор развития народного образования в Крапивенском уезде, где он был избран членом училищного совета.

Толстой много сделал для распространения начального образования среди детей крестьян Крапивенского уезда. Имея в виду эту работу, он писал А.А. Толстой: «Я теперь весь из отвлеченной педагогики перескочил в практическое, с одной стороны, и в самое отвлеченное, с другой стороны, дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятшек, с которыми я имею дело. [...] Я не рассуждаю, но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки, как бы вытащить, и кого прежде, кого после вытащить. И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо. Я вижу, что делаю дело, и двигаюсь вперед гораздо быстрее, чем я ожидал»⁵⁰.

К великому сожалению в советский период истории нашей страны все, с чем воевал Толстой в педагогике, стало достоянием педагогической науки, методики начального обучения и теории воспитания. Стало возможным высказывание одного из известных историков педагогики А. Пинкевича во вступлении к книге Н.Н. Гусева «Л.Н. Толстой в его педагогических высказываниях» (1928): «Как педагог-теоретик он [Толстой] – глубоко реакционен...

В наше время нам почти нечему учиться у Толстого – теоретика педагогики». «...Но, – добавлял Пинкевич, – мы никогда не забудем великого художника детства, сумевшего в своих произведениях близко подойти к ребенку и тем подготовившего почву для педагогики будущего».

Следует заметить, что Толстой действительно готовил нас к восприятию опытной, экзистенциальной педагогики, т. е. педагогики будущего, в чем оказался неожиданно прав критик. Подобного рода рассуждения стали спасительным ходом педагогов-исследователей, которые, несмотря на дежурные оговорки о «заблуждениях» и «слабости мыслителя», вынуждены были признавать гуманизм, народность, демократический пафос, творческий характер педагогики Толстого. Такая позиция свойственна всем учебникам истории педагогики, на ней воспитаны многие поколения учителей.

Для толстоведения значимы комментарии к педагогическим сочинениям в Полном собрании сочинений Толстого в 90 томах (Юбилейное издание). Что сделали их авторы в отношении Толстого-педагога?

Следует отметить, что авторы комментариев к 8-му тому (Н.М. Мендельсон, В.Ф. Саводник) уходят от анализа педагогических идей Толстого. Они находят «ростки многих педагогических идей» в дневниковых записях писателя.

Симптоматично, что даже в предисловии к 21-му и 22-му томам («Азбука», «Новая Азбука», «Русские книги для чтения»), написанном педагогами – профессорами Н. Константиновым и А. Петровым, давшими высокую оценку работы писателя над художественными

⁵⁰ ПСС. Т. 62. С. 130.

текстами для учебных книг, нет никакого научного анализа методики и тем более методологии вопроса.

Впервые содержание толстовской критики немецкой педагогики, методической литературы отечественных авторов – современников писателя, созданной в развитие принципа наглядности (Корф, Бунаков, Евтушевский, Семенов и др.), было использовано в контексте анализа педагогических взглядов Толстого педагогом-исследователем профессором В.А. Вейкшаном. В книге «Л.Н. Толстой об обучении и воспитании» (1953) ученый совсем близко подошел к пониманию того, что в дидактике Толстой критиковал свойственный эмпирическим теориям познания путь формирования понятий, на основе которых формируется довольно низкий общеобразовательный уровень школьников. Однако, до официального признания этих фактов известным отечественным психологом В.В. Давыдовым должно было пройти двадцать лет. Большинство исследований 1950–1970-х гг. демонстрировало тупик, в котором оказалось педагогическое толстоведение, так как дальнейшее его развитие было просто невозможно вне оценки состояния отечественной педагогической науки и практики начального обучения, целиком базировавшихся в нашей стране в указанный период на эмпирических теориях познания.

Благоприятные условия развития отечественного педагогического толстоведения подготовлены самим ходом развития наук о человеке, деятельностной теорией учения, серьезной критикой рассудочно-эмпирической теории мышления в трудах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Ж. Пиаже, В.В. Давыдова, Э. Ильенкова и др. Содержание работ этих авторов позволило по-новому, более реалистично оценить философию и логику Гегеля и заимствование или отрицание Толстым ряда положений этого философа. Эпоха, побудившая Толстого в 1860-е годы обосновать в педагогических статьях принцип «опыт и свобода» и основные положения теории деятельности применительно к пониманию обучения, воспитания и развития («Закон движения вперед образования»), создала теоретические предпосылки необходимости гуманистической парадигмы образования уже во второй половине XIX столетия.

Для писателя это был спор не просто о качестве методической литературы, а вопрос более глубокий – о целях и задачах народной школы, об отупляющих методиках обучения, об отсутствии душевно-духовного развития учащихся в ходе обучения и воспитания, об изменении в целом взгляда на организацию народного образования. Толстой настойчиво двигался в уяснении *оснований* педагогики. В понимании Толстого не философских, а онтологических в новой педагогике жизни. В 1870-е годы начиналась подспудная работа – поиск смысла жизни; а «философские дрожжи» – встреча и беседа с философом Вл. Соловьевым – способствовали этому.

Толстой вступал в новый период жизни, связанный с созданием религиозно-нравственного учения или «науки жизни» и необходимостью обоснования онтологических основ как педагогики, так и «науки жизни».

Проведенное автором этих строк исследование подтвердило выдвинутую первоначально гипотезу о перерастании критики Толстым западноевропейской педагогической науки в гуманитарную экспертизу наук о человеке, культуре, образовании, которую еще предстоит глубоко осмыслить.

Сейчас уже можно утверждать, что спор писателя с немецкой педагогикой середины XIX в. перерос в спор с окружающей нас педагогической реальностью, которая нуждается в таком добром друге, как Толстой. Можно ли поставить точку в этом споре?

Думаю, что молодое поколение исследователей откроет новые ракурсы проблемы, нам пока неведомые, а педагоги-практики с большим вниманием отнесутся к педагогическому наследию Толстого.

В педагогических статьях Толстого немало высказываний о методах педагогики как науки. Он мастерски владел методом педагогического наблюдения во время уроков, игр, сов-

местных прогулок и превосходно знал, как дети ведут себя дома. Глубокое проникновение в духовный мир детей помогало писателю-педагогу безошибочно применять те или иные способы воздействия на учащихся. Но особенно большое значение он придавал педагогическому эксперименту в исследовании педагогических и методических проблем. Будучи педагогом-новатором, Толстой рассматривал Яснополянскую школу как педагогическую лабораторию, в которой он стремился разработать наиболее эффективные методы преподавания. Толстой, по справедливости, может считаться одним из тех русских педагогов, кто положил начало экспериментальной работе в условиях повседневных школьных занятий, что характерно в наши дни для практико-ориентированной педагогики.

Внимание к онтологическим основаниям педагогической деятельности пронизывает все сочинения писателя 1860-1870-х гг., в которых Толстой горестно замечает, что традиционная педагогика, которая «опиралась на «философию весьма сомнительного свойства», уподобилась такой науке, которая бы учила, «как должно ходить человеку», изобретая правила, «как учить детей ходить, предписывая им сокращать тот мускул, вытягивать другой и т. д.».

Выражая свое недоумение, Толстой обращался к современникам: «...каким образом люди честные, образованные, искренно любящие свое дело и желающие добра, каковыми я считаю огромное большинство моих оппонентов, могли стать в такое странное положение и так глубоко заблудиться?»⁵¹.

Современный уровень развития наук о человеке позволяет утверждать, что в педагогической деятельности 1860-1870-х гг. Толстой подводит к пониманию ряда теоретических положений методологического характера:

- об антропологической парадигме образования;
- об онтологической методологии выделения научных оснований жизни человека: деятельность, сознание, общность, ориентации работы с детьми на ценностно-смысловые положения, которые должны стать научными основами и педагогики, и науки жизни;
- об оценке научного знания своей эпохи и критики свойственных ему псевдонаучных принципов, которые дегуманизировали, овеществляли практики работы с человеком и потому не могли использоваться ни в педагогике, ни в науке жизни (редукционизм, эмпиризм, рационализм, эволюционизм);
- о стремлении человека к познанию и преобразованию своей природы, поиске подлинной человеческой сущности, идентичности.

Еще раз подчеркнем, что опыт Яснополянской школы позволил Толстому проверить эти гениальные догадки, создать возможность включения души и духа в научный дискурс. Анализируя неправильно понимаемую педагогами проблему развития на основе психофизического параллелизма, писатель подробно проанализирует соотношение в развитии человека психофизического и духовного. Его упреки педагогам об игнорировании «гармонии развития», которую установить навечно невозможно, но игнорировать ее нельзя, а детям надо только создавать условия для собственных действий в личностном росте еще предстоит осмыслить традиционной педагогической наукой. Об этом Толстой более обстоятельно расскажет в педагогических сочинениях 1900-х годов, став нашим современником. А в трактатах религиозно-нравственного содержания создаст целостное учение как основы нравственного поведения человек.

И, казалось бы, забытое на целое столетие учение Толстого становится востребованным, спасительным ходом в эпоху бездуховности и нравственной деградации.

⁵¹ ПСС. Т. 17. С. 93–94.

Религиозно-нравственное учение Л.Н. Толстого как «наука жизни»

...Что я такое, какое отношение мое, моей отдельной жизни ко всему бесконечному миру; и... как мне сообразно с этим моим отношением к миру жить, что делать и чего не делать.

Л.Н. Толстой

...Главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра.

Л.Н. Толстой

Разум открывает человеку смысл и значение его жизни.

Л.Н. Толстой

Создавая религиозно-нравственное учение, Толстой думал о «науке жизни», – это прямое свидетельство создания учения о жизни человека. Категория «жизнь» в этих размышлениях основная, ее он противопоставляет существовавшим учениям о жизни человека, никакого отношения к этой жизни не имеющим. У Толстого категория «жизнь» – это духовное бытие человека, требующее в исследованиях нового научного подхода.

Замысел рождался и реализовывался между двумя постоянными доминантами сознания писателя: наука жизни должна противостоять секуляризации сознания, позитивизму и естественнонаучному формату психологии, исключавшему из своего состава смысловые, духовные, нравственные вопросы, с одной стороны, а с другой стороны – вобрать в себя огромный творческий, развивающий потенциал христианства и расширить свой предмет смысловыми аспектами жизни человека, связанными с религией.

Высказывания Толстого о предмете науки жизни не оставляют сомнений в таком понимании. Толстой следующим образом характеризует основы науки, коих, по его разумению, три: «...первая – учение о своем “я”, отделенном от Всего, т. е. учение о душе, вторая – учение о том, что такое то Все, от чего человеческое “я” сознает себя отделенным, т. е. учение о Боге, и третья – учение о том, каково должно быть отношение “я” к тому Всему, от чего оно отделено, т. е. учение о нравственности»⁵².

Толстой считает, что без этих знаний – о душе, Боге и нравственности – не может быть разумного знания, науки. Он неоднократно подчеркивал, что наука о смысле жизни и нравственном поведении представляет собой собрание знаний, которые не могут сами собой открыться человеку и им надо учиться так же, как им в свое время учился весь род человеческий. Согласно Толстому, надо знать, как должны для их истинного блага жить люди в соответствии со всеми главными условиями жизни.

Толстой таким образом четко выделял педагогическую составляющую своих взглядов, как основу любой проповеднической деятельности.

Обратимся к анализу основных нравственно-религиозных трактатов Толстого.

⁵² ПСС. Т. 38. С. 171.

«Исповедь» История написания

Первым произведением, отразившим диалог Толстого с «ложной» позитивистской наукой и христианством, явилась «Исповедь», которая знаменовала выход писателя из глубокого духовного кризиса, из переживания утраты смысла жизни – своеобразного экзистенциального вакуума. Собственно, описание духовного кризиса и выход из него и стали содержанием «Исповеди». Она была написана в 1881 г. и отдана для публикации редактору журнала «Русская мысль» С.А. Юрьеву в начале апреля 1882 г. Интересен факт подготовки редакцией введения, в котором говорилось о «великом значении» сочинения Толстого для учителей веры, которые ясно могут «уразуметь от него свою задачу, каким запросам и каким нравственным требованиям должны они удовлетворять»⁵³.

Толстой рассказывает читателям в конце книги о глубоко метафоричном сне, в котором ему приснилось, что он лежит на спине на постели и ему ни хорошо, ни дурно. Но когда он задумывается, как и на чем он лежит, то оказывается, что лежит он на плетеных веревочных помочах, прикрепленных к краям кровати. Как только он отталкивает одну из помочей, пошевелив ногами, так выскальзывает из-под голени другая помоча, и ноги свешиваются. Как только Толстой делает движение всем телом, чтобы справиться с ситуацией, выскальзывают другие помочи, весь низ тела спускается и висит, ноги не достают земли. И автор спрашивает себя о том, что прежде не приходило в голову: «Я спрашиваю себя: где я и на чем я лежу? И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу вниз, туда, куда свисло мое тело и куда, я чувствую, что должен упасть сейчас. Я гляжу вниз и не верю своим глазам. [...] ...Я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе»⁵⁴. Толстой описывает свое состояние, состояние человека, рискующего упасть в бездонную пропасть, от ужаса скользящего все ниже и ниже, – еще мгновение, и он может сорваться и упасть.

Возникает вопрос: что же делать? Вверху бездна неба, и стараясь забыть о бездне внизу, автор смотрит вверх и действительно забывает об опасности. «Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня; бесконечность вверху притягивает и утверждает меня. ... Я смотрю только вверх, и страх мой проходит. [...] ... Всем телом своим испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. [...] ... Мне представляется тот механизм, посредством которого я держусь, очень естественным, понятным и несомненным, несмотря на то что наяву этот механизм не имеет никакого смысла. [...] Оказывается, что в головах у меня стоит столб, и твердость этого столба не подлежит никакому сомнению, несмотря на то что стоять этому тонкому столбу не на чем. Потом от столба проведена петля как-то очень хитро и вместе просто, и если лежишь на этой петле серединой тела и смотришь вверх, то даже и вопроса не может быть о падении. Все это мне было ясно, и я был рад и спокоен. И как будто кто-то мне говорит: смотри же, запомни. И я проснулся»⁵⁵.

Толстой выражает свое понимание веры, которая поддерживает человека, дает ему жизненный ресурс, обращение к вертикали бытия, устанавливает связь человека с Богом. «... Вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни. [...] Без веры нельзя жить»⁵⁶.

⁵³ Цит по: Гусев Н.Н. «Исповедь»: История писания и печатания // ПСС. Т. 23. С. 520.

⁵⁴ ПСС. Т. 23. С. 58.

⁵⁵ ПСС. Т. 23. С. 58–59

⁵⁶ ПСС. Т. 23. С. 35

Обращение к разумной вере обеспечило выход из экзистенциального вакуума, помогло понять связь с бесконечным, Богом – таковы первые размышления писателя обэнергичности христианства, его здоровьесберегающем ресурсе.

Н.Н. Бахметьев, бывший секретарем «Русской мысли», рассказывал о попытках спасти рукопись «Исповеди» от запрета духовной цензуры. Ректором Вифанской семинарии протоиреем Сергиевским было предложено, чтобы Толстой, не изменяя ни единого слова в «Исповеди», сделал небольшое заключение о том, что его воззрения в настоящее время соответствуют духу православной церкви, и тогда вопросов у духовной цензуры не будет. Причем, по свидетельству Бахметьева, автор данного предложения отдавал себе отчет в том, что читатели поймут это заключение именно как вынужденную уступку цензуре, и тогда, по словам отца протоирея, произведение великого писателя будет спасено. Компромисс не состоялся, и в июле 1882 г. «Исповедь» была запрещена духовной цензурой. Но не уничтожена.

Так сложились обстоятельства, что нелегальным путем «Исповедь» разошлась в таком количестве экземпляров, которое оказалось во много раз большим, чем распространила бы «Русская мысль» (ее тираж составлял три тысячи экземпляров). Впервые «Исповедь» была напечатана в Женеве в 1884 г. В России – в 1906 г. в журнале «Всемирный вестник» (1906, № 1).

Симптоматично, что в Англии, в «Свободном слове» В. и А. Чертковых, это произведение было напечатано под заглавием «Вступление к критике догматического богословия и исследованию христианского учения (Исповедь)». Таким образом, «Исповедь» открывала тему экзистенциальных исследований Толстого.

«В чем моя вера?» История написания

Следующей в контексте этих исканий была книга «В чем моя вера?», которой писатель придавал важное значение.

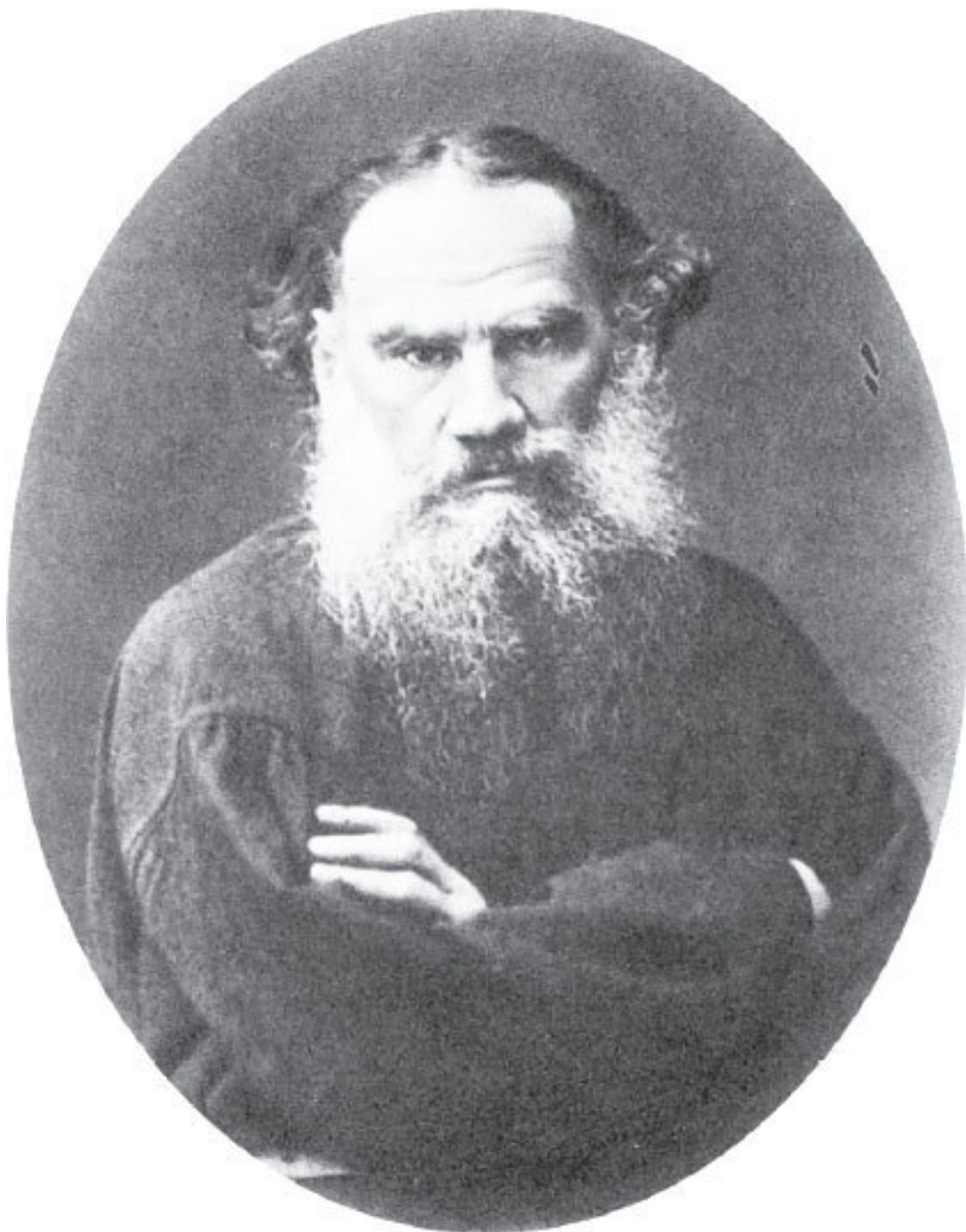
Работа над книгой «В чем моя вера?» началась во второй половине декабря 1882 г. или первой половине января 1883 г. с написания ответа на письмо незнакомого Толстому М.А. Энгельгардта, который просил разъяснить вопрос об осуществлении евангельского учения, о том, что для этого делать. Письмо Толстой решил не отправлять, но продолжил работу над объяснением отношения христианского учения к современной жизни.

В сентябре 1883 г. рукопись была сдана в журнал «Русская мысль», при этом предполагалось, что если цензура не пропустит и уничтожит книгу, то несколько экземпляров может быть утаено издателями. Окончательной датой просмотра корректур можно считать 22 января 1884 г. Интересно, что, хотя книга, признанная цензурой крайне вредной, подрывающей основы государственных и общественных учреждений, а также учения церкви, была запрещена, тираж ее не сожгли.

Толстой писал Н.Н. Ге 2–3 марта 1884 г.: «Книгу мою, вместо того чтобы сжечь, как следовало по их законам, увезли в Петербург и здесь разобрали экземпляры по начальству. Я очень рад этому. Авось кто-нибудь и поймет»⁵⁷. Видимо, и до сих пор уцелевшие экземпляры находятся в частных библиотеках.

В книге «В чем моя вера?» Толстой хочет поделиться самым сокровенным: как ему открылся смысл учения Иисуса Христа – не такой, каким он понимал его прежде. Толстой переживал духовный кризис, якобы научное толкование жизни и смерти людей казалось ему злом, оно не давало объяснения связи конечной жизни и бесконечного существования, без чего жизнь теряет смысл. И вдруг, вместо отчаяния, он испытал радость и счастье жизни, не нарушаемое смертью. Шесть лет Толстой занимался исследованием догматического богословия, переводом и соединением четырех Евангелий с объяснениями.

⁵⁷ ПСС. Т. 63. С. 160. 288.

Лев Толстой, 1885 год

Это была, по его мнению, внешняя сторона деятельности. Но внутренняя работа не была методичной, произошло мгновенное озарение светом истины и устранение всего того, что скрывало смысл учения Христа.

Толстой, по его мнению, нашел тот ключ, который, будучи «просунут до замка», является генетическим ключом понимания *жизни человека как духовной и осмысленной на основании разумной веры в христианское учение и принцип непротivления злу насилieм*.

Слова Христа «не противься злoму» открыли новизну учения в сравнении с заповедью Моисея «око за око, зуб за зуб». Толстой увидел двусмысленность многовекового толкования,

что Христос якобы не отрицал заповеди Моисея. Это, по мнению писателя, послужило тому, что иногда можно жить и не по-христиански: воевать, грабить, обманывать.

Толстой пытался очистить учение Христа от несвойственных ему суждений, от навязанного исторического лицемерия. Автор подверг серьезному переосмыслению церковное учение, считая, что оно оправдывает социальное неравенство.

Толстой отметил, что заповедь Христа о ненасилии не утопична, для ее исполнения нужны собственные, а не сверхъестественные силы. Иисус Христос призывал к исполнению своего учения, обращая внимание людей на то, что это возможно: *«иго мое благо, и бремя мое легко»*. Задача состоит в том, чтобы понять, что нравственный закон – единственный и вечный, он в душе человека, это такой же непреложный, как закон Галилея, считал Толстой.

Это кардинальное утверждение мыслителя о духовной сущности человека, когда Бог – это и есть Дух, духовное, т. е. разумное сознание человека является основой жизни, когда происходит интеграция веры и разума, интеграция науки и веры, духовности и рациональности, и это может привести к преодолению противоречий между естественнонаучным и гуманитарным знанием.

Толстой отстаивал такое понимание жизни, которое приводило человека к благу, счастью, единению людей любовью, когда смысл разумной (духовной) жизни открывается на основе связи с бесконечным, Богом. Автор полагал, что люди в состоянии следовать учению Христа, так как принцип ненасилия изначально свойственен природе человека. «Стоит понять учение Христа, чтобы понять, что мир, не тот, который дан Богом для радости человека, а тот мир, который учрежден людьми для гибели их, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная, бред сумасшедшего, от которого стоит только раз проснуться, чтобы уже никогда не возвращаться к этому страшному сновидению»⁵⁸, – отвечал он своим оппонентам, обвинявшим его в утопизме идеи о непротивлении. Следует обратить внимание на то, что за годы, прошедшие после смерти Толстого, идея ненасилия стала получать в общественном сознании весьма серьезную оценку как путь к решению многих человеческих проблем.

В X главе книги Толстой рассматривает условия земного счастья людей. По мнению Толстого, учение Христа имеет глубокий метафизический, общечеловеческий, общественный и самый простой, ясный, практический смысл для жизни каждого отдельного человека. Автор обращал внимание на то, что Христос учит людей избавиться от несчастий и жить счастливо. Толстой выделяет несколько условий земного счастья: связь человека с природой, общение с землей, растениями, животными; любимый и свободный труд, труд физический; семья; свободное любовное общение со всеми разнообразными людьми мира; здоровье и безболезненная смерть.

Книга «В чем моя вера?» обращена к людям, которые не обрели смысла жизни, не уничтожаемого смертью. Передовые люди, по мнению Толстого, стоят над пропастью. Философ, средний человек, полуверующий, полуневевающий, не имеют никакого учения о жизни, что приводит к нравственной деградации.

По мнению Толстого, извращение смысла жизни извратило всю разумную деятельность человека, так как из человеческого знания исчезло самое важное – «знание того, что должен делать человек для того, чтобы ему самому быть счастливее и лучше»⁵⁹, то есть учение о смысле жизни и нравственном поведении.

Толстой связывал явление искажения смысла с неспособностью дать ответ на вопрос: «Как жить лучше?» – что, в свою очередь, приводит к пассивности людей, снижению ответственности. Толстой писал, что история этого искажения смысла будет составлять «неистощимый предмет смеха и жалости будущих поколений», так как «несколько веков ученые люди

⁵⁸ ПСС. Т. 23. С. 333.

⁵⁹ ПСС. Т. 23. С. 378.

западной малой части большого материка находились в повальном сумасшествии, воображая, что им принадлежит вечная блаженная жизнь, и занимались всякого рода элукубрациями о том, как, по каким законам наступит для них эта жизнь, сами же ничего не делали и не думали никогда ничего о том, как сделать эту свою жизнь лучше»⁶⁰. Люди, писал Толстой, в ожидании момента, когда жизнь сама собой делается хорошей, живут как на постоялом дворе, думая, что где-то есть настоящая. Смысл жизни человека – в нашей реальной земной жизни, во все большем и большем сознании в себе Бога; именно в этом осознании смысла, ценности содержится мотив жизни в мире ценностей – это и есть проявление в «телесной личности» «действительно существующего», «вечного всего». Вера и есть учение о жизни и объяснение смысла ее. Человеку нужна вера и ею определяются разумные поступки. По мнению Толстого, настало время новой разумной веры, и ею для него явилась вера в учение Иисуса Христа, принципы ненасилия и понимание того, что любовь людей между собой есть их естественное блаженное состояние. В заповедях Христа перечислены соблазны, которые мешают естественному состоянию любви и благу. И если человек верит в учение Христа и исполняет его заповеди, то жизнь получит единственно возможный, разумный, радостный и не уничтожаемый смертью смысл.

Разумная вера человека и смысл его жизни – это вера в тот свет, который есть в человеке, в неограниченные возможности на пути духовного и нравственного развития. Такова основная идея книги «В чем моя вера?». По сути дела, книга положила начало научному исследованию духовной сущности человека, которая является его заданностью, и задача состоит в том, чтобы у помочь человеку прожить эту заданность, быть духовным. Это первая попытка утвердить в науках о человеке новую онтологическую методологию, показать, что духовность связана со стремлением человека к смыслу. Толстой называет это высшее измерение человека духовным и утверждает, что оно является основой жизни. Практически высказанные позднее идеи В. Франкла, представителя экзистенциальной психологии, идентичны высказываниям Толстого; для обоих важно поставить идеи духовности в научный дискурс. Разница в том, что Франкл смог вывести свои исследования из-под критики церкви, назвав духовное измерение ноэтическим, то есть высшим. А Толстой не захотел отказаться от понятий религия, вера. В. Франкл обратился к исследованию смысла жизненной ситуации жизни человека, а Толстой к проблемам смысла жизни к «предельному смыслу», по выражению В. Франкла. В. Франкл признавал, что «наука слепа в том, что относится к предельному смыслу». Постигание сверхсмысла схоже с кантовским постулатом причинности. Это признавали и В. Франкл, и Л. Толстой. Вспомним эпитафию последнего к трактату «Царство Божие внутри Вас» как признания равноценности по сложности звездного неба над человеком и нравственного закона в нем.

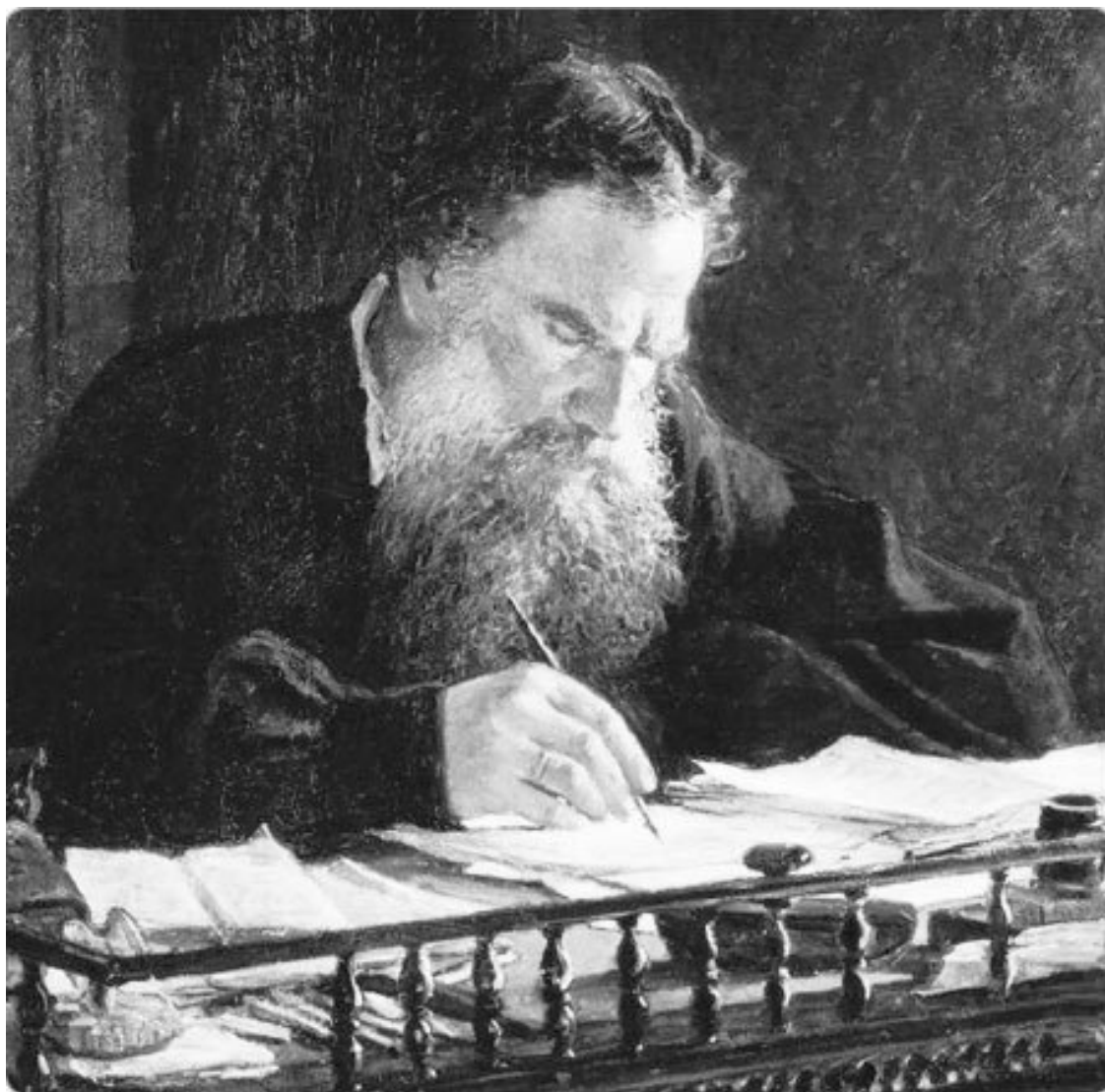
⁶⁰ ПСС. Т. 23. С. 382.

«О жизни»

История написания

В книге «О жизни» Толстой, осуществляя психологический замысел о создании науки жизни, приступил к исследованию онтологических оснований бытия человека, свойственный психологическому, (а не философскому) подходу – сознания, деятельности, общности, т. е. разработке научного обоснования «науки жизни».

Интересна история замысла книги, который возник в связи с обращенной к Толстому просьбой сотрудницы издательства «Посредник», будущей жены В.Г. Черткова, Анны Константиновны, Дитерихс изложить свои мысли о смерти и вечности. Дитерихс хотела выработать в себе полное примирение с возможностью «умереть каждый день, каждый час». Письмо с просьбой было получено Толстым в период болезни – рожистого воспаления ноги, которое он получил, ударившись о телегу, когда возил сено для одной бедной вдовы летом 1886 г. Болезнь оказалась серьезной – он «очень страдал, исхудал и ослаб» (С.А. Толстая) и думал о смерти.

Лев Толстой за работой

Толстой собрался ответить Дитерихс в начале октября 1886 г., но письмо не было окончено – вероятно, черновые листки с названием «О жизни и смерти» были переданы Анне Константиновне. Само написание книги началось в конце ноября – начале декабря 1886 г.: была произведена полная переработка первого чернового варианта; второй вариант послужил отправной точкой для первой редакции книги.

Новый толчок продолжению работы дали встречи Толстого с профессором Московского университета, философом Н.Я. Гротом, предложившим Толстому выступить на заседании Московского психологического общества в Московском университете 14 марта 1887 г.

Толстой готовился к выступлению, очень волновался, вместо восьми часов вечера приехал в десять. Всего собралось семьдесят человек, заседание было закрытым и длилось два часа, беседа отдельных членов с Толстым продолжалась и после заседания. Газеты «Новое время» и «Русские ведомости» поместили стенографические записи заседания (с купюрами).

Работа над книгой оказалась очень трудоемкой, на последнем листе шестой, последней рукописной редакции Толстой собственноручно поставил дату: 3 августа 1887 г. В дневнике С. А. Толстой есть запись от 4 августа: «Вчера вечером повез П. И. Бирюков статью “О жизни” в печать. Слова: *и смерти* [Толстой] выкинул. Когда он кончил статью, он решил, что *смерти нет*»⁶¹.

Долго и тщательно работал Толстой с корректурами: окончательный текст получился как седьмая редакция. Сам Толстой и его близкие понимали, что цензура не пропустит книгу. К январю 1888 г. она была отпечатана полностью, текст представлял собой новую редакцию, была произведена перекомпоновка текста, расширение тематики, введены новые главы и три дополнительные. В целом произошло расширение идеи книги: первоначальная идея любви, единения была обогащена идеей оправдания страданий.

Таким образом, работа над книгой от первой редакции (октябрь 1886 г. – март 1887 г.) продолжалась до декабря 1887 г. (седьмая редакция).

«О жизни», по мнению самого Толстого, – наиболее важная его книга, велика ее роль в понимании психологических взглядов писателя, в ней разгадка многих так называемых парадоксов Толстого, которых не поняли не только его современники, но и исследователи XX столетия. Книга «О жизни» – смысловой стержень учения Толстого о человеке, его истинной, т. е. духовной жизни, нравственности, которые являются источником блага.

⁶¹ Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 123.

Критика психобиологических и психосоциальных моделей объяснения жизни человека

Начинается книга критикой позитивизма. Толстой утверждает, что науки его эпохи формируют ложную картину мира и человека, и им свойственны псевдонаучные принципы, которые в наши дни получили название редукционизм, рационализм, эмпиризм. Толстой критикует теорию отражения как основу позитивистских теорий познания и выдвигает ряд принципиальных положений о развитии эпистемологической тематики.

Цель его рассуждений – привлечь внимание к тому факту, что проблемы духовного и нравственного становления человека дезавуируются различными психобиологическими и психосоциальными подходами, которые ориентируют человека на достижение личного блага и не содержат нравственных вопросов, не опираются на такие онтологические категории как вера, надежда, совесть и т. д.

Толстого беспокоило то обстоятельство, что идеи духовной жизни затушевывались учеными-позитивистами психологами, философами и даже церковью, сосредоточившей свое внимание на обрядовой стороне религии.

На примерах из истории одного из философских направлений – позитивизма – Толстой показал, как формировалась так называемая научная картина мира. Исследуя истоки позитивизма, он пришел к выводу, что французский философ Огюст Конт (1798–1857 гг.) ввел биологический подход к объяснению законов развития общества, используя мысль римского политического деятеля Менения Агриппы о том, что человеческие общества и даже все человечество можно рассматривать как одно целое – организм, а людей – как живые частицы отдельных органов. По мнению Толстого, Конт чересчур увлекся в своих суждениях, поэтому даже не заметил, что «исходная точка его теории была не больше, как хорошенькое сравнение, уместное в басне, но никак не могущее служить основой науки», и принял «любимую им гипотезу за аксиому»⁶².

Поскольку в теории Конта человечество определялось как организм, то понять человека и его отношение к миру казалось возможным только через познание свойств этого организма.

Чтобы познать эти свойства, «человек имеет возможность делать наблюдения над другими низшими организмами и из жизни их делать наведения»⁶³. Толстой считал утверждение того, что человечество есть организм, произвольным, антинаучным, так как «в человечестве отсутствует существенный признак организма – центр ощущения или сознания»⁶⁴.

Философия Конта получила развитие в эволюционном учении и теории естественного отбора Дарвина. Толстой говорил о «произвольных» и «неправильных» утверждениях этого учения, по которому живые существа, то есть организмы, происходили одни из других, причем не только один организм из другого, но один организм из многих. Следовательно, в течение очень долгого промежутка времени, например, в миллион лет, «не только от одного предка может произойти рыба и утка, но из роя пчел может сделаться одно животное»⁶⁵. Толстой замечал, что теория Дарвина всегда останется его предположением, а не фактом, так как «никто никогда не видал, как делаются одни организмы из других»⁶⁶. «Теория эволюции, говоря простым языком, утверждает только то, что по случайности в бесконечно долгое время из чего

⁶² ПСС. Т. 25. С. 336.

⁶³ ПСС. Т. 25. С. 337.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ПСС. Т. 25. С. 338.

⁶⁶ Там же.

хотите может выйти все, что хотите»⁶⁷, – писал Толстой. Он отмечал, что Дарвин использовал теорию Мальтуса о борьбе живых существ и людей за существование как «основной закон всего живого», а в позитивизме живым людям придано фантастическое значение организма. И вот «научное» вероучение эволюции превратилось в догмат. Толстой горько иронизировал: «Как только наука почувствовала, что в ней не осталось ничего здравомыслящего, так она назвала себя здравомыслящей, т. е. научной наукой»⁶⁸.

Признавая большие успехи точных наук в исследовании «условий материального мира», Толстой отмечал, что наука его времени «в жизни людей оказывается ни на что не нужной, а иногда производящей даже вредные последствия»⁶⁹. Так, Толстой писал, что в научной литературе и в «разговорах» обсуждается вопрос не о жизни, сознаваемой страданиями, наслаждениями и радостями, а «о чем-то таком, что, может быть, возникло из игры случайности по некоторым физическим законам, а может быть и от того, что имеет в себе таинственную причину», что «слово “жизнь” приписывается чему-то спорному, не имеющему в себе главных признаков жизни: сознания страданий и наслаждений, стремления к благу»⁷⁰. Толстой анализирует принятые в его время определения понятия «жизнь» и приходит к выводу, что «под большинство этих определений подходит деятельность восстанавливающегося кристалла; под некоторые подходит деятельность брожения, гниения, и под все подходит жизнь каждой отдельной клеточки моего тела, для которых нет ничего – ни хорошего, ни дурного»⁷¹.

Толстой подробно анализировал многие направления исследований о сущности человека. Он пришел к выводу, что их логика спускалась все ниже и ниже от органического к неорганическому, к происхождению жизни «из игры физических, механических сил», к понятию, что «жизнь предполагается уже там, где... жизни и быть не может»⁷².

Толстой считал, что понятие жизни человека, согласно таким воззрениям, переносится в сферу, где нет ни блага, ни зла, то есть «утверждается подобное тому, что есть такой круг или шар, в котором центр вне его периферии»⁷³. В такой науке язык не является средством выражения существенного, а «несуществующими словами называет несуществующие понятия»⁷⁴. «Научный» язык такой науки подобен тому, как если бы в аптеке ярлыки на банках наклеивали «не по содержанию, а как удобно аптекарю»⁷⁵. Толстой говорил, что установка ученых на исследование психики путем «внешнего опыта» равносильна убеждению, что «если очень долго и усердно смотреть на предмет, с одной стороны, то мы увидим предмет со всех сторон и даже из середины»⁷⁶. Толстой считал, что человека невозможно изучать со всех сторон, ибо он, как и всякий предмет, имеет «столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа, и... нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее... [...] И волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то и все дело»⁷⁷.

Толстой писал, что при изучении сущности человека в науке утверждался подход, при котором объяснение сознания, воли, чувств сводилось к органическому и неорганическому, и это стало содержанием школьных учебников. Затрачено много сил, времени, средств на то, чтобы доказать происхождение органического из неорганического, психической деятель-

⁶⁷ ПСС. Т. 25. С. 338–339.

⁶⁸ ПСС. Т. 25. С. 343.

⁶⁹ ПСС. Т. 39. С. 16.

⁷⁰ ПСС. Т. 26. С. 316.

⁷¹ Там же.

⁷² ПСС. Т. 26. С. 318.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ПСС. Т. 26. С. 319.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ПСС. Т. 26. С. 320.

⁷⁷ ПСС. Т. 26. С. 321.

ности из процессов организма. Вопрос же о том, «какие мне надо возбуждать в себе и других мысли и чувства, остается не только нерешенным, но даже незатронутым»⁷⁸.

Толстой высказывал мысль о том, что редуцирование человеческого измерения на плоскости биологии или психологии приводит к закрытой системе либо биологических рефлексов и соматических явлений, либо психологических реакций и явлений.

Научные данные, полученные в пределах низших измерений, сохраняют значимость только в пределах этих измерений. Толстой неоднократно указывал, что термины «биологический», «животный уровень» и «высший-смысловой», «духовный уровень» не предполагают простого соподчинения этих уровней. Оба уровня – это данности жизни человека. От того, как понимать соотношение этих данностей, зависит, будет ли жизнь человека осмысленной или лишенной духовного смысла. Толстой не отрицал того, что более высокое измерение содержит в себе низшее в «снятом виде» (выражение Гегеля).

Оценивая методологию позитивистски ориентированных исследований о сущности человека, Толстой писал, что «люди, изучая тени вместо предметов, забыли совсем про тот предмет, тень которого они изучали, и, все дальше и дальше углубляясь в тень, пришли к полному мраку и радуются тому, что тень сплошная»⁷⁹. Он высмеивал оптимизм таких ученых, которые считали, что стоит «еще немного усилить микроскопы, и мы поймем переход из неорганического в органическое и органического в психическое, и вся тайна жизни откроется нам»⁸⁰. Порочность редуционистского подхода проявлялась еще и в том, что такая прямолинейная логика уводила исследователей в бесконечность, все больше удаляя их от понимания сущности человека. «Тайна жизни и объяснение всего представляется в запятых, живчиках, не видных уже, а скорее предполагаемых, нынче открываемых, а завтра забываемых»⁸¹.

Толстой писал о том, что ни церковно-христианское учение, ни эмпирическая наука не дают объяснения смысла настоящей жизни и тем более не предлагают руководства к ней. Но человек не может жить, не оценивая своих поступков, поэтому руководством в его жизни, считает Толстой, становятся привычки, традиции данного общества. И чем меньше человек понимает смысл своей жизни, тем сильнее он подчиняется всему тому внешнему, «что называется приличием, обычаем, а чаще всего долгом и даже священным долгом»⁸².

«Раздвоение сознания» происходит от того ошибочного представления, которое дала наука высшей способности человека – его разуму. В связи с этим человек соединил свою видимую физическую жизнь со своим сознанием и «совершенно уверился в том, что эта видимая им жизнь и есть его жизнь»⁸³. Человека «научили признавать жизнью одно свое плотское личное существование»⁸⁴. Толстой говорил, что ложное (редуционистское) направление в изучении сущности самого человека переносится на исторические и политические науки и результат получается самый печальный.

Игнорирование вечного, нравственного закона духовного развития человека Толстой отразил весьма образно, сравнив действие «объективных законов» с «движущимся полом», который сам направляет людей вперед, не требуя от них сознательных усилий, – пол сам приведет туда, куда нужно людям.

Тема прогресса, развития связана у Толстого с пониманием определяющей роли сознания человека, со степенью его свободы. В теориях прогресса своего времени (и прежде всего имея в виду философию Гегеля) Толстой усматривал позицию «пандетерминизма». Он так

⁷⁸ ПСС. Т. 26. С. 322–323.

⁷⁹ ПСС. Т. 26. С. 438.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ПСС. Т. 26. С. 437

⁸² ПСС. Т. 26. С. 337.

⁸³ ПСС. Т. 26. С. 341.

⁸⁴ ПСС. Т. 26. С. 343.

рисовал «спокойно-исторический взгляд на все»: «Сам стоишь на каком-то воображаемом возвышении, а под тобою действуют и Руссо, и Шиллеры, и Лютер, и французские революции; с исторической высоты одобряешь или не одобряешь их исторические поступки и раскладываешь по историческим рамкам. Мало того, и каждая личность человеческая тоже там где-то копошится, подчиненная неизменным историческим законам, которые мы знаем, но конечной цели ни у кого нет и быть не может, – есть одно историческое воззрение!»⁸⁵

В компромиссе опытного знания с умозрительным Толстой видел воплощение идеи развития в бесконечном, где нет ни цели, ни направления, причем практически происходит «выбрасывание» самого человека из философии.

Критикуя состояние науки своей эпохи, Толстой особенно рельефно выделял свой главный тезис: религия и нравственность – это основа отношения человека к миру, определяющая смысл его жизни и деятельности. Опытная позитивистская наука, устранив религию как явление отжившее, ненаучное, взяла на себя роль толкователя истины и места человека в мире. Объяснения на основе редукционизма и эволюционной теории могут привести думающего человека к состоянию утраты смысла, разочарования и даже суицида. Стремление соединить христианскую этику с философией, связывающей цели жизни с личным благом, наслаждением, удовлетворением разрастающихся потребностей, подтверждает существующее между ними противоречие.

Толстой считал, что подобная наука несоединима с нравственностью, духовностью, так как не может дать человеку убедительного объяснения связи конечной жизни с понятием бесконечного и этим способствовать осмысленной жизни человека, его осмысленной деятельности. Нравственность, по мнению Толстого, заключена в религиозном объяснении жизни и не может быть отделена от религии. Он писал о том, что в философских трудах его эпохи открывалось «полное противоречие христианской нравственности с философией личного блага или освобождения от личных страданий и с философией общественной»⁸⁶. Показательным примером в этом осмыслении Толстой считал философию Ницше, в которой идея сверхчеловека выступала как «обличение этого противоречия». «Он неопровержим, – замечает Толстой о Ницше, – когда он говорит, что все правила нравственности, с точки зрения существующей нехристианской философии, суть только ложь и лицемерие...»⁸⁷

В настоящее время, когда многие философские постулаты подвергаются переосмыслению, взгляды Толстого на научное знание представляются как никогда своевременными. Толстой во весь голос предупреждал человечество о тяжелых последствиях распространения безрелигиозной и безнравственной науки, особенно философии, играющей в научном знании роль идеологии. По своей сути это языческая философия, которая препятствует действительной гуманизации науки, исходящей из этики творчества и аксиологии.

Утверждая ложность современной ему науки, Толстой предостерегал также от аналогий между «законом эволюции» и жизнью человека. Он высмеивал попытки некоторых ученых совместить этот закон с нравственностью. Толстой писал: «...некоторые натуралисты, испугавшись логических выводов из этого закона и приложения их к человеческой жизни», пытаются «заговорить» этот закон, якобы руководящий жизнью всего органического мира, «а потому и человека, рассматриваемого как животное»⁸⁸. Далее он остроумно замечал: «Утверждать, что социальный прогресс производит нравственность, все равно что утверждать, что постройка печей производит тепло»⁸⁹. По мнению Толстого, социальные формы жизни только

⁸⁵ ПСС. Т. 8. С. 330.

⁸⁶ ПСС. Т. 39. С. 19.

⁸⁷ ПСС. Т. 39. С. 20.

⁸⁸ ПСС. Т. 39. С. 21.

⁸⁹ ПСС. Т. 39. С. 25.

тогда нравственны, когда в них она уже «вложена» религиозным миропониманием. В связи с этим Толстой говорил, что попытки «основать нравственность помимо религии» подобны попытке ребенка посадить в землю растение без корня.

Толстой пытался показать абсурдность рационалистического понимания жизни на примере решения педагогических проблем, о чем будет сказано в следующих разделах.

Ученые-позитивисты ориентируют человека на жизнь плотскую – якобы нет ничего неразумного в том, что человек живет для блага своей личности и борется с другими за свое существование. Люди науки игнорируют учения древних мудрецов и религий мира, считая их проявлением глубокого невежества прошлых эпох. По их учению, например, человеку как системе потребностей думать о духовной жизни и не нужно. Толстой справедливо замечает, что невозможность жизни для одного себя была понята и указана великими мудрецами мира, пророками. Слова Христа о жизни как любви к Богу и ближнему составили основу первых учений о смысле жизни.

Толстой критикует историческое христианство за то, что оно сосредоточило свои усилия на внешней, обрядовой стороне религии, а само учение о смысле жизни направило на загробную жизнь. Толстой справедливо замечает, что из-за того, что обряды в каждой религии свои, трудным делается восприятие того общего смысла, который свойственен всем религиям мира.

В результате человек смешивает свою плотскую, животную жизнь с жизнью духовной; это заблуждение мешает пробуждению его разумного сознания и руководством становится инерция жизни и привычки.

Духовное рождение человека

Толстой описывает поиски человеком своей идентичности, своего подлинного Я. И подходит к объяснению того, что такое самое коренное и особенное Я, которое связывает все последовательности сознания во времени. Свойство больше или меньше любить одно и не любить другое современные психологи называют подлинностью человека, его субъектностью, идентичностью и связывают с появлением оценочных суждений, как это понимал Толстой.

Толстой высказывает мысль о том, что хотя особенное Я человека развивается в нашей жизни, но вносится уже готовым из какого-то невидимого, непознанного прошлого⁹⁰. Возможно, Толстой связывает особенное Я человека с коллективным бессознательным.

Толстой показывает, что путь к своей подлинности связан с духовным рождением, появлением оценочных суждений. Человек становится способен к диалогу. Духовная жизнь – это и есть переживание духовного измерения, жизнь, сопровождающаяся внутренним согласием, волей, свободой и ответственностью.

Толстой необыкновенно образно описывает духовное рождение человека, его онтологическое преображение, сравнивая эти процессы с прорастанием зерна. Духовная жизнь незаметно прорастает в человеке, он не видит ее рождения, как зерно не может видеть роста своего стебля. Человеку необходима связанность с чем-то большим, высшим, трансцендентальным. Благодаря этому становится возможным переживание основы бытия как слитности части и целого, единения, чувства защищенности, спокойствия, что служит предпосылкой для развития фундаментального доверия – априори возникает разумная вера.

Духовный рост связан со все большим подчинением плоти разуму, духовное – сила жизни – поднимает человека в высоту: он, как птица, должен поверить в возможность подняться над бездной и лететь туда, куда его влекут крылья. Оставаясь человеческой, душа в духе обретает несвойственные ей энергии, качества, имеющие духовную природу. В образной форме Толстой выражает идею энергичности духовности, идентичности человека, который способность летать воспринимает как естественную способность к творчеству.

⁹⁰ См.: ЛСС. Т. 26. С. 406.

Лев Толстой на коньках

Дихотомия «животная личность – человек»

Толстой рассматривает положение о наличии экзистенциального антагонизма не в категориях «душа – тело», а обращается к двум пределам жизни человека – животной личности (физическое и психическое) и Человеку духовному, свободному, но ответственному. Это, пожалуй, основное понятие современной теории личности – психофизическая проблема, которую Толстой решает в духе современной гуманистической теории личности.

Толстой вводит читателя в логику своих рассуждений о противоречивости природы человека и использует понятие дихотомии «животная личность – человек», чтобы показать, как человек ищет свою идентичность, подлинность. «Разумное сознание, незаметно вырастая в его личности, дорастает до того, что жизнь в личности становится невозможной»⁹¹. По мысли Толстого, человек не видит роста разумного сознания потому, что сам совершает его. «...Наша жизнь есть не что иное, как это рождение того невидимого нам существа, которое рождается в нас»⁹², – писал Толстой и связывал этот процесс с появлением в человеке нового отношения разумного сознания к животной личности.

Толстой подчеркивал, что мы сами должны следовать закону разума. В исполнении этого закона, в подчинении ему своей «животной личности» для достижения блага и состоит наша жизнь. Отказываясь от предназначенной нам работы, мы лишаем себя нашего блага и истинной жизни. Толстой отмечает, что разумное сознание человека включает нравственные вопросы.

Духовная жизнь открыта человеку в его сознании как подчинение «животной личности» закону разума.

Толстой переходит к важному моменту понимания жизни как предмета, имеющего три измерения: высоты, ширины и длины. Он говорит, что жизнь обнаруживается во времени и пространстве, но определяется степенью подчинения животной личности разуму. Он говорит, что надо представить движение предмета одновременно в плоскости и в высоту. Движение в высоту не уменьшается и не увеличивается от его движения в плоскости.

Сила, поднимающая человека в высоту, и есть та сила жизни, для которой нет временных и пространственных пределов. Так Толстой исследует духовные и творческие возможности человека, связанные в этой модели с вертикалью. Между движением в высоту и в плоскости совершается движение по равнодействующей, поднимающей существование человека в область жизни.

Толстой пишет о том, что человек должен признать эту силу жизни, ведущую в высоту, тогда он не будет видеть обрывов и ужасаться этому. Сила жизни (духовность) – это крылья, благодаря которым он поднимается в высоту, надо поверить в крылья и лететь туда, куда они влекут человека.

В такой образной форме Толстой опять подтверждает необходимость веры – от недостатка веры происходят явления колебания истинной, т. е. духовной жизни, остановки ее и раздвоения сознания, снижается творческий потенциал человека, духовное и душевное здоровье. Разумная жизнь проявляется только в настоящем, здесь и теперь.

Исследуя родовидовое противоречие в христианстве, Толстой подошел к наиболее трудно различимому виду редукционизма, который только сейчас осознается психологами (Б. Бра-тусь). Речь идет о соотношении горизонтали и вертикали души; этот образ христианства был использован Толстым в трактате «О жизни». Вертикаль духовного противопоставляется плоскости психофизического.

⁹¹ ПСС. Т. 26. С. 346.

⁹² Там же.

Горизонтальная плоскость в этой модели означает пространственно-временное существование, «давку обезумевшей толпы у ворот жизни». Смыслом, целью такой жизни становится человек с его разрастающимися потребностями, неудовлетворение которых приводит к страданиям. Вертикальная плоскость, пересекаясь с горизонтальной, выявляет всеобщее, родовое, божественное, бесконечное. Она поднимает к вершине – идеальной деятельности, воплощенной в идее Бога. Многообразие жизни обеспечивается различными связями между этими плоскостями, а «встреча» вертикальных и горизонтальных движений происходит в каждый момент жизни. Жизнь проявляется только в настоящем. Время и пространство – условия раскрытия бесконечного, трансцендентного в конечном. Только во времени и пространстве есть движение, то есть стремление к расширению, просветлению, совершенству. Важна не продолжительность жизни как таковая, а ее глубина, содержательность. Добрый поступок, усилие добра – это и есть деятельность настоящего, которая должна иметь свойства божественного, должна быть разумна и добра, это и есть вечная жизнь. Толстой неоднократно использует термин добро, деятельность добра – выражение творческого характера нравственного опыта не как абстрактного, безликого, а направленного на ближнего, что является творческой этической задачей.

По Толстому пересечение духовной, смысловой вертикали (сверхсознания) и горизонтали отдельных временных сознаний – это момент воплощения нравственных целей, ценностей в деятельность, поступок, обнаруживающий глубинное Я. Смысловые связи пересекаются с инструментальными, поведенческими, происходит «встреча» онтологических слоев сознания и тех «временных сознаний», которые выражаются в мире внешнем, бытийном. Именно этот момент жизни настоящий, такая встреча «плоти и духа» выявляет истинное лицо человека, разрешает противоречие, что приводит либо к нравственному возвышению, либо к регрессу. Эта диалектика развития самосознания, утверждал Толстой, лежит в основе развития отдельного человека и человечества в целом. Толстой указывал в связи с этим на сильные стороны учения Христа и видение Христом имманентного противоречия жизни. Он писал, что Христос учит не ангелов, а людей, живущих животной жизнью. Психологизм учения Христа, по мысли Толстого, заключался в том, что силу божеского сознания, то есть сверхсознание как стремление к совершенствованию, он как бы превращал в одну из двух равнодействующих сил жизни человека. Христос признавал существование двух сторон: силу животной природы человека, которая находится вне власти человека, и силу сознания сыновности Богу. По мнению Толстого, Христос в своих проповедях призывал людей к осознанию силы божеской, освобождению ее от всего, что задерживает развитие, и доведению ее до высшего напряжения. В увеличении этой силы и ее освобождении – суть истинной жизни человека.

Толстой обращал внимание на то, что степень отклонения от вертикали души зависит от осмысленности жизни человека, ограничения ее эгоцентрическими или группоцентрическими установками, которые всегда «текучи», процессуальны. Высшие гуманистические установки возникают в результате сознательных усилий, своеобразной перестройки сознания.

Толстой неоднократно указывал, что «божеское» совершенство является из равнодействующих сил жизни человека: к совершенству он всегда стремится, но достигнуто оно может быть только в бесконечности. Толстой обращал внимание на искажение учения Христа, когда идеал воспринимается как правило. Смысл учения Христа заключается в том, что человек руководствуется внутренним сознанием возможности достижения божеского совершенства, а не внешними правилами. В душе человека, писал Толстой, находятся не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного, бесконечного «божеского» совершенства. Используя образ гребца и реки жизни, Толстой говорит, что пристать к другому берегу можно, если всеми силами направлять ход гораздо выше намеченного пункта. Суть жизни состоит в отклонении от животного состояния к «божескому» настолько, насколько это возможно.

Однако писатель неоднократно подчеркивал взаимосвязь этих двух равнодействующих сил жизни. Обретая духовную, человеческую сущность, человек использует свою психофизическую природу как инструмент, «лопату» приобретения таланта. В трактате «О жизни» Толстой подробно анализирует невозможность такого толкования в позитивизме, где человек существо конечное. В религиозно-нравственном учении Толстого эти два уровня – человек и животная личность – соотносятся как форма и содержание одного процесса становления человека, существа конечно-бесконечного.

Лев Толстой со своей дочерью Александрой Львовной

В своем трактате «О жизни» Толстой исследовал проблему духовности как специфического атрибута, который конституирует человека и объясняет его способность к творчеству, созиданию. Духовность – сущность человека, именно она поднимает его над миром животных. Если целью жизни становится духовность, то органическая, психофизическая природа превращается в условия жизнедеятельности, которые и надо использовать как «средство приобретения таланта». Эту данность природы надо знать и собственными усилиями разрешать главное противоречие «между плотью и духом», в успешном преодолении которого – гарантия личностного роста, именно как духовного, нравственного. Нельзя отречься от условий, в которых существует человек, но нельзя на них смотреть как на цель всей жизни. Человек представ-

ляет собой единство психофизического и духовного, а цель жизни человека – в соединении смысла и нравственного поведения, наделении жизни духом, «одухотворении жизни».

Завершая свои размышления о соотношении родовой и видовой сущности, в последней своей книге «Путь жизни», созданной для самых простых людей, Толстой писал: «Грехи, соблазны и суеверия – это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти»⁹³. Им были написаны «Беседы с детьми по нравственным вопросам», в которых он пытался донести до детей 8–10 лет на доступном им языке кардинальные проблемы человеческого существования – счастья, смысла, Бога, любви, труда, ненасилия, смирения, усилия.

Толстой пытался объяснить современникам, что психофизический параллелизм развития личности оказывает медвежью услугу педагогам-практикам и приводит к вечной ошибке всех педагогических теорий, в которых «развитие ошибочно принимается за цель»⁹⁴, педагоги-практики содействуют развитию, а не гармонии развития. Воспитатель, по мысли Толстого, уподобляется плохому ваятелю. Как тот, «вместо того, чтобы соскоблить лишнее, налепливает все больше и больше», так и мы «раздуваем, залепляем кидаящиеся нам в глаза неправильности, исправляем, воспитываем ребенка», тогда как ему «нужен только материал для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне»⁹⁵.

Толстой показал, что игнорирование духовной составляющей души человека в психофизическом параллелизме привело к ее уплощению – ученые как бы изучают тень вместо предмета и «радуются, что тень сплошная». Это был намек на понимание психического как бесполезного придатка к физиологическому, когда тень сопровождает предмет, никак не влияя на него.

Толстой создавал религиозно-нравственное учение в период, когда, казалось бы, передовое опытное знание отторгло устаревшие метафизические понятия, но, как заметил Толстой, происходило искажение практики работы с человеком, которая не могла мыслиться без таких понятий, как смысл, любовь, страдание и сострадание, вера, грех, надежда.

Толстой считал, что в натуралистическом понимании сути человека не было даже вопроса о душе и свободе личностного нравственного действия. Физиология, зоология и натуралистически ориентированная психология, по его мнению, не могут разрешить вопроса о соотношении сознания свободы человека с законом необходимости. В связи с этим Толстой убедительно показал тупиковое состояние науки, ибо человек не должен себя мыслить иначе, как свободным, имеющим свою волю. Но вся психофизическая организация человека есть ограничение свободы. Толстого беспокоит, что в психологии, «как сложное вещество, разложили душу человека на – память, ум, чувства и т. д. и знают, сколько какого упражненья для какой части нужно»⁹⁶.

Не случаен эпиграф, взятый Толстым из Канта: звездное небо над нами и нравственный закон в нас – по сложности и познаваемости сопоставимые вещи. Толстой уточняет свое понимание личности как свойства животного и противопоставляет ей категорию «человек». В такой дихотомии человек обладает разумным сознанием, его душа устремлена к познанию, творчеству, единению с другими любовью, он обладает нравственным чутьем и нравственными чувствами. Толстой отмечает, что благодаря ложным (т. е. неправильным) учениям происходит смешение животной личности и человека. Сознание животной личности для человека – это не жизнь, а тот предел, с которого начинается его жизнь.

⁹³ ПСС. Т. 45. С. 103.

⁹⁴ ПСС. Т. 8. С. 322.

⁹⁵ ПСС. Т. 8. С. 322–323.

⁹⁶ ПСС. Т. 60. С. 383.

Цели, указываемые разумным сознанием, кажутся непонятными, они невидимы, т. к. осуществлять их надо самому человеку. Если отречение от блага животной личности не совершается свободно, то совершается в каждом человеке насильственно при плотской смерти его как животного, когда человек под тяжестью страданий желает только одного: избавиться от мучительного сознания погибающей личности и перейти в другой вид существования. «Отречение от блага животной личности есть закон жизни человеческой»⁹⁷. Для убедительности своих слов Толстой приводит пример жизни лошади, которую хозяин выводит из конюшни. Лошадь увидела свет и почуяла свободу, и ей кажется, что в этой свободе и состоит ее жизнь. Но хозяин впрягает лошадь в телегу и трогает. Лошадь чувствует тяжесть, и, если она думает, что ее жизнь в том, чтобы бегать на свободе, она начинает биться, падает и иногда убивается.

Толстой замечает, что у лошади только два выхода: «...или она пойдет и повезет, и увидит, что тяжесть не велика и езда не мука, а радость, или отобьется от рук, и тогда хозяин сведет ее на рушильное колесо, привяжет арканом к стене, колесо завертится под ней, и она будет ходить в темноте на одном месте, страдая, но ее силы не пропадут даром: она сделает свою невольную работу, и закон исполнится и на ней. Разница будет только в том, что первая будет работать радостно, а вторая невольно и мучительно»⁹⁸.

Этот пример созвучен мысли экзистенциального психолога В. Франкла о том, что у человека при обнаружении смысла жизни по сути две возможности: «прислушаться к своей совести или пренебречь ее предостережениями» (В. Франкл).

Толстой предвидит законно возникающий у читателя вопрос: зачем эта личность, от которой надо отречься? И отвечает: «Животная личность, в которой застаёт себя человек и которую он призван подчинять своему разумному сознанию, есть не преграда, но средство, которым он достигает цели своего блага: животная личность для человека есть то орудие, которым он работает. Животная личность для человека – это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать, и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не очищать и хранить. Это талант, данный ему для прироста, а не для хранения»⁹⁹.

Толстой ссылается на Евангелие: «И кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее. И кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее». Толстой выявляет антропность духовности, рождение духом – это закономерность, но людям необходимо преодолеть стереотипы сознания:

1) понять невозможность личного существования и увидеть постоянное взаимное служение людей друг другу вместо «неразумной борьбы существ, губящих друг друга»;

2) понять обманчивость наслаждений, полагаемых целью жизни и приводящих к страданию; признать свою жизнь в стремлении к благу других: «...праздная... и мучительная деятельность, направленная на наполнение бездонной бочки животной личности, заменяется согласной с законами разума деятельностью поддержания жизни других существ... и мучительность личного страдания, уничтожающего деятельность жизни, заменяется чувством сострадания к другим, вызывающим несомненную плодотворную и самую радостную деятельность»¹⁰⁰;

3) понять, что страх смерти происходит из страха потерять благо жизни с ее плотской смертью.

⁹⁷ ПСС. Т. 26. С. 363.

⁹⁸ ПСС. Т. 26. С. 366.

⁹⁹ ПСС. Т. 26. С. 367.

¹⁰⁰ ПСС. Т. 26. С. 371.

Включение души человека в предмет «науки жизни»

Толстой включает душу человека в предмет науки жизни, показывая современникам, что душа должна быть возвращена в орбиту психологии. И только в наши дни в гуманистической психологии происходит поворот к изучению души человека в триаде тело-душа-дух.

Толстой дает следующее определение души: «Неосязаемое, невидимое, бестелесное, дающее жизнь всему существующему, само в себе мы называем Богом. То же неосязаемое, невидимое, бестелесное начало, отделённое телом от всего остального и сознаваемое нами собою, мы называем душой»¹⁰¹. И еще несколько высказываний: «Не было бы души, я бы и не знал, что такое мое тело.

Начало жизни не в теле, а в душе»; «Тело – это пища души, это леса, посредством которых строится истинная жизнь»; «Душа – стекло. Бог – это свет, проходящий через стекло»¹⁰². Понятие Бог и Дух у Толстого равнозначны.

Пытаясь «заглянуть в душу человека», Толстой затронул еще один важный аспект, кстати беспокоивший его, судя по дневниковым записям, до последних лет жизни. Необходима ли определенная степень напряжения для личностного роста или важнее гомеостатическое равновесие? Что является залогом здоровья? Что дает человеку чувство удовлетворения, счастья? (Заметим, что это подход к пересмотру «нормы» в психологии, медицине.)

А.А. Толстая спрашивала Льва Николаевича, как сохранить душевное равновесие, комфорт, как избежать плохого настроения, душевного разлада. Отвечая на ее вопрос, Толстой изобразил овал (человеческую душу – сознание), разделенный «коридором» на две части; вдоль его стен как бы расположены шкафы с ящиками: на одной стороне ящики с хорошими воспоминаниями, чувствами, мыслями, интересами, на другой – с дурными; каждый ящик, в свою очередь, имеет отделения. У одних людей – одни отделения, у других – другие. Можно сделать и так, чтобы весь «коридор» был загроможден однотипными ящиками по обе его стороны, но это ненормально. Используя этот образ, Толстой привлекал внимание к принципиальному различию между динамическими силами психического и духовного измерений. Мотивирующая сила психического, направленная на поддержание гомеостаза, судя по вопросу А.А. Толстой, переживается, как нечто толкающее ее к разрядке напряжения.

Нормальные же движения человеческой души для человека, живущего духовной жизнью, – это когда выдвигаются то одни, то другие ящики, «но обязательно оставляя проход в коридоре», где всегда должно быть движение, стычки, борьба. «Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек»¹⁰³, – писал Толстой. Для души необходимо преодоление, а потому нужны и препятствия, нельзя поддаваться искушению душевного застоя – это жизнь «в гробах своих». Для человека, живущего духовной жизнью, свойственно постоянное напряжение между бытием и смыслом, это экзистенциальное напряжение.

¹⁰¹ ПСС. Т. 45. С. 32.

¹⁰² ПСС. Т. 45. С. 37, 40, 41.

¹⁰³ ПСС. Т. 60. С. 230.

Деятельностная любовь

Проблема любви-творчества – кардинальная проблема человеческого существования. В понимании Толстого – это онтологическая категория – общность, лежащая в основе бытия человека. С помощью понятия «любовь» Толстой объяснил сущность духовного роста человека, разрешения экзистенциального противоречия и достижения полноты творческих, нравственных, эмоциональных сил, достижения «целостности личности».

Все аспекты любви в рамках «науки жизни» – любви к Богу, к себе, к ближнему – наполнены творческим содержанием. Любовь-творчество – это способ бытия, жизнетворчество. С помощью любви человек преодолевает отчужденность, разобщенность. Любовь к себе и к ближнему – это любовь к Богу в других, но это объективная данность, духовность, отказавшись от которой человек перестает быть человеком.

Толстой использовал аспекты христианского понимания любви, подчеркивал, что это понимание «признает любовь и к себе, и к семье, и к народу, и к человечеству, не только к человечеству, но ко всему живому, ко всему существующему, признает необходимость бесконечного расширения области любви; но предмет этой любви оно находит не вне себя... но в себе же, в своей личности, но личности божеской...»¹⁰⁴ Согласно христианскому учению, любовь – не необходимость, а существенное свойство души человека. Человек не может не любить. Смысл жизни и заключается в том, чтобы любить Бога как начало всего во всем. Именно эти аспекты христианского учения о любви были использованы Толстым для объяснения проблем духовного развития человека и человечества.

Религиозно-нравственное учение или науку жизни Толстого можно назвать учением о бескорыстной любви¹⁰⁵ как творческой разумной деятельности, дающей чувства удовлетворения, радости, счастья, просветления, благоволения, ощущения полноты бытия. Развивая христианское понимание жизни человека как бытия для других (но не понимая эту позицию как позицию самоспасения), используя созвучные ему мысли Шопенгауэра о нравственных действиях человека, ведущих к «расширению» личности, перенесении целей деятельности из себя в другие существа и понимании духовной сущности других существ, он сформулировал принцип имманентности всего всему, нравственный закон «служения каждого всем и потому всех каждому».

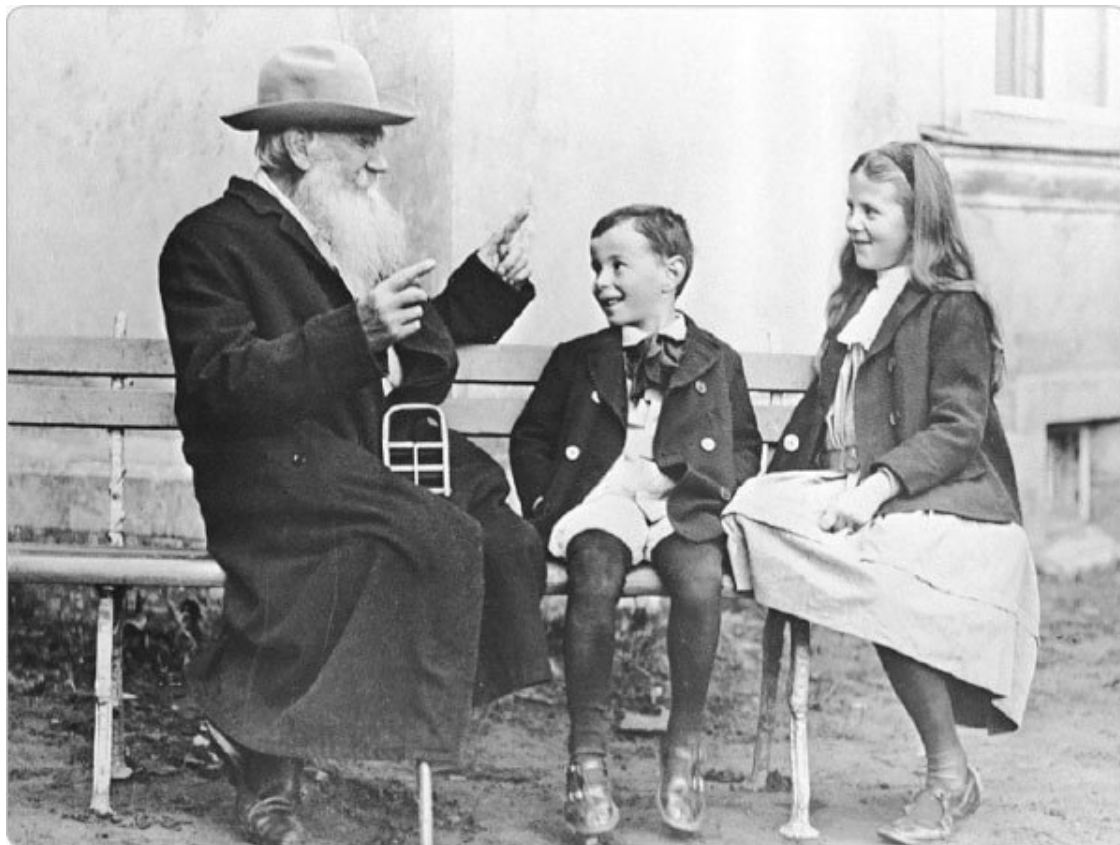
Толстой использовал понятие «любовь» для объяснения пути жизни как множества творческих нравственных актов, с помощью которых происходит сублимация страстей, влечений, «телесных похотей». Понятие любви-творчества у Толстого используется для объяснения онтологического преобразования человека, когда чувства и стремления одного лица подхватываются другим и осуществляются. В учении Толстого любовь – это деятельность добра, инструмент обретения смысла, средство выражения духовной сущности, способ бытия – «истинной» жизни, т. е. сама жизнь.

Толстой оставил множество наблюдений о любви-творчестве человека, в которой он реализует свою направленность вовне, но не просто абстрактно, безлично – а в любви к Богу, к ближнему. В книге «О жизни» Толстой приводит так называемую «формулу любви» (кстати, Толстой заимствовал ее у Писемского): «Величина любви есть величина дроби, которой числитель, мои пристрастия, симпатии к другим, – не в моей власти; знаменатель же, моя любовь к себе, может быть увеличен или уменьшен мною до бесконечности, по мере того значения, которое я придам своей животной личности. Суждения же нашего мира о любви, о степенях ее – это суждения о величине дробей по одним числителям, без соображения о их знаменате-

¹⁰⁴ ПСС. Т. 28. С. 84–85.

¹⁰⁵ «Любовь-творчество» в учении Толстого гораздо шире понятия «любовь-агапе» в книге А. Нигрена «Агапе и Эрос».

лях»¹⁰⁶. Толстой показал, что любовь как творческая деятельность и есть разрешение экзистенциального противоречия «животного и разумного сознания». Любовь как пристрастие заставляет человека вступать в борьбу с ближним, в погоню за наслаждениями, усиливает борьбу и жадность к наслаждениям, а потому и ужас смерти.

Лев Толстой с внуками

Толстой писал, что обычно в жизни любовью называется «предпочтение одних условий блага своей личности другим»¹⁰⁷, но в таком подходе нет «главного признака любви – деятельности, имеющей целью и последствием благо»¹⁰⁸. Толстой писал, что только «вследствие отречения от жизни личности познает человек истинную любовь и может истинно любить отца, сына, жену, детей и друзей»¹⁰⁹. В этих словах глубокий смысл, отражающий позицию Толстого, который в чувстве и деятельности любви видел «самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, свойственное детям и разумным людям»¹¹⁰, когда «поток хлынет из... сердца запертое до тех пор благоволение ко всем людям»¹¹¹.

Толстой считал, что суть любви как творческого отношения к жизни, людям выражена в заповедях Иисуса Христа о любви к Богу и ближнему, как к самому себе. Это и есть сама жизнь, форма духовного бытия – «стремление к благу того, что вне человека, которое остается в человеке после отречения от блага животной личности»¹¹².

¹⁰⁶ ПСС. Т. 26. С. 391.

¹⁰⁷ ПСС. Т. 26. С. 388.

¹⁰⁸ ПСС. Т. 26. С. 389.

¹⁰⁹ ПСС. Т. 26. С. 390.

¹¹⁰ Там же. ПСС. Т. 26. С. 390.

¹¹¹ ПСС. Т. 26. С. 391.

¹¹² ПСС. Т. 26. С. 394.

Толстой писал, что в раннем детстве душа еще не засорена ложью жизни и каждый не может не вспомнить «блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного – чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтоб всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека»¹¹³.

Любовь как творчество жизни – врожденная, духовная способность человека, «нежный росток среди похожих на нее грубых ростков сорных трав»¹¹⁴, которыми Толстой называет влечения, желания сферы подсознательного. Этот росток любви люди грубо хватают руками, мнут, начинают пересаживать, и «росток умирает, не расцветши»¹¹⁵. Этот росток любви-творчества «могущественен только при своем разрастании», и для него нужно только одно – «чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возвращает его»¹¹⁶. В этом образе Толстой выразил мысль о духовном развитии как актуализации духовных сил, как естественном свойстве их духовного развития.

В книге «Путь жизни» Толстой пытался объяснить процесс единения людей онтологически, через понимание духовной общности, причем путь к этому единению – в преодолении каждым человеком экзистенциального противоречия, сублимации страстей, влечений, нежелательных социальных привнесений.

Подчеркивая объективную данность «закона любви», Толстой использовал утверждение восточной мудрости о том, что человеку естественно быть любовным так же, как воде естественно течь сверху вниз.

Толстой подчеркнул, что любовь-творчество – естественное свойство духовности. Сознание в себе божественного духовного начала требует любви, производит любовь, но любовь истинная, любовь-творчество, достигается усилием.

Толстой использовал единство божественного духовного начала, живой и неживой природы для выражения принципа имманентности всего всему, объяснения связи конечного с бесконечным. Толстого неоднократно обвиняли в связи с такими толкованиями в пантеизме. Современный уровень разработки проблемы духовности и ее онтологического понимания снижает обвинения с Толстого в пантеизме или панентеизме.

Главный смысл своего учения – о единении людей любовью – Толстой видел в том, чтобы помочь людям «выучиться любить». Он писал, что «любить всех людей кажется трудно. Но кажется трудным каждое дело, когда не научился его делать. Люди всему учатся: и шить, и ткать, и пахать, и косить, и ковать, и читать, и писать. Так же надо учиться и тому, чтобы любить всех людей. И выучиться этому нетрудно, потому что любовь людей друг к другу вложена нам в душу. [...] ... Если Бог – любовь и пребывает в нас, то выучиться любви нетрудно. Надо только стараться избавиться от того... что не выпускает ее наружу. И только начни так делать – и скоро научишься самой важной и нужной на свете науке: любви к людям»¹¹⁷.

Имея в виду педагогическую направленность данной работы, нельзя не отметить, что на когнитивную и творческую функцию любви Толстой обратил внимание еще в начале своей педагогической деятельности, сказав, что совершенный учитель соединяет в себе любовь к предмету, который преподает, и любовь к учащимся. По мнению Толстого, чувство любви есть проявление духовности человека. Но чувство любви исходит из сердца, каждая «неразвращен-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ ПСС. Т. 26. С. 395.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ПСС. Т. 45. С. 75.

ная человеческая душа» изначально направлена вовне, к Другому. Не случайно, что в качестве одного из эпиграфов к книге «О жизни» Толстой берет евангельские слова: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Иоанна, 13:34). Любовь есть деятельность настоящего, утверждает Толстой. Истинная, духовная любовь, прежде чем сделаться деятельностным чувством, должна быть «истинным состоянием», разумным, светлым, спокойным и радостным. Это состояние Толстой называет состоянием благоволения ко всем людям («поток хлынет из... сердца запертое до тех пор благоволение ко всем людям»). Толстой заимствует из учения Иисуса Христа положение, что любовь «есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и бесконечная. [...] ...Это есть сама радостная деятельность жизни, которая со всех сторон окружает нас и которую мы все знаем в себе с самых первых воспоминаний детства до тех пор, пока ложные учения мира не засорили ее в нашей душе и не лишили нас возможности испытывать ее»¹¹⁸.

В последних главах книги «О жизни» Толстой характеризует жизнь как отношение к миру, а движение жизни как установление нового, высшего отношения, жизнь видимая есть только часть бесконечного движения жизни.

¹¹⁸ ЛСС. Т. 26. С. 393–394.

Значение страданий в жизни человека

Согласно Толстому, страдания телесные – необходимое условие жизни и блага людей: «Если не разумное сознание, то страдание, вытекающее из заблуждения о смысле своей жизни, волей-неволей загоняет человека на единственный истинный путь жизни, на котором нет препятствий, нет зла, а есть одно, ничем не нарушимое, никогда не начавшееся и не могущее кончиться, все возрастающее благо»¹¹⁹. Заключительная, 35-я глава книги посвящена проблеме страдания, боли в жизни человека, которые, по мнению писателя, являются необходимым условием как животной, так и разумной жизни. В страдании человек познает разумный смысл жизни. Страдание заставляет человека вступить на путь духовной жизни, дающей человеку благо.

Судьба этой книги в России глубоко трагична. После запрета цензурой Толстому оставалось распространять ее путем переписки, нелегальной печати и печатания за границей.

В.Г. Чертков в 1889 г. занимался подготовкой упрощенного изложения книги «О жизни», которое появилось в печати уже после смерти писателя, но при жизни Толстой просмотрел рукопись, исправил и одобрил. Книга «Об истинной жизни» вышла в издательстве «Единение» в 1916 г. (ч. 1–3) и в 1917 г. (ч. 4). Впервые легально в России книгу «О жизни» напечатала в 1889 г. петербургская газета «Неделя». Как следует из письма Н.Н. Страхова (июнь 1888 г.), он занимался корректурами перевода книги «О жизни» на английский язык г-жой Гапгут, очень удачного, по его мнению. Вслед за английским переводом стали появляться переводы на другие языки. Известен перевод на датский язык в 1889 г., два перевода на чешский язык в 1895 и 1904 гг., два перевода на немецкий, один на итальянский и один на французский.

¹¹⁹ ЛСС. Т. 26. С. 434.

«Царство Божие внутри вас»

Содержание следующей большой книги Толстого «Царство Божие внутри вас» связано с продолжением исследования им проблем духовности. Толстого, начиная с эпилога романа «Война и мир», занимала идея творения. Именно в христианстве личностное начало человека было актуализировано в качестве возможности творения, и связано это с духовностью, благодаря которой человек демонстрирует способность к обновлению, позитивным изменениям поведения и жизни. Духовность обладает энергийностью.

История написания книги

Над трактатом «Царство Божие внутри вас» Толстой работал почти три года, с июля 1890-го по май 1893 г. Первоначально он собирался написать небольшое предисловие к переводу брошюры «Катехизис непротивления» Эдина Баллу, американского общественного деятеля, сторонника учения о непротивлении злу насилием. По ходу работы замысел углублялся. К этому времени Толстой уже был знаком с деятельностью Уильяма Ллойда Гаррисона, борца за освобождение негров в Америке, Петра Хельчицкого, чешского писателя XV в., автора книги «Сеть веры», в которой обличается неправда псевдохристианского общественного устройства, и ряда других проповедников учения о непротивлении злу насилием. У Толстого возникла мысль написать заключение к переводу «Катехизиса» Баллу и «Декларации» Гаррисона. Одновременно Толстой собрал и изучал огромное количество материалов по истории христианских церквей. Среди черновиков, относящихся к первой стадии работы, сохранилось десять черновых рукописей «Заключения».

Работа велась в двух направлениях: писание «Предисловия», «Заключения» и собирание и изучение материалов к ним. Одновременно в ноябре 1890 г. Толстой начал осуществлять замысел большого произведения, впоследствии получившего название «Царство Божие внутри вас». 25 января 1891 г. Толстой записал в дневнике: «Все это время писал понемногу свою статью. Подвинулся. 6 глав, могу сказать, кончены»¹²⁰. Однако Толстой писал дополнения, производил перестановки фрагментов текста, одни главы соединял с другими, терпеливо и упорно, по двадцать раз, переделывал отдельные места.

В окончательной редакции было одиннадцать однородных глав и заключительная двенадцатая, разбитая на шесть подглав. В рукописи, написанной после 18 мая 1891 г., Толстой зачеркивает первоначальное название трактата «О непротивлении злу насилием, о церкви и об общей воинской повинности» и взамен его пишет новое: «Учение христианское не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; а в качестве эпиграфа приводит слова из Евангелия от Луки (17:21): «Царство Божие внутри вас есть», которые в конце концов и стали названием трактата.

В конце октября 1893 г. книга Толстого «Царство Божие внутри вас» вышла в Париже, затем в Италии, Германии, Великобритании и США. В.В. Стасов назвал эту книгу «первой книгой XIX века», И.Е. Репин отзывался о ней как о «вещи ужасающей силы», «страшно сильной вещи». В России цензура запретила издание трактата, объявив его самой вредной книгой. После публикации в Германии в издательстве А. Дейбнера она стала распространяться в России в огромном количестве экземпляров в гектографированном и машинописном виде. Русское правительство принимало энергичные меры против распространения книги в пределах России.

¹²⁰ ЛСС. Т. 52. С. 5.

О духовно-нравственном развитии человека

Название трактата очень точно определяет его содержание, связанное с идеей самоизменения, внутреннего усилия и свободы как условий изменения своего сознания и жизни. Сущность религии состоит в свойстве людей предвидеть и указывать тот путь жизни, по которому должно идти человечество. Толстой говорит о том, что во все времена были люди, в которых это свойство проявлялось с особенной силой, и эти люди ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали все люди.

Толстой выделяет три жизнепонимания: первое – личное, или животное; второе – общественное, или языческое; третье – всемирное, или Божеское. Эти жизнепонимания служат основой существовавших или существующих религий. Так, дикарь признает жизнь только в себе, в своих личных желаниях. Двигатель его жизни есть личное наслаждение. Религия его состоит в умиловании божества к своей личности. Человек языческий, общественный, признает жизнь не в одном себе, но в совокупности личностей – в племени, семье, роде, государстве – и жертвует для этих совокупностей своим благом. Двигатель его жизни есть слава. Религия его состоит в возвеличении родоначальников, предков, государей и в поклонении богам, покровителям его семьи, его рода, народа, государства. Человек Божеского жизнепонимания, по мнению Толстого, признает смысл жизни не в своей личности или совокупности личностей, а в источнике вечной, неумирающей жизни – Боге – и для исполнения воли Бога жертвует и своим личным, и семейным, и общественным благом. Двигатель его жизни есть любовь. Религия его есть поклонение и делом, и помыслами началу всего – Богу.

Последнее жизнепонимание и основанное на нем христианское учение должны руководить всей жизнью и деятельностью человека и человечества.

Толстой отмечает, что учение Христа руководит людьми иным способом, чем руководят учения, основанные на низшем жизнепонимании. Учение Христа основано на понимании способности человека к самоизменению, бесконечному самосовершенствованию, которое как полное совершенство никогда не достигается, но стремление к полному, бесконечному совершенству будет увеличивать благо людей. Толстой выявляет творческий характер учения Христа и способность человека к творчеству, обновлению.

Толстой считал, что человек достоин идеи Бога как идеала абсолютного совершенства. Он замечал, что только этот идеал полного бесконечного совершенства действует на людей. В рассуждениях о Боге Толстой операционализирует свои действия в самых интимных разговорах с самим собой, где Бог – собеседник. Идеал умеренного совершенства «теряет свою силу воздействия на души людей». Смысл учения не просто в следовании заповедям (они только «указатели» ограничений, т. е. того, что люди не должны делать на той или иной ступени своего развития), а в стремлении к божескому совершенству.

Толстой обращает внимание на то, что новое жизнепонимание не может быть предписано, а может быть свободно усвоено. Это учение истины не может осуществиться сразу, оно должно разрастаться, как огромное дерево из малозаметного семени. Толстой говорит, что стоит каждому начать жить, руководствуясь тем светом, который есть в нас, чтобы наступило Царство Божие, к которому влечется сердце каждого человека. Толстой, исследуя условия развития самосознания человека как духовного сознания, обращается к пониманию проблемы свободы как способности признания или непризнания этих истин и связывает свободу человека с его ответственностью.

Современное прочтение трактата свидетельствует о его глубоком психологизме, обращенности к высшей форме самосознания человека – духовному сознанию, духовным способностям человека, тому свету, который внутри человека, и разгорается этот свет только в резуль-

тате собственных усилий. В этом, по убеждению Толстого, состоит единственный смысл жизни человека.

Статья «Что такое религия в чем сущность ее» История написания

Важнейшей для понимания смысловых аспектов жизни человека, его духовного развития стала статья Толстого «Что такое религия и в чем сущность ее?» (в России статья впервые появилась в 1906 г. в издании А.Е. Беляева «Земля и труд», вып. 2). Толстой начал работу над статьей в Крыму, в период болезни 1901–1902 гг. Его беспокоила тема веры – неверия людей. В период ослабления религий и секуляризации сознания Толстого занимает тема религии как смыслового органа человека и человечества, без которого жизнь превращается в скотскую, человечество дичает.

Пафос статьи связан с обоснованием идеи о необходимости учения о смысле жизни, которое является составной частью любой религии. «*Истинная религия, – пишет Толстой, – есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками*»¹²¹. Несмотря на ослабление религии, она «как была, так и остается главным двигателем, сердцем жизни человеческих обществ, и без нее, как без сердца, не может быть разумной жизни»¹²². Толстой пришел к выводу, что религиозное сознание общества постоянно развивается, что «религии, как и все живое, имеют свойство рождаться, развиваться, стареться, умирать, вновь возрождаться, и возрождаться всегда в более совершенной, чем прежде, форме»¹²³.

Толстой считал, что человечество вступило в эпоху ослабления религий, но это лишь создало условия для дальнейшего ее развития. Религиозное учение всегда устанавливает отношение к бесконечному миру, одинаковое для всех людей. Признаки равенства людей между собой есть неизбежное, основное свойство всякой религии.

Толстой определяет веру как душевное состояние, сознание такого своего положения в мире, которое обязывает к известным поступкам. «Вера есть то же, что религия, с той лишь разницей, что под словом религия мы разумеем наблюдаемое вовне явление, верую же мы называем это же явление, испытываемое человеком в самом себе. Вера есть сознание человеком отношение к бесконечному миру, из которого вытекает направление его деятельности»¹²⁴.

Толстой обращает внимание на важный педагогический аспект религии – ее роль в установлении гармонии человеческой природы, психофизической и духовной. Религиозный человек старается устранить противоречие между требованиями разума и поступками своими и других людей, он хочет научиться наилучшим образом согласовывать свои поступки с требованиями своего разума.

В статье Толстой продолжает тему науки, которая без религиозного мировоззрения (зачем нужно изучать тот или иной предмет, в какой последовательности) превращается в знание, в котором все существенные вопросы и внутренние противоречия заслоняются колоссальным нагромождением фактического материала, «производится праздная, неясная и совершенно бесполезная болтовня». Толстой обеспокоен тем извращением в духовном мире человека, которое происходит из-за неверия в собственный разум, из-за распространения учения передовых людей о вреде религии как препятствии на пути человечества к прогрессу. В таком случае «человек делается... беспринципным, т. е. бессовестным человеком, руководящимся в жизни только своими похотями и не только не осуждающим себя за это, но считающим

¹²¹ ПСС. Т. 35. С. 163.

¹²² Там же.

¹²³ ПСС. Т. 35. С. 163–164.

¹²⁴ ПСС. Т. 35. С. 171.

себя поэтому на высшей доступной человеку точке духовного развития»¹²⁵. Толстой выявляет последствия бездуховной, безрелигиозной жизни, когда большинство людей будут поколениями жить и умирать без истинного понимания жизни, оставаясь покорным орудием для властвующих и обманывающих его классов.

Толстой, желая создать условия для единения людей на основе религии, отмечает, что даже буддизм, который не дает определения Бога, признает то, с чем сталкивается человек, погружаясь в нирвану. Для Толстого очень важно подчеркнуть, что религия влияет на то или иное поведение человека. Религия определяет отношение человека как части – к целому. А правила поведения, вытекающие из этого, должны быть так же святы, как вера в святость причастия, образов и т. п. для людей, вера которых основана больше на доверии, чем на ясном внутреннем сознании.

Толстой задается вопросом: почему не происходит единения людей? Для утверждения подобных мыслей необходимо внутреннее, нравственное убеждение, что закон жизни людей в любви и служении друг другу, а не «в борьбе и поедании друг друга». Толстой видит порочную последовательность: отсутствие религии делает возможной животную жизнь, основанную на насилии; животная жизнь мешает пониманию истинной религии и смысла духовной жизни. Надо разорвать этот заколдованный круг. Человечеством должно двигать согласное с разумом и современными знаниями отношение к миру и Богу, а человек только до тех пор слаб и несчастен, пока в его душе не разгорается светильник Бога. Толстой выражает мысль о роли самосознания человека как духовного сознания, в котором есть сила Божья, и увеличивается эта сила только в душе, просвещенной религией (учением о смысле жизни). Автор делает вывод о решающей роли смысла, религии как основы духовного сознания для поступательного развития человечества.

О том, насколько глубоко тема единения части и целого, человеческого Я и Бога, занимала Толстого, о том, что в ней он видел понимание основы миропонимания, истоки физического и духовного здоровья отдельных людей и человечества в целом, свидетельствует тот факт, что эта мысль была последней, которую, находясь на смертном одре, он диктовал дочери Александре на станции Астапово: «Бог есть неограниченное все, чего человек сознает себя ограниченной частью»¹²⁶. Видимо, это мысль об объяснительном принципе связи человека и мироздания.

¹²⁵ ПСС. Т. 35. С. 188.

¹²⁶ ПСС. Т. 58. С. 143.

Статья «Религия и нравственность» История написания

Важной в понимании Толстым истоков нравственного воспитания явилась статья «Религия и нравственность». Она была ответом Толстого на письмо профессора философии Берлинского университета Георгия Гижинского, полученное в августе 1893 г.; Гижинский просил ответить на два вопроса: 1) что Толстой понимает под словом «религия» и 2) считает ли он возможным существование независимой от религии морали? Эти вопросы совпали с логикой размышлений писателя, и он постарался ответить на них «насколько возможно обстоятельнее», что потребовало гораздо больше времени, чем думал Толстой. Статья была окончена 30 октября 1893 г., переведена на немецкий язык переводчицей С.Ю. Бер и отправлена Гижинскому для его журнала «За этическую культуру». В начале января 1894 г. Толстой получил четыре номера журнала со своей статьей. В России статья «Религия и нравственность» впервые была опубликована в журнале «Северный вестник» (январь 1894 г.) с измененным заглавием («Противоречия эмпирической нравственности») и большими цензурными сокращениями. Отдельное издание статьи было запрещено Главным управлением по делам печати. Впервые отдельным изданием вышла в «Посреднике» в 1908 г. – текст был перепечатан журнальный, но под заглавием «Религия и нравственность». И только в 1913 г., в Собрании сочинений Толстого, П.И. Бирюков дал полный нецензурированный текст по толстовской рукописи.

Религия как учение о смысле жизни – основа нравственного воспитания

Толстой, анализируя различные определения религий, приходит к выводу, что сущность всякой религии состоит в ответе на вопрос: зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру? т. е. вопросы экзистенциального характера. По мнению Толстого, существует три типа отношения человека к миру: первобытное (личное), языческое (общественное или семейно-государственное) и христианское (божеское). Толстой затрагивает проблему, актуальную для большинства нерелигиозных людей: почему религия – а не философия и наука – может определить отношение человека ко всему бесконечному миру? По его мнению, философия всегда была и будет исследованием того, что вытекает из установленного религией отношения человека к миру, т. к. до установления этого отношения нет материала для философского исследования.

Смысл жизни, выражаемый религией, необходим для жизнедеятельности человека. «Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как человек без сердца»¹²⁷. Человек может не знать, что у него есть религия, как может не знать, что у него есть сердце. Но как без сердца не может жить человек, так он не может жить без религии.

Толстой психологически очень тонко замечает, что философия и наука не могут установить отношение человека к миру, т. к. это отношение определяется не одним только рассудком, но и чувством, всею совокупностью духовных сил человека, исходит из сердца, затрагивает онтологические категории (вера, страх, любовь, надежда, прощение, стыдливость, сострадание), т. е. проявления нематериального в материальном, проявления духа, реально существующего, то что в эпоху Толстого не опознавалось традиционной наукой.

Человеку чувствующему, страдающему, радуемому, борюемому и надеющемуся недостаточно только внушения и логического разъяснения. Религиозное (смысловое) понимание доступно всякому, даже ограниченному и невежественному человеку, оно не зависит от уровня образования. Толстой говорит об особенностях этого ненаучного и нефилософского знания и соглашается, что религиозное познание, которое предшествует всякому другому познанию, удачно названо откровением – восприятием отдельным человеком или людьми бесконечного разума, постепенно открывающего себя людям.

По мнению Толстого, солнце истины отражается в тех людях, которые наиболее способны воспринимать ее. И для этого требуется скорее не активные качества ума, а, напротив, «редко совпадающие с большим и любопытным умом пассивные свойства сердца: отречение от суеты мира, сознание своего материального ничтожества, правдивость, как мы это и видим на всех основателях религии, никогда не отличавшихся ни философскими, ни научными знаниями»¹²⁸.

Толстой выявляет истоки секуляризации сознания людей науки, которые решили, что не наука, а христианство на 1800 лет отстало от науки. Он еще раз делает вывод, что только религия, как смысловой орган человека и человечества, устанавливает отношение человека к миру.

Но если религия устанавливает отношение к миру, то нравственность есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая вытекает из того или другого его отношения к миру.

По мнению Толстого, нравственность не может быть независима от религии, т. е. учения о смысле жизни, поскольку она имплицитно включена в религию: «Всякая религия есть ответ на вопрос: каков смысл моей жизни? И религиозный ответ включает в себя уже известное нрав-

¹²⁷ ПСС. Т. 39. С. 10.

¹²⁸ ПСС. Т. 39. С. 15.

ственное требование...»¹²⁹. Толстой отмечает, что если людям образованным понятие нравственности представляется несовместимым с кажушимися им суеверными формами выражения отношения человека к миру, то надо стараться выразить это отношение более разумно, ясно и точно, но не нужно придумывать светскую, нерелигиозную нравственность, основанную на софизмах. Толстой говорит о необходимости развития учения о смысле жизни. Попытки развивать нравственность вне понимания человеком смысла жизни подобны попытке пересадить растение без корня в землю в надежде, что оно вырастет. Таким образом, Толстой выражает мысль о необходимости онтологической укорененности нравственности, что чрезвычайно важно для определения тактики воспитания и понимания бесполезности воспитания нравственности, минуя опыт душевной жизни и переживание, которые должны предшествовать сознательным нравственным поступкам.

¹²⁹ ЛСС. Т. 39. С. 19.

О Боге

В религиозных исканиях Толстой отразил развитие идеи Бога, связанной со структурой сознания личности, от Бога ветхозаветного до доброго, понимающего, поддерживающего, но авторитетного Бога-отца. Патриархальный аспект любви к Богу-отцу отражен в ряде художественных произведений Толстого.

Так, в «Войне и мире» показано на примере Николеньки Болконского, как у ребенка любовь к отцу сливается с любовью к Богу-отцу. Отец направляет его мысли, мальчик хочет заслужить похвалу отца. Толстой показал, как трудно отказаться от идеи Бога-отца, хотя такое понимание свойственно ребенку и оно – иллюзия. Действительно, Толстой показал, что многие люди не выросли из детского понимания Бога. Не случайно Толстой в книге «Путь жизни» привел арабский рассказ, в котором Моисей ругает пастуха, который в молитве предлагает Богу ухаживать за Ним, стирать Его одежду, убирать жилище, приносить молоко. Моисей объясняет пастуху, что у Бога нет тела и Ему не нужно ни одежды, ни жилища, ни пищи. Но это выше сознания пастуха, он опечалился, а Бог сказал Моисею, что сердце пастуха доброе и напрасно Моисей отогнал верного раба Его¹³⁰. Этот небольшой арабский рассказ нужен Толстому, который понимал, что натурализм религиозного сознания – это этап длительного эволюционного пути развития. И не все люди могут быстро преодолеть его.

¹³⁰ ЛСС. Т. 45, 63.

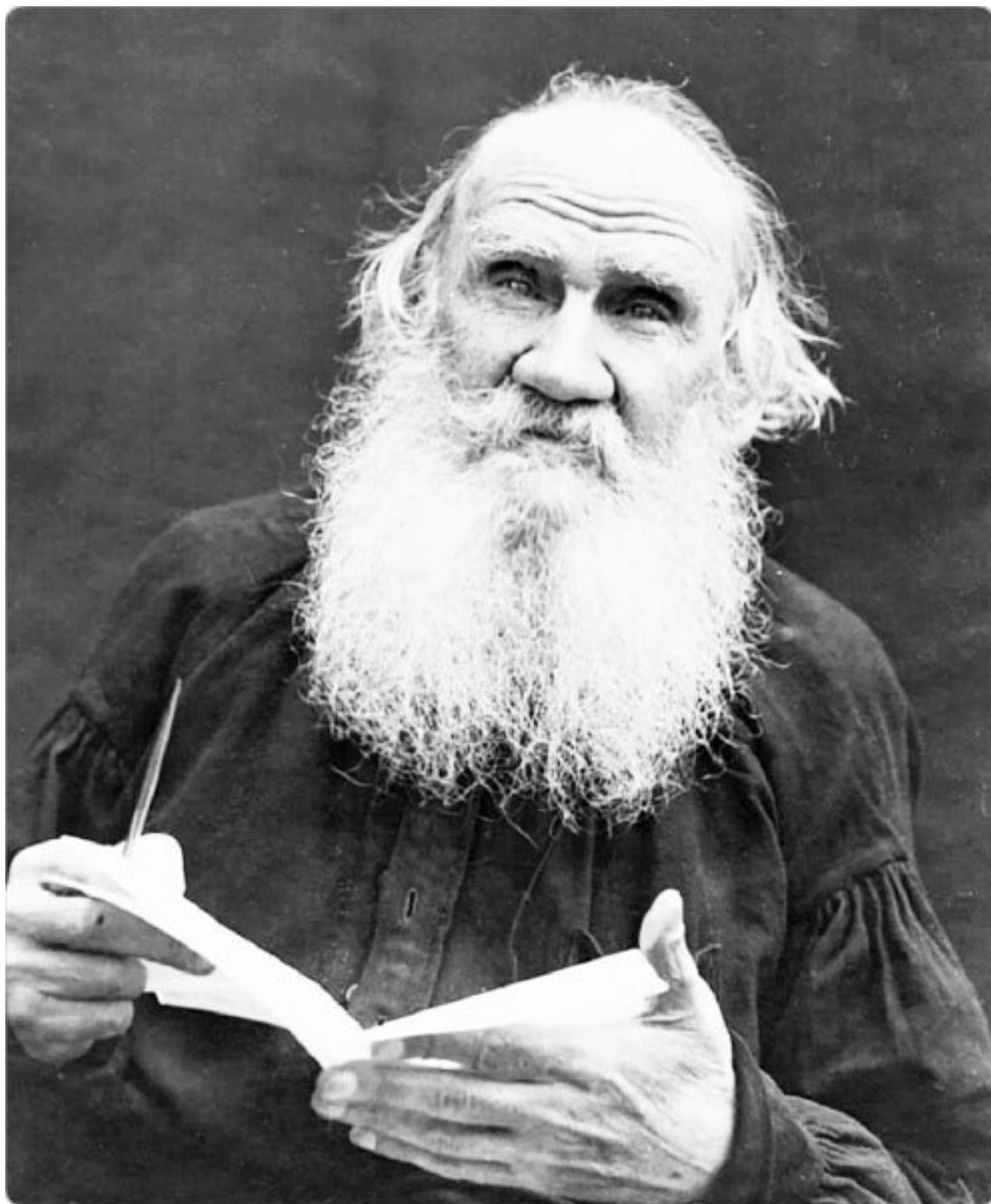

Фото Льва Толстого

Уже на примере своих собственных исканий Бога Толстой показал, что в зрелом возрасте Бог перестает восприниматься как внешняя сила, человек проникается принципами добра, справедливости, любви, он становится единым целым с Богом, когда «Он во мне», а «я в Нем». Толстой показал, что структура любви к Богу соответствует природе любви к человеку и зависит от структуры сознания человека, его отношения к миру. Толстой видел соответствие этапов развития религиозного сознания в онто- и филогенезе, что отражалось на понимании Бога. Человечество двигалось от натуралистического понимания Бога, когда Бог вмешивается в дела земные, до духовно понимаемого, когда Бог присутствует в действии любви, поступке, свободе, красоте. Сам Бог становится тогда символом любви, справедливости, добра, красоты, он не нуждается в придании ему властных функций, ему не нужны посредники в общении с человеком, у него доверительные, свободные отношения с ним, и каждый может говорить с Богом

на своем языке. Толстой, развивая религиозное сознание, обращал внимание на духовную, онтологическую связь с Богом: я в Боге, я живу в нем, а он во мне; познавая Бога, я приближаю его к себе; в любви к Богу я проникаю в него.

В проблеме понимания Бога, природе этического познания отразились как западная традиция познания Бога в правильной мысли (это, по мнению Толстого, привело к формированию догматов и нетерпимости к инакомыслию), так и восточная традиция, утверждающая, что Бога как высшую реальность нельзя постичь мыслью, что Бог проявляется только в действии, поступке, в истине, красоте, справедливости. Если западная традиция базировалась на формальной логике и рационалистической идее всеильности разума, то восточная традиция, в недрах которой родилась парадоксальная логика, объясняла способ познания не мыслью, а в действии, в нравственном опыте, в правильном образе жизни, жизни по-божески.

Это соединение двух традиций познания Бога указывает на необоснованность обвинений Толстого в забвении христианства и тяготении к восточным религиям (Н.А. Бердяев, И.М. Концевич и др.). Толстой выявил непродуктивность рационалистического познания Бога. Для Толстого любовь к Богу – не познание Бога в мысли, не мысль о любви к нему, а действие – переживание единства с Богом в *правильной* жизни. В брахманизме, буддизме, даосизме, иудействе конечной целью является не правильная вера, а правильные действия, образ жизни. Связанные с восточной традицией идеи о том, что путь жизни – нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок, безусловно импонировали Толстому, но вряд ли его можно заподозрить в слепом следовании каким бы то ни было положениям; он творчески переосмысливал все, что-то принимал, что-то отбрасывал.

Толстой показал, что человечество прошло уже через следующие определения Бога в мировых религиях: у древних эта сила называлась всемирным разумом, природой, жизнью, вечностью; у христиан – духом, отцом, господом, истиной.

Толстой работал над созданием учения о духовности. Для духовного человека Бог становится символом духовного мира, истины, добра, любви. В понимании такого человека любить Бога – это значит стремиться к полному развитию своих способностей любить, занять позицию «быть», а не «иметь», стать Богом. В связи с этим стоит обратить внимание на то, чем чревата жизнь без Бога, которая может привести к разгулу страстей, злобы, ненависти, когда человек дичает. Поэтому так жестко отреагировал Толстой на мысль Фейербаха, что идея Бога обедняет человека. На самом деле, как показал Толстой, идея Бога возвышает человека, Бог – это и есть Дух.

Толстой считал, что выдающиеся религиозные мыслители прошлого много сделали для развития религиозного сознания, указывая, что «Бога нельзя знать, он всегда непознаваемый» (по Вивекананде), что «существо, которое можно назвать, не есть высшее существо» (Лао-цзы), «словами нельзя выразить бога»¹³¹ (Ангелус Силезиус).

Толстой следующим образом анализировал свои представления о Боге: «Бог для меня, это – то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему и состоит моя жизнь, и который поэтому и *есть* для меня, но есть непременно такой, что я его понять, назвать не могу. Если бы я его понял, я бы дошел до него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Но я его понять и назвать не могу, а вместе с тем знаю его, – знаю направление к нему, и даже изо всех моих знаний это самое достоверное.

Странно, что я не знаю его, а вместе с тем мне всегда страшно, когда я без него, а только тогда не страшно, когда я с ним. Еще страннее то, что знать его больше и лучше, чем я его знаю теперь, в моей теперешней жизни, мне и не нужно. Приблизиться мне к нему можно и хочется, и в этом моя жизнь, но приближение несколько не увеличивает и не может увеличить моего знания. Всякая попытка воображения о том, что я познаю его (например, что он творец,

¹³¹ ЛСС. Т. 45. С. 68, 69.

или милосерд, или что-нибудь подобное), удаляет меня от него и прекращает мое приближение к нему. Даже местоимение “он”, относимое к Богу, уже несколько нарушает для меня все значение его. Слово “он” как-то умаляет его»¹³². Таким образом, Толстой подтвердил, что развитие религиозного сознания идет по пути превращения Бога из отца в символ его свойств – истины, разума, любви. Бог Толстого перестает быть личностью, он становится символом единого первоначала всего сущего, это – как растение, произрастающее из духовного семени в душе человека. Все высказывания о Боге у Толстого проникнуты тонким психологизмом и образностью, видением подсознательного, тех пластов сознания, где «корни растения» – это «подсознательные» Бог или совесть человека, «глас Божий».

Идея Бога у Толстого – это и есть кардинальная идея разрешения противоречий человеческого существования, это идея смысла, закона, всеобщего и его взаимосвязи с конечным, уникальным. По Н.О. Лосскому, это идея абсолютного добра и конкретной этики, поведения человека, тот универсальный ключ, который, по словам Толстого, подходит ко всем человеческим сердцам.

Так как наука жизни создавалась в период постепенного умирания веры и секуляризации общественного сознания, Толстой в книге «Путь жизни» подробно останавливается на вопросе признания веры и неверия в Бога. Толстой писал, что прекращение веры дикаря в деревянного бога не означало ничего другого, кроме того, что Бог – не деревянный. «Понять Бога мы не можем, но можем все больше и больше сознавать его. И потому, если мы откидываем грубое понятие о Боге, то это нам на пользу. Делается это для того, чтобы мы все лучше и выше сознавали то, что мы называем Богом»¹³³.

Раздел «Бог» книги «Путь жизни» – практически самый последний прижизненный этап понимания Толстым Бога. Это завершение его религиозных и духовных исканий, и он резюмирует: духовное в человеке и есть Бог с его свойствами – разумом и любовью. Он приходит к выводу, что во всех религиях мира понятие «духовное» было аналогичным понятию «Бог» – «отделенному от всего духовному существу», которое человек знает в себе и других существах, тому, посредством чего человек знает себя, «видит, слышит, ощупывает мир кругом себя». Следовательно, Бог – это и есть духовное сознание человека, а свойства его – разум и любовь – это форма нравственной жизни. Бог Толстого – это объективный закон жизни, но проявляется он только в человеке, который развивает свою духовность.

В ответе Святейшему Синоду Толстой написал: «Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством»¹³⁴.

Вспомним и самые последние слова Толстого о Боге, сказанные на станции Астапово: «Бог есть то неограниченное все, чего человек сознает себя ограниченной частью».

Выдающийся американский исследователь художественного творчества и теологии Толстого Ричард Густафсон утверждает, что религиозно-нравственное учение писателя лежит в русле восточно-христианской традиции, и подтверждение этому видит в учении Толстого о Боге как силе жизни. «На Востоке Бог, – пишет Густафсон, – весь энергия и движение. Он – Бог жизни, физической и духовной. Бог не абстрактен, но – весь деяние, в нем нет ничего отличного от этого деяния»¹³⁵. Густафсон пишет, что в восточной традиции, начиная с V века, различается «сущность» и «энергия» Бога, Бог остается непознаваемым в своей сущности, но в своих энергиях, «тварных» и «нетварных», Бог существует в мире внешнем, доступный всем,

¹³² ПСС. Т. 45. С. 69.

¹³³ ПСС. Т. 45. С. 71.

¹³⁴ ПСС. Т. 34. С. 25 1–252.

¹³⁵ Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак: Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003. С. 440.

потому что Он есть энергия всего. По мнению Густафсона, для Толстого энергия, текущая через мир, – это не непознаваемый Бог, источник вечно недостижимой силы, но проявление Бога, которого мы испытываем как силу жизни и можем назвать «силой духа»¹³⁶.

Считая, что эта идея, касающаяся толстовского богословия, весьма серьезно обоснована Густафсоном, мы можем утверждать, что Толстой сделал попытку вписать религиозное миропонимание, в том числе понимание «божественной» души и Бога, в научный дискурс и всем своим творчеством показал, что в «науке жизни это возможно». Видимо, следующие поколения исследователей заинтересуются решением этой проблемы.

¹³⁶ Там же.

«Путь жизни»

Совершенно неожиданным по форме и степени доступности каждому человеку оказалась книга «Путь жизни», которая наряду с его педагогическими сочинениями о воспитании, о науке, превратилась в духовное завещание вполне соответствующего современному взгляду на поиск человеком своей идентичности, субъектности.

Толстой писал «Путь жизни» в последний год жизни, мечтая, чтобы его труд стал настольной книгой миллионов читателей, повлиял на общее развитие истории. Книга «Путь жизни» возникла как продолжение созданных ранее сборников «Круг чтения» и «На каждый день». Содержание книги должно было ответить на вопрос: как жить? Работа над ней продолжалась до ухода писателя из Ясной Поляны. Все тематические книжечки были прочитаны писателем в гранках и в сверстанном виде. Такие книжки, как «О вере», «Душа», «Одна душа на всех», «Бог», «Любовь», были прочитаны трижды. Книга отражала опыт писателя по использованию простых литературных форм. В замысел Толстого входило еще более упростить содержание, «пропустить через пересказ крестьян и детей и взрослых», но смерть помешала выполнить это.

В «Пути жизни» Толстой с наибольшей силой смог выразить свой замысел описания способа духовной, нравственной жизни. В современной психологической науке способ действия, средство деятельности (средняя часть ее структуры, ее сердцевина) рассматривается как единство потенциала, действий и условий, как структура организованных и обеспеченных ресурсами действий в заданных условиях¹³⁷, – подобный взгляд проявился в логике разделов толстовской книги. Толстой настойчиво и неоднократно повторяет мысль о необходимости ориентиров жизнедеятельности человека, знания того, *что должно и чего не должно делать*, чтобы добиться блага жизни.

В этой книге Толстой – в то время, когда деятельностный подход еще не использовался как метод, – максимально применяет деятельностную терминологию и демонстрирует сам деятельностный подход, который ему необходим, чтобы показать, как человек становится подлинным субъектом собственной жизнедеятельности, обретает способность быть автором собственной судьбы. В предисловии Толстой в краткой форме анализирует жизнедеятельность человека, приближаясь к современному пониманию деятельности как антропологической категории, описываемой В.И. Слободчиковым следующим образом: Д = ресурс – потенциал – действия – условия – цель.

Подтвердим примерами, обратившись к анализу содержания книги «Путь жизни». Начинается она со смысловых моментов – значения веры, души, одной души на всех, Бога, любви, т. е. того, что надо знать человеку, дабы понимать, что такое он сам и тот мир, в котором он живет. Смысл жизни – во все большем соединении с душами других людей любовью, с Богом – сознанием своей божественности. Это, по Толстому, одновременно смысл и благо человеческой жизни, т. е. ее цель и результат. По Толстому, это и есть ресурс – залог успешности жизнедеятельности («чтобы человеку жить хорошо»).

Потенциал деятельности, в понимании Толстого, – это собственное Эго, которое, помимо прочего, является препятствием любви к людям и сознанию своей божественности и которое склонно к грехам (потворство похотям тела), соблазнам (ложные представления о благе) и суевериям (ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны). К последним Толстой относит суеверия государства, церкви, науки. Толстой на страницах своих произведений неоднократно указывает, что потенциал – это материал и орудие действия, в его понимании это психофизическая, или «животная», личность, «лопата приобретения таланта» в дихотомии «животная личность – человек».

¹³⁷ Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. Биробиджан, 2005. С. 89.

Усилие сознания, в понимании Толстого, – это и есть действие настоящего, которое всегда во власти человека, оно совершается только «в настоящее мгновение, т. е. в той безвременной точке, в которой прошедшее соприкасается с будущим и в которой человек всегда свободен»¹³⁸. Условия действия, по Толстому, – это воздержание от поступков, противных любви к ближнему и сознанию человеком божественного в себе, т. е. духовного начала. Духовность, по Толстому, имеет антропный характер, и человек может собственными силами совершать эти усилия. Сила жизни – это и есть признание в себе духа Божьего, т. е. сверхэнергичности, энергии творчества.

Толстой называет эти усилия – усилия воздержания от слов, от мыслей, противных любви к ближнему и сознанию божественного начала, – усилиями самоотречения, смирения, правдивости. К условиям действия Толстой относит разделы книги «Зло», «Смерть», «После смерти». Завершает книгу раздел «Жизнь – благо», – это и есть цель жизнедеятельности. Толстой совершенно адекватно современному пониманию определяет:

– ресурс как совокупность источников деятельности, т. е. изначально присущее человеку стремление к смыслу, влечение к любви – как отношение и стремление к благу, что свойственно каждой «неразвращенной человеческой душе»;

– потенциал как функциональный орган человека, как «животную личность», «Эго», с его установками, чувствами, ценностными ориентирами; – действие как акт, поступок, отказ от действий, мешающих соединению людей любовью и признанию своей способности «быть Богом», т. е. «силой жизни»;

– условия как некое социокультурное пространство возможных действий, как препятствия;

– цель как точку завершения процесса деятельности.

Действительно, в книге «Путь жизни» Толстой психологически корректно подходит к описанию ресурса, потенциала, который является психологическим орудием (он его описывает через установки, стереотипы, привычки, которые надо преодолеть, как функциональный орган психики «животной личности»). Единство потенциала, действия, условий – дает способ жизнедеятельности, у Толстого – способ духовной, нравственной жизни.

В краткой форме этот способ Толстой описывает в предисловии. Заметим, что оно (предисловие) написано современным научным языком и вписывается в контекст современной гуманистической экзистенциальной психологии. А затем в удобной ему манере подтверждает изречениями, афоризмами, оформляет всю тематику книги (31 тема). Сказанное выше подтверждает, что деятельность (жизнедеятельность) рассматривается писателем в качестве онтологического основания науки жизни.

Таким образом, читатель познакомился с кратким анализом «науки жизни», созданной Толстым в трактатах религиозно-нравственного содержания. Современная эпоха готова услышать голос провидца, проповедника, педагога. Настало время преодоления стереотипов. Думается, что Лев Николаевич готов помочь каждому человеку, который размышляет о том, как и зачем он живет.

Современной гуманистической экзистенциальной психологии свойственно рассматривать сущность человека в триаде тело-душа-дух. Главный лейтмотив исследований связан с проблемами духовной жизни человека, поиском смысла жизни и нравственным поведением, новой постановкой вопросов о физическом и духовном здоровье. Эти идеи и рождают «науку жизни» Толстого и современную гуманистическую экзистенциальную психологию.

¹³⁸ ЛСС. Т. 45. С. 15.

Роль издательства «Посредник» в проповеднической деятельности Л.Н. Толстого

Нравится нам это или не нравится, разумное образование возможно только при постановке в основу его учения о религии и нравственности.

Л.Н. Толстой

Толстой после написания великих трактатов и понимания того, что при жизни вряд ли застанет их объективный анализ, делает очень интересный ход – формирует как бы группу поддержки, переключку через века и годы с теми людьми, которые высказывали созвучные его идеалам мысли, идеи. Приемом разговора «сквозь время» он воспользовался еще в статьях журнала «Ясная Поляна», слушая «голоса эпохи» (Бахтин), прибегая к диалогу во времени и пространстве с теми мыслителями от Платона до Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше и множества других. Высказывания, которые помогли ему выделить свою точку зрения.

С конца 1890-х гг. в творчестве Толстого обозначается направление собирания мыслей мудрых людей, которое он назовет «наукой человековедения». Связана эта деятельность с издательством «Посредник». Большую роль в издании этих антологий мудрости сыграл Владимир Григорьевич Чертков.

Лев Толстой и Владимир Чертков

Встреча Толстого с Чертковым произошла в период, когда оба обдумывали проблемы духовного смысла жизни, Толстой кончал писать книгу «В чем моя вера?», а Чертков, аристократ по происхождению, начавший блестящую карьеру на государственной службе в Петер-

бурге, оставил ее, отказался от роскоши, которая окружала его в столице, уехал в деревню, в имение матери, создал ремесленную школу для крестьянских детей.

Так сложились обстоятельства, что Чертков, находясь на свадьбе своего знакомого Р.А. Писарева в Тульской губернии, разговорился с одним из гостей, прокурором окружного суда Н.В. Давыдовым. Чертков в ходе разговора перешел на интересующие его темы противоречия между христианской этикой и служением государству. Давыдов, слушая Черткова, повторял, что такие же взгляды у Толстого и Черткову необходимо с ним познакомиться, предложив себя в качестве посредника.

Выехав специально в Москву, Чертков получил телеграмму от Давыдова: «Толстой в Москве». Состоялась первая встреча в доме Толстого в Хамовниках, в его рабочем кабинете. Через несколько дней после возвращения от родителей из Петербурга Чертков вновь дважды навестил Толстого, с каждым разом чувствуя, как крепнет ощущение внутренней связи, которое было пережито ими при первой встрече.

Чертков, развернувший к этому времени бурную деятельность в имении по созданию образцового сельского хозяйства, землю для которого выделила его мать, начинает охладевать к своим начинаниям, понимая, как трудно будет уследить за общим духом и порядком. Толстой и Чертков имели много общего – люди одной культуры и одного класса, оба они ощущали противоречия между своими взглядами и барским укладом жизни. В первый же год знакомства Толстой занес в дневник такие слова о Черткове: «Он удивительно одноцентричен со мною»¹³⁹.

Именно в начале их дружбы Чертков начал побуждать Толстого к простому и ясному изложению своего миропонимания в художественной форме для простого народа. По поводу книги «В чем моя вера?» Чертков писал: «Вы написали книгу для образованных людей, в которой изложили вашу веру. Но из простого народа никто не поймет, как следует ни одной полной страницы из этой книги. Я пробовал читать места из этой книги простым людям, выбирая самые понятные страницы, и я видел, что многое непонятное в словах и способе изложения их смущает и восстанавливает против меня...»¹⁴⁰. Безусловно, это был сильный аргумент. Чертков не только говорил с Толстым на одном языке, но обладал огромной внутренней активностью. Их отношения должны были вылиться в одно общее дело. Этим делом стало открытие издательства «Посредник» и издательская деятельность, которая должна была вытеснить так называемую лубочную литературу. Был привлечен И.Д. Сытин, молодой, энергичный издатель лубочной литературы, который хорошо знал пути продвижения книг для народа. Чертков сделал предложение Сытину, сказав, что будут издаваться книжки лучших авторов – Толстого, Лескова, Короленко, Гаршина. Издателю они обойдутся дешево, но продавать их надо в одну цену с дешевыми народными книжками. Предполагалось, в первую очередь, напечатать книжки Толстого «Чем люди живы» и «Бог правду видит, да не скоро скажет» и Лескова «Христос в гостях у мужика». Нужно признать, что название «Посредник» было удачным выражением идеи связи между простым народом и теми, кто стремился для него работать. К работе издательства был привлечен П.И. Бирюков, выразивший полное согласие со взглядами Толстого. К тому же он оказался неплохим организатором. Художник Крамской предполагал собрать несколько друзей-художников, уверенный, что подобное дело «бодряет и подталкивает».

Толстой даже пытался сдерживать энергию Черткова, предлагал ему спокойнее относиться к новому делу, говорил, что сам он не может пока отказаться от своего «умствования», поскольку эта особая внутренняя работа нужна ему для того, чтобы разделаться с той ложью, в которой он жил со своими товарищами по лжи. Толстой писал, что ему надо расчеститься с

¹³⁹ ПСС. Т. 49. С. 78.

¹⁴⁰ ПСС. Т. 85. С. 84.

миром художественным, ученым, и добавлял: «Вы подумаете, что это отговорка. Может быть. Но последняя»¹⁴¹.

3 марта 1885 г. выходят первые издания «Посредника» – три народных рассказа Толстого в синих и красных обложках с черным рисунком, набранные очень крупным шрифтом и оцененные в одну и полторы копейки за книжку. В апреле того же года в Петербурге открывается склад, где в небольшом помещении была организована продажа книг. Чтобы больше заинтересовать Толстого, Чертков использует хитрый прием: посылает ему на доработку рассказ «Дед Мартын», напечатанный в журнале «Русский рабочий» без ссылки на автора, и прикрепляет листки чистой бумаги к тексту. Чертков надеялся, что если рассказ покажется Толстому интересным, он увлечется и допишет его. Так создается рассказ Толстого «Где любовь, там и Бог». Впоследствии Чертков неоднократно применяет этот прием, соблазняя Толстого поработать со сделанными набросками, и эта работа переросла в подлинное художественное творчество. Толстой пишет один рассказ за другим – «Много ли человеку земли нужно», «Свечка», «Два старика», «Сказка об Иване-дураке...». Чертков вдохновляет Толстого, пишет ему о своих переживаниях, сообщает, что в Англии, где он в это время находился, он ведет переговоры об издании запрещенных в России произведений Толстого – «Исповеди», «Краткого изложения Евангелия», «В чем моя вера?». Толстой делится с Чертковым мыслями об изданиях «Посредника» и сообщает о своем замысле создать «Круг чтения».

Издательство испытывает потребность в подходящих для этой работы людях, которые бы разделяли взгляды Толстого и Черткова. Такой сотрудницей стала слушательница Бестужевских высших женских курсов Анна Константиновна Дитерихс, будущая жена Черткова (а ответ на ее письмо Толстому, как мы помним, послужил началом произведения «О жизни»). Весной 1887 г. Чертков уезжает в имение матери Лизиновка под Ржевом, и передача рукописей в Москву, в типографию Сытина, осложняется. С другой стороны, у Черткова появляется больше времени для собственной работы. Он подсказывает Толстому сюжет повести «Отец Сергей»; самого Толстого захватывает работа над трактатом «Царство Божие внутри вас».

Чертков начинает кропотливую работу по собиранию рукописей и писем Толстого, переписке его дневников, заботясь о надлежащем их хранении. С 1885 г. до осени 1888 г. Толстой не вел дневника, затем возобновил записи в дневнике и вел его до самой смерти.

Дочь Толстого, Мария Львовна, которая помогала Черткову и по его поручению переписывала дневники и письма отца, стала испытывать неприятное чувство от этой работы, говоря, что Чертков «уже слишком тянет вещи из-под пера папá». В эти годы Толстой стал высылать Черткову выписки из дневника, а затем и весь дневник полностью. А Чертков с педантичностью разбирал полученные от Толстого рукописи, переписывал их, проверял правильность переписки другими.

Чертков принимает решение освободиться от «Посредника» и передать дело П.И. Бирюкову, ближайшим помощником которого становится И.И. Горбунов, а издательство переносится в Москву. В 1894 г., живя в летнее время около Ясной Поляны, в Дёменке, Чертков часто видится с Толстым и обращает внимание на то, что черновики рукописей, письма хранятся в Ясной Поляне недостаточно бережно и в большом беспорядке. Он поручает одному из своих помощников привести в порядок архив Толстого.

В 1897 г., в связи с высылкой Черткова с семьей в Англию, меняется характер отношений Толстого и Черткова, они не могут лично встречаться, но сохраняется желание обоих сделать произведения Толстого известными широкой общественности.

В Англии, поселившись недалеко от Лондона, Чертков решил продолжить издательскую деятельность.

¹⁴¹ ЛСС. Т. 85. С. 209.

Четырнадцать лет прошло со времени знакомства Толстого с Чертковым, дети Толстого выросли и жили своими семьями, жизнь усадьбы изменилась, Толстой чувствовал себя одиноким.

В 1897 г. у него возникло желание уйти из дома, но он не осуществил своего намерения. И, как всегда, спасением было «уйти с головой на 4, 5 часов в день в свою работу, которую считаешь не бесполезной»¹⁴².

Чертков в Англии начинает издавать газету «Свободное слово», сборники «Листки “Свободного слова”», начинает работать над переводом на английский язык «Христианского учения». Успех своего издательства Чертков связывал с правом первого перевода новых статей Толстого. Часть средств от печатания за границей своих произведений Толстой пожертвовал на переселение духоборов.

После революции 1905 г. произошло некоторое ослабление цензуры, которое обнадеживало Толстого. У него появилось желание рассказать о своих планах Черткову: «Я зарылся в делах начатых. Окончить их, очевидно, немислимо, и выход из этих начинаний один – умереть. [...] Затеянные дела: Круг чтения, рассказы для него – написал один и не кончил. Между прочим написал предисловие к Ламенэ, к Паскалю, к Хельчицкому и к Учению XII Апостолов. Выбрал из Хельчицкого 8 мест для недельных чтений. Всё это, вероятно, не пройдет в России, но может быть напечатано за границей.

Другая работа – это изложение веры простое, ясное, народное, детское. Работаю над этим, и очень приятно и полезно для себя, но до сих пор без результата. Думаю иногда, что эта работа мне не по силам. Буду стараться, а я не сделаю, то сделает кто-нибудь другой. А нужно, нужно, нужно. Третья работа – мои воспоминания, которые только начал. Четвертая работа – Круг чтения простым, понятным детям и народу языком.

Четвертая [sic], постоянно занимающая меня работа – это изложение моего философского мирозерцания. Это я отрывками записываю в дневниках.

Пятая, главная работа – это исправление себя, своих гадостей, слабостей. Это всё работы, необходимость которых я признаю, работы важные, но есть еще работы и планы работ легкомысленных, для своего удовлетворения: это старые планы художественных вещей, которые вновь написать, а которые исправить, и кроме того, статьи на злобы дня, как теперь начаты мною о заступниках народа и о несправедности земельной собственности и Генри Джордже. Вот нахвастался. Простите. Это вы своей неподобающей мне оценкой моей деятельности ввели в этот соблазн. В здравые минуты помню, что время отъезда, *temps de plier bagage*¹⁴³, и дело только в том, чтобы оставшиеся дни прожить так, как хочет того Бог»¹⁴⁴.

Чертков получает разрешение приехать в Россию – больше недели живет он в Ясной Поляне. А по возвращении в Англию сразу принимается за издательскую работу – на русском языке издает статью «Великий грех», посылает корректуру Толстому, редактирует перевод этой статьи на английский язык, затем занимается редактированием английского перевода статьи «Единое на потребу». Вступает в переписку с Толстым по поводу печатания рассказа «Божеское и человеческое» и т. д. Издательством были выпущены значительные по объему трактаты «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «О жизни», «Царство Божие внутри вас». Крайне низкая цена изданий привела издательство к экономическому кризису. Чтобы спасти его, Толстой посылает Черткову статью «Конец века».

Чертков решает перенести издательскую деятельность в Россию, поскольку ему, указом от 21 октября 1905 г., разрешено наконец вернуться на родину.

¹⁴² ПСС. Т. 70. С. 31.

¹⁴³ Время укладывать багаж (*фр.*).

¹⁴⁴ ПСС. Т. 89. С. 14–15.

А Толстой интенсивно работает над новым «Кругом чтения» (позже получившим название «На каждый день»), хочет как можно проще изложить свое жизнепонимание. Чувствуя ослабление физических сил, особенно памяти, Толстой тем не менее отмечает в дневнике (8 августа 1907 г.), что «на душе очень, очень хорошо».

В 1907 г. Толстой начинает работать над детским Евангелием, и это приводит его к необходимости диалога, обсуждения с детьми этого материала. 6 апреля 1907 г. он пишет Черткову: «Я долго не писал вам и не отвечал на ваше последнее, потому что весь поглощен занятиями с мальчиками. Похвалиться не могу. Но чую, если Бог велит прожить еще, то может выйти из этого что-нибудь не бесполезное. Всё еще в очень хаотическом состоянии, но пользу во всех отношениях, которую я черпаю из этого общения, нельзя достаточно оценить. Для меня очевидно, что они гораздо, гораздо умнее и лучше, чем я думал, а я гораздо глупее, чем тоже воображал. “Аще не будете как дети”. На них виден еще человек, какой он предположен тем, кто его сделал. Он уже загажен, но все-таки иногда видишь его во всей красоте»¹⁴⁵.

Много времени занимает работа над новым «Кругом чтения». Толстой так пишет об этом Черткову 10 февраля 1908 г.: «Замечания ваши на Круг чтения признаю верными и прошу их делать побольше. Не могу передать, сколько радости мне доставляет эта работа над Кругом чтения. Я кончил поправки для старого Круга чтения. Надеюсь, что он значительно будет лучше первого. От Сытина ничего еще не получал. Тоже кончил начерно новый Круг чтения, но не трогаю его. А хочется написать о положении христианского мира. Начал даже. Работа одна. Надеюсь, что он значительно будет лучше первого. От Сытина ничего еще не получал. Тоже кончил начерно новый Круг чтения, но не трогаю его. А хочется написать о положении христианского мира. Начал даже. Работа одна нужна, одна удовлетворяет, эта работа внутренняя, и что дальше, то больше. Много посещают меня и много пишут, и стараюсь, как бы не согрешить с этими посетителями и корреспондентами, но редко удается. Но не отчаиваюсь»¹⁴⁶.

Поводом написания Евангелия для детей послужило желание Толстого «передать» детям от 10 до 13 лет (этот возраст наиболее восприимчив в постановке первых смысловых вопросов) своими словами те места из четырех Евангелий, которые писателю казались наиболее доступными и понятными и вместе с тем «самыми нужными для нравственного развития». Дело в том, что в 1906–1907 гг. Толстой в своем доме в Ясной Поляне (в прихожей с книжными шкафами на первом этаже) вел так называемые уроки морали, или «преподавание нравственности». Для этого им были специально написаны «Беседы с детьми по нравственным вопросам» и «Учение Христа, изложенное для детей». «Учение Христа, изложенное для детей» он читал с детьми по главам, проводил беседы «о необходимости приложения к жизни вечных истин этого учения», считал это наиболее благотворным для детей, «восприимчивых к учению о Царстве Божию». (Действительно, выбранная писателем возрастная группа соответствует принятой психологами, которые занимаются онтопсихологией.)

Нельзя обойти молчанием тот факт, что фигура Христа всегда привлекала пристальное внимание писателя. Плотское существование Христа, писал Толстой, было коротким, «но сила Его разумно-любовной жизни, Его отношение к миру... действует до сих пор...» И эта сила, действующая на людей, не просто образ: «...сила эта есть сам живой Христос»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ ПСС. Т. 89. С. 63.

¹⁴⁶ ПСС. Т. 89. С. 88–89.

¹⁴⁷ ПСС. Т. 26. С. 414.

Детское Евангелие, или «Учение Христа, изложенное для детей»

«Учение Христа, изложенное для детей» начинается кратким рассказом о значении учения Иисуса Христа, который открыл людям то, что дух Божий живет в каждом человеке. Дух Божий – это любовь, которая живет в душе каждого человека. Поэтому, разъясняет писатель, если люди полагают свою жизнь не в теле, а в духе Божьем, в любви, то не будет «ни вражды, ни душевных мучений, ни страха смерти».

Толстой разъясняет детям, что все люди желают себе добра, которое дается любовью, а потому все люди могут иметь это благо. Толстой объясняет и происхождение слова «евангелие» – «благая весть» (*ев* – благое, *ангелион* – весть).

Толстой в увлекательной форме описывает жизнь Иисуса Христа – рассказывает, как на Христа повлияли слова Иоанна Крестителя о Царстве Божием, которое придет, если люди очистятся духом, как Христос удалился в пустыню и стал раздумывать – «что значит очиститься духом». С педагогической точки зрения очень значимый момент – Толстой подводит детей к пониманию нравственного способа жизни как духовного очищения.

Но в этом месте Толстой отходит от буквы Писания, чтобы передать дух и разъяснить его символическое содержание понятными словами и образами (фантастическая борьба Иисуса с дьяволом-искусителем опускается Толстым). Пока люди живы, они живут и телом – нельзя жить одним духом. Возникает противоречие.

«Как же быть, – думал Иисус. Жить одним духом нельзя, а жить телом... дурно, и если жить так, то все будут жить врозь и никогда не придет Царство Божие». Толстой рассказывает о сомнениях Иисуса: «Убить себя в своем теле... нельзя, потому что дух живет в теле по воле Бога». Иисус приходит к выводу о том, что надо «жить в теле, как того хочет Бог, но, живя в теле, служить не телу, а Богу»¹⁴⁸.

Об этом и пошел проповедовать Иисус.

Толстой на примерах из четырех Евангелий разъясняет учение Иисуса Христа устами самого Иисуса – например, что такое Царство Божие, в которое войдут смиренные, а не гордые и не богатые, царствующие теперь. Ближе к тексту Евангелий Толстой излагает проповедь Иисуса об исполнении заповедей Божьих: «Ищите Царства Божия и правды его, и все, что вам нужно, будет у вас». Каждый небольшой рассказ у Толстого сопровождается вопросами, в которых фиксируется главная идея рассказа.

Например, к только что приведенному примеру о царстве Божием следовали вопросы: «1) Чем отличается царство Божие от царств мирских? 2) Какими должны быть люди, чтобы войти в царство Божие? 3) Чему учил Иисус?»¹⁴⁹

К главе 12, в которой рассказывается о том, как Христос учил молиться, и приведен текст молитвы «Отче наш», следуют такие вопросы: как Христос не велел молиться, как и где надо молиться, что бывает от молитвы?

Толстой пересказывает и притчи Христа, в которых в иносказательной форме выражены мысли, столь созвучные его взглядам.

В главе 8 Толстой рассказывает притчу о хозяине, посеявшем в поле хорошие семена; но вместе с пшеницей взошла и дурная трава. Когда работники предложили вырвать дурную траву, хозяин отказался, сказав, что, выпалывая траву, можно потоптать пшеницу; когда придет жатва, жнецы отберут пшеницу, а дурную траву бросят. Толстой поясняет: «Так и Бог не

¹⁴⁸ ПСС. Т. 37. С. 100.

¹⁴⁹ ПСС. Т. 37. С. 102.

позволяет людям вступаться в жизнь других людей и сам не вступает в нее. Каждый человек только сам, своими силами может придти к Богу»¹⁵⁰.

В следующей главе Толстой приводит притчу о Царстве Божием. Когда высевают семена, не все они прорастают одинаково: часть попадает на дорогу; часть выклеивают птицы; часть попадает на каменистую почву, где они прорастают, но ненадолго – им не в чем корениться, и ростки засыхают; часть семян попадает в бурьян, и бурьян их заглушает. Но есть и такие семена, которые попадают в хорошую почву, они вырастают и приносят по 30 или по 60 зерен каждое.

Толстой дает разъяснения: семена на дороге – это люди, не принимающие Царства Божия, на каменистой почве – это люди, сначала принимающие учение, но по разным причинам отказывающиеся от него, семена в бурьяне – это люди, которые поняли учение, но «заботы мирские и жадность к богатству заглушают в них смысл учения». Людям, которые поняли смысл учения, дается многое, а у тех, кто не понял, отнимается последнее. Толстой повторяет вывод Христа: «...малое усилие для Царства Божия дает большие плоды: все равно как из малого семечка вырастает большое дерево.

Всякий человек может одними своими силами войти в царство Божие, потому что царство Божие внутри нас»¹⁵¹. Всего в брошюре 52 главы; заключительная посвящена последним часам земной жизни Христа, она написана чрезвычайно эмоционально и, безусловно, не могла оставить детей равнодушными.

С позиций современной онтопсихологии и онтопедагогике, т. е. психологии и педагогики жизни, занятия Толстого с детьми по рассказам о жизни и учении Иисуса Христа были первой в истории педагогики практикой онтосинтеза, совместного переживания детьми и учителем значимых ситуаций, которые приводят к развитию нравственных чувств, к осознанию смысла ситуации, и рожденные в такой обстановке чувства становятся «укорененными» в душе ребенка. Такая укорененность, по мысли Толстого, ведет к истинной, а не ложной нравственности.

«Учение Христа, изложенное для детей» – не просто толстовский пересказ «своими словами» четырех Евангелий (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), это гениальное художественное пересоздание всего Евангелия, не отступающее от его подлинного смысла и духа. При его чтении необходимо учитывать взгляд Толстого на Христа как пророка, сына человеческого, ставшего великими Учителем жизни, образ которого и после смерти действует на людей так же, как он действовал на своих учеников при жизни. Учитывая «отпадение» Толстого от церкви, но в то же время понимая его заслуги в развитии христианского учения о жизни как жизни духовной, можно повторить слова знаменитого богослова и педагога В.В. Зеньковского о том, что Толстой возвращал людям Христа живого. Именно такую задачу выполнил Толстой в своей книге «Учение Христа, изложенное для детей».

¹⁵⁰ ПСС. Т. 37. С. 105.

¹⁵¹ ПСС. Т. 37. С. 106.

«Беседы с детьми по нравственным вопросам»

После революции 1905 г. Толстой особенно остро чувствует необходимость привнесения идей своего жизнепонимания, идей ненасилия, добра и любви в жизнь. Детский возраст наиболее восприимчив к добру. И Толстой, как уже упоминалось, проводит так называемые *уроки морали* с яснополянскими мальчиками. Уроки эти Толстой обычно проводил по вечерам, поэтому биограф Толстого Н.Н. Гусев называет их вечерними занятиями с детьми и приводит хронологию занятий. А началось все с занятий по вопросам религии с гостившим в Ясной Поляне сыном М.С. Сухотина Федей.

Гусев фиксирует занятия в декабре 1906 г., 13–15 февраля 1907 г. – возобновление вечерних уроков, проведение их в марте, апреле, мае, июне, июле; затем – с октября по 17 ноября 1907 г., когда Толстой прекратил занятия; это совпало с окончанием 4-й редакции нового «Круга чтения». Как свидетельствует «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого», занятия сопровождали или предваряли работу Толстого над детским «Кругом чтения», новым «Кругом чтения» (который получил название «На каждый день») и, конечно, «Беседами с детьми по нравственным вопросам».

В предисловии к «Беседам с детьми...» писатель рассказал, что он собрал «выраженные разными мыслителями нравственные истины», изложил их доступным детям языком, разделил на отделы. Методика занятий заключалась в обсуждении после прочтения самим Толстым текстов, ответах на вопросы, самостоятельном повторении прочитанного детьми.

Тематических отделов в «Беседах...» было 19 (а нравственных истин Толстой собрал около 700): 1) Бог. 2) Жизнь в воле Бога. 3) Человек – сын Бога. 4) Разум. 5) Любовь. 6) Совершенство. 7) Усилие. 8) Мысли. 9) Слова. 10) Поступки и дела. 11) Соблазны внутренние. 12) Соблазны внешние. 13) Смирение. 14) Самоотречение. 15) Непротивление. 16) Жизнь в настоящем. 17) Смерть. 18) Жизнь – благо. 19) Вера.

Перед нами версия нового учебного предмета (или педагогического практикума), названного писателем наукой человековедения; цель его – ответ на вопрос о смысле жизни, свойственный всем религиям мира («Что я такое, какое отношение мое, моей отдельной личности ко всему бесконечному миру?»), а также ответ на вопрос нравственный, поведенческий («Как мне сообразно с этим моим отношением к миру жить, что делать и чего не делать?»). Позднее, в 1909 г., в статье «О воспитании» Толстой выделил два учебных предмета, которые должны были стать основой перестройки всего школьного образования.

В последней книге для взрослых «Путь жизни» Толстой подробно раскрывает содержание способа духовной, нравственной жизни, а в «Беседах...» – версия этой идеи для детей. В отделах «Бог», «Жизнь в воле Бога», «Человек – сын Бога» Толстой раскрывает кардинальную проблему человеческой жизни. Приведенная им притча, в которой положение людей без Бога сравнивается с положением рыб без воды, очень убедительна; духовность – это и есть человеческая сущность. Используя эту притчу, Толстой обращает внимание на духовную связь с Богом, которая может и не осознаваться ребенком. Задача педагога – помочь ее укрепить.

Тема богообщения отражена в отделах «Жизнь в воле Бога» (Бог – верный товарищ на дороге жизни; надо понять его Законы и следовать им) и «Человек – сын Бога» (человек по телу – сын своих родителей, по духу – сын Бога).

Толстой в доступной детям форме раскрывает тему духовного Я личности и духовного роста – признания своей сыновности Богу и приближения к истинному благу (заметим, что, так же как и в произведениях для взрослых, писатель не использует здесь понятие *счастье*, которое несло в себе натуралистическую и гедонистическую направленность).

Развитие религиозного сознания Толстой видел в превращении Бога-Отца в символ его свойств: истины, разума, любви. Идея Бога – это и есть у Толстого кардинальная идея разре-

шения противоречий человеческого существования, это идея смысла, закона, всеобщего и его взаимосвязи с конечным, уникальным.

В «Беседах...» Толстой от темы Бога и богообщения переходит к теме разума, с помощью которого ребенок должен отличить добро от зла в мыслях, словах, поступках. «Для доброй жизни нужен свет разума. А для того чтобы разум был светел, нужна добрая жизнь. Одно помогает другому. А потому, если разум не помогает доброй жизни, это не настоящий разум.

И если жизнь не помогает разуму, то это не добрая жизнь»¹⁵² – так Толстой оформляет очень важную мысль о том, что познание и оценка ценности неотделимы от жизни в мире ценностей.

В отделе «Любовь» писатель дает простой совет (впрочем, не такой уж он простой), как преодолеть злобу и недовольство: «Постарайся полюбить того, кого ты не любил, кто обидел тебя. [...] ...На душе бывает особенно хорошо, когда вместо злобы и досады почувствуешь любовь к тому, кого не любил и кто обидел тебя»¹⁵³. Возможно, это один из приемов, помогающих «выучиться любить» и достичь единения людей.

Напомним, сколь емко понятие «любовь» в рамках религиозно-нравственного учения, это «универсальный ключ» духовного развития человека, способ бытия, т. е. разрешения экзистенциального противоречия, достижения «целостности личности». В «Беседах...» структура отделов соответствует логике понимания Толстым способа духовной жизни человека: совершенствование, соблазны внутренние, соблазны внешние, усилие, смирение, самоотречение, непротивление.

Раздел «Жизнь в настоящем» содержит совет в духе Толстого: «Никогда не откладывай доброго дела...». Он соответствует его пониманию действия добра как свободного от базовой мотивации действия «здесь и теперь», действия, к которому нельзя применить пространственно-временное измерение жизни.

Раздел «Смерть» – один из необходимых с точки зрения экзистенциальной педагогики и психологии. Это знание о предельном состоянии человека, знание, которое необходимо и детям. Толстой пишет: «Что будет с душой, когда мы помрем, никто не может знать. Одно мы верно знаем – это то, что портится, прееет и гниет только то, что телесно, а душа нетелесна, и потому с ней не может быть того, что с телом. И потому страшна смерть только тому, кто живет только телом.

Для того же, кто живет душой, нет смерти»¹⁵⁴. Однако заканчиваются «Беседы...» отделами «Жизнь – благо» и «Вера», в которых – оптимизм и радость жизни в настоящем по воле Бога. Если содержание подобных занятий может быть оценено в контексте всего учения Толстого о духовности, смысле и ценностях, природе этического познания (и это совершенно достоверно), то о самой методике не сохранилось подробных свидетельств, кроме небольших отголосков в дневниковых записях самого писателя и свидетельств его единомышленника П.А. Буланже.

Преподавание Толстого нисколько не напоминало догматический перечень норм поведения. Писатель с присущей ему способностью живого, образного рассказа создавал жизненные, понятные детям ситуации, в которых моделировалось поведение людей. Толстой писал, что «все больше продвигается» в этом деле и что «есть успехи».

Вероятно, эти беседы создавали некое духовное поле общения, скорее напоминавшее дух урока истории, посвященного Отечественной войне 1812 года, в Яснополянской школе.

Беседы Толстого с детьми способствовали развитию тех качеств, которые он считал особенно драгоценными, – рефлексии, воображения, нравственного чувства, способности к

¹⁵² ПСС. Т. 37. С. 33.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ПСС. Т. 37. С. 37.

творчеству, – а также помогали закладывать основы нравственного самосознания личности, на доступном уровне осознавать свои отношения с миром, развивать духовный опыт детей, духовно влиять на них.

Опыт «преподавания нравственности» можно толковать как вариант применения знаний о смысле жизни для нравственного развития детей, что делает педагогику «наукой жизни», позволяет использовать ее мощнейший психотерапевтический потенциал для сохранения и приумножения физического и психического здоровья молодежи (этим направлением в настоящее время занята онтопедагогика).

Привлекая внимание читателей к этим произведениям, которые создавались гениальным писателем и педагогом для двух новых учебных предметов – учение о смысле жизни и нравственном поведении, – хотелось бы надеяться, что они найдут отклик в практике современных педагогов, а маленький эксперимент уроков морали, на который решился Толстой незадолго до смерти, подскажет и так называемую методику преподавания этих новых учебных предметов, проводников духовной и осмысленной нравственной жизни человека.

Педагогика Л.Н. Толстого конца XIX – начала XX столетия как канал пропаганды «науки жизни»

...Главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра.

Л.Н. Толстой

Период написания трактатов религиозно-нравственного содержания совпал с мировой известностью Толстого. Для него было важно донести основные идеи науки жизни в простой сжатой форме, сделать понятными не только для самых простых и малообразованных людей, но и современной ему интеллигенции.

Сама логика научных размышлений писателя требовала от него научно-доказательного языка, а не только метафор, сравнений, высказываний выдающихся деятелей прошлого, хотя и убедительных, но не достаточных для придания научного статуса размышлениям всей жизни. Видимо, Толстой понимал, что настало время поставить в научный дискурс созданное им учение о жизни человека. Педагогика, которой писатель занимался всю жизнь, превратилась в рупор пропаганды идей о духовной и осмысленной жизни человека.

Итогом педагогического творчества Толстого является статья «О воспитании», написанная в форме письма к В.Ф. Булгакову; в этой статье он предлагает своеобразную реформу образования на основе педагогики, соответствующей его духовной парадигме. Эти предложения Толстого и завершали начатый в статье «О народном образовании» (1862) спор с традиционной догматической педагогикой и реализовали желание высказать то, что до него никто не говорил о педагогике (в нашем понимании – о гуманистической, экзистенциальной педагогике).

Проблема воспитания, которое должно спасти мир, стала центральной в педагогике Толстого.

О вредных последствиях эмпиризма в воспитании, приводивших к игнорированию смысловых, духовных пластов бытия личности, Толстой предупреждал своих современников на страницах журнала «Ясная Поляна» в 60-х годах XIX столетия. Уже в те годы Толстой отметил, что эмпиризм и авторитаризм в воспитании чреваты личностными деформациями, несамостоятельностью мышления. В этом проявляется «извращение в духовном мире человека», когда он сам не знает, как отличить добро от зла, ложь от истины. Вспоминая, видимо, свой путь духовного повзросления, Толстой писал о том, что, когда эти положения «неизгладимо запечатлеваются в восприимчивом уме ребенка», ребенок остается один на один с собой и не может разобраться в возникающих противоречиях.

Если же уже повзрослевший человек освободился от гипноза, в котором его воспитали, то «извращение его души» не прошло бесследно. Он станет скорее всего «беспринципным, т. е. бессовестным человеком, руководящимся в жизни только своими похотями и не только не осуждающим себя за это, но считающим себя поэтому на высшей доступной человеку точке духовного развития»¹⁵⁵. Это Толстой относил к людям с сильной волей. Большинство же людей становится покорным орудием власти.

Надо признать, что понимание высказываний Толстого по проблемам нравственного воспитания возможно только в связи с содержанием его религиозно-нравственного учения или «науки жизни». Игнорирование в советское и постсоветское время религиозно-нравственного учения в соответствии с требованиями марксистско-ленинской идеологии, которая считала его вредным и антинаучным (а именно с таких позиций написаны учебники истории педа-

¹⁵⁵ ЛСС. Т. 35. С. 188.

гогики), привело к живучести таких устаревших стереотипов, как утверждения о принижении Толстым роли воспитания, о сведении принципа свободы к попустительству и анархии, непонимание толстовской постановки вопроса о целях воспитания.

С конца 80-х годов XIX-го столетия проблемы нравственного воспитания и этического познания потребовали от Толстого огромного интеллектуального напряжения, он шел путем, который уже полностью противоречил традиционным педагогическим подходам.

Утверждая принцип творчества и свободы в воспитании, он заявил о том, что нет воспитания как воздействия взрослого на ребенка, а есть одно самовоспитание, самосовершенствование. Обычно термин «самосовершенствование» трактовался не так, как понимал его Толстой. Дело в том, что Толстой нигде не говорил о воспитании как некоем процессе обязательного наращивания, прибавления хороших качеств, привычек, черт личности. Он всегда исходил из того, что природа человека противоречива, чего воспитатели часто не понимают. Здесь уместно привести высказанное им видение имманентного противоречия жизни, которое является препятствием на пути нравственного развития, если оно не учитывается, и взрослые не проводят своеобразную духовную терапию. Поэтому Толстой писал о вечной ошибке всех педагогических теорий, в которых «развитие ошибочно принимается за цель», когда педагоги содействуют развитию, а не гармонии развития. «Воспитывая, образовывая, развивая или как хотите действуя на ребенка, мы должны иметь и имеем бессознательно одну цель: достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты и добра. Ежели бы время не шло, ежели бы ребенок не жил всеми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармонии, добавляя там, где нам кажется недостаточным, и убавляя там, где нам кажется лишним. Но ребенок живет, каждая сторона его существа стремится к развитию, перегоняя одна другую, и большей частью самое движение вперед этих сторон его существа мы принимаем за цель и содействуем только развитию, а не гармонии развития. В этом заключается вечная ошибка всех педагогических теорий. Мы видим свой идеал впереди, когда он стоит сзади нас»¹⁵⁶.

Толстой пишет: «Необходимое развитие [психофизическое] человека есть не только не средство для достижения того идеала гармонии, который мы носим в себе, но есть препятствие, положенное Творцом, к достижению высшего идеала гармонии»¹⁵⁷.

И далее Толстой утверждает: «Здоровый ребенок рождается на свет, вполне удовлетворяя тем требованиям безусловной гармонии в отношении правды, красоты и добра, которые мы носим в себе; он близок к неодушевленным существам – к растению, к животному, к природе, которая постоянно представляет для нас ту правду, красоту и добро, которых мы ищем и желаем. Во всех веках и у всех людей ребенок представлялся образцом невинности, безгрешности, добра, правды и красоты. Человек рождается совершенным – есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, как камень, останется твердым и истинным. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра. Но каждый час в жизни, каждая минута времени увеличивают пространства, количества и время тех отношений, которые во время его рождения находились в совершенной гармонии, и каждый шаг и каждый час грозит нарушением этой гармонии, и каждый последующий шаг, и каждый последующий час грозит новым нарушением и не дает надежды восстановления нарушенной гармонии»¹⁵⁸.

Это высказывание Толстого соответствует подобным утверждениям современных экзистенциальных психологов, продолжающих линию, идущую из Ветхого Завета и трудов Канта, о том, что дух является носителем высших эмоциональных состояний (красота, добро, правда, невинность, безгрешность) изначально. В этом заключается понимание Толстым изначальной целостности личности, которая постоянно нарушается, но которая является целью воспитания

¹⁵⁶ ПСС. Т. 8. С. 321

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ ПСС. Т. 8. С. 322.

и объектом духовного влияния воспитателя. «Большей частью воспитатели выпускают из виду, что детский возраст есть первообраз гармонии, и развитие ребенка, которое независимо идет по неизменным законам, принимают за цель»¹⁵⁹. И далее Толстой замечает, что как бы ни было неправильно развитие ребенка, в нем всегда еще остаются первобытные черты гармонии. При воспитании, по мнению Толстого, ребенку нужен только материал для полноценного развития, и воспитание часто портит, а не исправляет людей. «Чем больше испорчен ребенок, тем меньше нужно его воспитывать, тем больше нужно ему свободы»¹⁶⁰.

В данном контексте становится понятным, что Толстому ошибочно приписывалась идеализация природы ребенка. Толстой выразил мысль о том, что все воспитание ребенка, которому изначально свойственны гармония, правда, красота и добро, должно содействовать обретению целостности, движению к высшему идеалу гармонии, прообразом которого и является изначально добрая природа ребенка. Ребенку, по мысли писателя, «нужен только материал для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне»¹⁶¹. Так непросто подходил Толстой к проблеме целей духовно-нравственного воспитания.

Отрицание авторитарного воспитания и его целей – формирования системы качеств, черт характера в соответствии с этической нормой данного общества – было связано с отрицанием Толстым стремления педагогов создать некий эталон «наилучшего человека», который обездвигивал, овеществлял процесс воспитания; Толстой писал: «...люди, во-первых, не знают, какими должны быть люди, – могут в лучшем случае знать только идеал, к которому им свойственно стремиться; а во-вторых, люди воспитывающие сами никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются»¹⁶².

Широту философского кругозора Толстой выказал уже в первой программной статье «О народном образовании» (1862), оценивая различные этико-философские системы. Он писал: «Все педагогически-философские теории имеют целью и задачей образование добродетельных людей. [...] Философские теории педагогики разрешают вопрос о том, как воспитать наилучшего человека по известной теории этики, выработанной в то или другое время и признающейся несомненной»¹⁶³. Все философы педагогики, «начиная от Платона и до Канта... хотят угадать то, что нужно человеку», и «каждый предписывает законы, основанные на своей теории, и тем самым стесняет свободу»¹⁶⁴.

Видимо, тем, что Толстому и немецкому педагогу Дистервегу по-разному виделись цели воспитания, объяснялась возникшая в ходе их продолжительной беседы атмосфера непонимания, а высказанное Толстым замечание о том, что в деле воспитания лучшая система – не иметь никакой системы, расценивалось исследователями его педагогического наследия как стремление к анархии в деле воспитания и очередной парадокс писателя.

Толстого волновал вопрос низкой мировоззренческой, этической культуры, возможного снижения творческого потенциала из-за неверного понимания целей и задач нравственного воспитания. Нравственное воспитание в понимании Толстого – это форма нравственного развития. Нравственное воспитание осуществляется самой жизнью общества, семьи. Толстой считал ошибочной позицию тех педагогов, которые связывали цели воспитания с присвоением младшим поколением «сознания» данного этапа развития общества. Это бессмысленно, так как молодое поколение уже имеет это сознание. Цель нравственного воспитания состоит в развитии более высокого уровня сознания, идеальную форму которого человечество давно уже

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ ПСС. Т. 8. С. 323.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ПСС. Т. 65. С. 253.

¹⁶³ ПСС. Т. 8. С. 8–9.

¹⁶⁴ ПСС. Т. 8. С. 10.

выразило в идее Бога, без которой ничего, кроме скотской жизни, по мнению Толстого, быть не может. Но цель не может быть выражена как нечто конечное.

Толстой считал, что объяснение духовной сущности человека и врожденного подсознательного стремления к благу, к совершенствованию содержится в христианском представлении о наличии частицы Бога в каждом человеке и о том, что человек эту частицу должен сберечь. Толстой не только не отрицал идею Бога, но считал, что она дает возможность утвердить в людях веру в их собственные силы на пути нравственного развития, что учение Христа «руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием возможности достижения божеского совершенства. И в душе человека находятся не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного, бесконечного божеского совершенства»¹⁶⁵.

Для иллюстрации утверждения, что цели должны быть выше человека, Толстой избрал образ реки жизни и пловца: направление, которое намечает человек, всегда должно быть выше того места, на котором стоит человек перед переправой, – течение жизни все равно снесет пловца ниже намечаемого пункта, и от самого человека зависит, насколько он удалится от намечаемой отметки, он свободен в выборе, но и ответственен за свою судьбу. Толстой любил повторять, что важно не быть совершенным, а стремиться к совершенству. В развитие этой мысли Толстой писал, обращаясь к юношеству: «...верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, потому что в само совершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас подобное ему начало, жить по-Божьи, как говорят мужики. Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира»¹⁶⁶.

Следовательно, само определение Толстым целей нравственного воспитания исходит из представлений, противоположных традиционному пониманию процесса воспитания как некоего наращивания, накапливания, возрастания морального потенциала личности, тому пониманию, которое игнорировало экзистенциальное противоречие жизни человека. В понимании Толстого нравственное развитие – это путь творческих нравственных действий, опыта, решения жизненных задач. Поэтому нравственное совершенствование – это стремление быть лучше, постоянный выбор поступков, постоянная самооценка и как результат этого – глубокое чувство эмоционального удовлетворения, радость как свидетельство достижения гармоничного мироощущения, целостности.

На страницах своих художественных, педагогических и философских сочинений Толстой оставил множество убедительных ответов на возникающие у педагогов-практиков непростые вопросы, например о том, как совершается личностный рост, какова природа присвоения духовных ценностей.

Педагогические занятия подталкивали Толстого к проникновению в святая святых сложной философской проблемы природы присвоения духовных ценностей и нравственного развития человека. В позиции Толстого по этому вопросу просматривается двойственность. С одной стороны, он рассматривает духовные ценности как нормы долженствования, как априорные духовные феномены. Такая позиция, идущая из глубин Ветхого Завета и философии Канта, четко просматривается в педагогических статьях 1860-1870-х гг. Но по мере занятий с детьми на темы морали у Толстого обнаруживается тяготение к онтологическому подходу, согласно которому ценности создаются в бытии, в опыте. Более того, он все больше чувствует во время занятий по истории и географии ту пропасть, которая возникает в процессе преподавания между *мертвым* содержанием обучения, которое он старается *оживить*, и детьми.

¹⁶⁵ ПСС. Т. 28. С. 78.

¹⁶⁶ ПСС. Т. 37. С. 65.

Толстой отмежевался от иллюзий объективного идеализма, которые вольно или невольно приводили к мистическим выводам о происхождении всемирного духа, всемирного разума, трансцендентального сознания, и высказывал мнение о вполне земных, реальных истоках духовной культуры в так называемой первожизни. При этом Толстой высказал не менее важную для педагогов мысль о том, что для «присвоения» этих начал прежде всего нужны условия, адекватные тем, в которых они создавались, и учиться «духовным началам» детям нужно так же, как им учился род человеческий. Кроме того, Толстой подчеркнул наличие одинаковых этапов развития сознания в онто- и филогенезе, что тоже должно приниматься во внимание воспитателями. (Заметим, что подобные идеи развивались позднее отечественными психологами и педагогами-марксистами.) Известный христианский педагог В.В. Зеньковский очень тонко подметил поиски Толстым связи жизни с трансцендентным, с Абсолютом, его попытки связать Абсолют с жизнью так, чтобы не было ничего трансцендентного, внести абсолютное начало в имманентную сферу личности. По мысли Зеньковского, это и было абсолютизирование морального начала, «пульс абсолютности», когда вера в Бога приравнивалась к нравственному совершенствованию¹⁶⁷.

Размышляя о природе этического познания, Толстой обратил внимание на изначально некорректную постановку вопроса субъект-объектных отношений в ходе познания, которая и приводила к возникновению «пропасти» между познающим и познаваемым. Позднее такое же видение этой проблемы высказал русский философ Н.А. Бердяев, выразив свою мысль в парадоксе о том, что субъект объективен, а объект субъективен. В 60-е годы XX века в нашей стране подобная позиция развивалась С. Л. Рубинштейном, который писал, что «человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию»¹⁶⁸.

На это же обратил внимание известный современный психолог Виктор Франкл, когда говорил о том, что «бессмысленно спрашивать, как субъект проникает в объект... бесполезно спрашивать, каким образом субъект может подступиться к находящемуся “вне” его, “снаружи” объекту, просто потому, что этот объект в онтологическом смысле никогда и не был “снаружи”. Если же трактовать этот вопрос онтологически и понимать выражение “снаружи” как условное, то наш ответ должен звучать так: так называемый субъект всегда был, так сказать, снаружи, вместе с так называемым объектом»¹⁶⁹.

В трудах упомянутых авторов по существу подчеркивается неверная позиция противопоставления познающего объективизированному миру. Особенно важно это утверждение для понимания природы этического познания, когда традиционно оставался нерешенным вопрос, «как трансцендентальное сознание овладевает психологическим, как психологическое сознание возвышается до трансцендентального»¹⁷⁰.

Необходимо отметить, что во второй половине XX столетия была дана оценка теориям познания, которые весьма некорректно понимали пространственные представления о субъекте и объекте. По мнению Франкла, в истинной онтологии познания «не развернется пропасть между познающим духовным сущим и познаваемым иным сущим»; возможность духовного сущего «соприсутствовать иному сущему – это изначальная способность, сущность духовного существования, духовной реальности»¹⁷¹. Признание духовной реальности, считал Франкл, избавляет от традиционной гносеологической проблемы «субъекта – объекта»; оно освобождает от бремени доказательств того, как одно проникает в другое.

¹⁶⁷ Зеньковский В.В. Собрание сочинений: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 346–347

¹⁶⁸ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 262.

¹⁶⁹ Франкл В.Э. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 94.

¹⁷⁰ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1983. С. 27.

¹⁷¹ Франкл В.Э. Человек в поисках смысла. С. 94.

Такой подход к теории познания вполне совпадал со взглядами Толстого, высказанными задолго до упомянутых авторов. Первым опытом специальной организации процесса этического познания в Яснополянской школе стало чтение и обсуждение маленьких рассказов на темы морали. Развивая эту систему, Толстой создал «Азбуку» и «Новую Азбуку». В этих пособиях большое место занимали материалы для чтения, в ходе которого у детей происходила самооценка, рождалось теплое чувство к страдающим растениям, животным, что, безусловно, испытал тот, кто читал эти маленькие шедевры Толстого и помнит их с детства. Поэтому, опираясь на опыт 1860–1870-х годов, Толстой в период создания религиозно-нравственного учения углубил, развил свои взгляды на природу этического познания как творческой духовной жизни и нашел доступную форму выражения этих взглядов.

Вершиной нравственных исканий Толстого можно считать первые в истории педагогики духовные практики работы с детьми по вопросам морали 1906–1907 гг., для которых Толстой написал «Беседы с детьми по нравственным вопросам» и «Учение Христа, изложенное для детей», а позднее создал книгу «Путь жизни», предисловие к которой представляет собой духовное завещание Толстого как матрицу духовной, нравственной жизни. Толстой около трехсот раз, как свидетельствуют архивные материалы, переписывал предисловие, стараясь найти наиболее доступную форму для самого простого читателя, а настоящее время и для весьма образованного человека.

Толстой в свете деятельностного подхода описывает жизнедеятельность как антропологическую категорию с ее составляющими: ресурсом, потенциалом, действием, условиями, целью. Такое видение жизнедеятельности отстаивается известным психологом В.И. Слободчиковым, который видит в нем возможность представить человека автором собственной судьбы¹⁷².

Можно утверждать, что анализ Толстым многовекового опыта духовной культуры, который нашел отражение в высказываниях, афоризмах, мыслях мудрых людей, позволил ему структурировать жизнедеятельность человека, соответственно выделяя ресурс, потенциал, действия, условия, цель. Срединная часть формулы жизнедеятельности – потенциал, действие, условие – выступает у Толстого как способ духовной, нравственной жизни, в ходе которой все время преодолевается противоречивость природы («божеское и человеческое», духовное и психофизическое).

Безусловно, эти искания Толстого дали огромный материал его оппонентам для обвинений в панморализме, но нами эти искания воспринимаются как опережающие свое время. Толстой утверждал, что смысл жизни человека в самой нашей реальной, земной жизни, «во все большем и большем сознании в себе Бога». Именно в этом осознании смысла, ценности содержится мотив жизни в мире ценностей – это и есть проявление в «телесной личности» «действительно существующего» «вечного всего». Практически Толстой утверждал кардинальное положение этики творчества, в которой не существует пропасти между познающим и познаваемым. Он показал, как непросто происходит осознание истины, развитие нравственного сознания, «как важно, драгоценно и каким длинным трудом достигается уяснение, упрощение нравственной истины – переход ее из туманного, неопределенного сознаваемого предположения, желания... в твердое и определенное выражение, неизбежно требующее соответствующих ему поступков»¹⁷³. Толстой указывал, что нравственное сознание человечества «не переставая изменяется, более и более уясняясь и очищаясь»¹⁷⁴.

Сознательное принятие человеком разумной веры, по Толстому, создает благоприятные условия для возникновения мотива нравственного поступка, нравственного совершенствования как пути жизни. Человек не должен делать бессмысленных поступков, овладение смыслами

¹⁷² Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. Биробиджан, 2005. С 89.

¹⁷³ ЛСС. Т. 25. С. 225.

¹⁷⁴ ЛСС. Т. 45. С. 424.

бытия вселяет в него чувство уверенности, укорененности в опыте предшествующих поколений, дает силы преодолевать любые виды так называемой детерминации. Он волен сам выбрать своих предков – близких по духу людей, возможно даже не родителей. Таким образом, Толстой связывал путь жизни человека с признанием им ответственности за свою судьбу, а потому – свободой. Именно ответственность и свобода – предпосылки творчества. Человек самостоятельно принимает решения и чувствует сопричастность своей судьбы судьбе мира.

В своем учении Толстой органически связал цель как образ деятельности, свободного, «действительного» мотива и сами действия человека. Указывая на то, что нравственность уже включена в учение о смысле бытия, он учитывал, пользуясь современной терминологией, надситуативные качества предмета намеренного действия, которые всегда присутствуют в содержании этого действия. Как только человек отказывается от ложной веры, сознательно принимает новую установку, истинную веру, опирающуюся на абсолютные ценности, – они становятся конкретными обязанностями, требованиями при решении любых практических задач. Эти жизненные ситуации всегда уникальны, неповторимы. Они синтезируют всеобщее и особенное – личностное отношение к миру. Иными словами, всеобщий закон проявляется именно как закон лишь в уникальной жизнедеятельности, но только собственными усилиями сознания и деятельности человек достигает полноты бытия. Отношение к миру как сверхсмысл и личные смыслы принимаются не одним рассудком, но и чувством, «всеї совокупностью духовных сил».

Неповторимость воплощения всеобщего, нравственного, трансцендентного, бесконечного заключается в том, что оно проявляется в действиях человека «чувствующего, страдающего, борющегося, надеющегося».

И здесь особую роль играет совесть, в понимании Толстого – интуитивный оценочный критерий, укореняющий человека в вечном, осуществляющий связь с Богом, истиной. Благодаря ей человек способен обнаружить тот единственный смысл, который содержится в каждой житейской ситуации и который иногда не осознается человеком, но заставляет его действовать тем или иным образом. Совесть является своеобразной стрелкой компаса этической оценки, поиска смысла: она одобряет или не одобряет. Работа совести направлена на поиск достойного конечного существования, понимаемого как вечное. Совесть начинает работать, когда человек сбился с пути. Поэтому в воспитании чрезвычайно важно тренировать, возбуждать, «оттачивать» совесть. Толстой гениально показал, что совесть – это иммунитет против конформизма и подчинения «власти урядника». «И как ни громко кричат страсти, они все-таки робеют перед тихим, спокойным и упорным голосом совести»¹⁷⁵.

Толстой оставил нам множество интересных наблюдений, касающихся того, как секуляризация общественного сознания, рационализация мышления вытесняют совесть, позволяют спрятать ее в карман. В его предупреждениях о возможности нравственного регресса общества некоторые современники по справедливости усматривали прозрения, связанные с эпохальными потрясениями.

Сейчас очевидно, что собственно педагогическая канва проблемы воспитания – цели и задачи, методы, результаты, взаимодействие воспитателя и воспитанника и т. д. – может быть понята только в контексте глубоких размышлений Толстого о становлении человека духовного и нравственного, о пути жизни, опыте и свободе, роли сознательного и бессознательного.

Толстой по-новому для своего времени объяснил саму деятельностно-смысловую природу усвоения духовной культуры на основе не нормы, закона, которые разверзали пропасть между познающим и духовной культурой, нравственностью, а на основе образа деятельности конкретной личности.

¹⁷⁵ ЛСС. Т. 45. С. 38

Лев Толстой на прогулке

Такая позиция Толстого позволяет утверждать, что он понимал творческий характер этики, выразившийся как в механизме «присвоения», так и в серии творческих свободных действий, разрешении жизненных ситуаций, творении добра не безликого, а направленного на человека, природу, жизненные конкретные дела. И если это «присвоение» понимать онтологически, как перестройку сознания, овладение базовым нравственным действием различения добра и зла в ходе творческих нравственных актов, то тогда действительно исчезает абсурдное по сути представление о пропасти между познающим и познаваемым, тогда – человек в Боге, а Бог в человеке, как говорил Толстой.

Что же такое образ в понимании Толстого? Это не продукт, не результат, не «объективированные» духовные, нравственные ценности. Эти ценности могут повиснуть в безвоздушном пространстве, если они мертвы. Они тогда становятся образом деятельности, когда они воспринимаются как аспекты поведения конкретных людей. Лучшим примером для христиан был образ Христа – живого конкретного человека.

В трактате «О жизни» Толстой прекрасно описал момент онтологического преображения человека. При этом Толстой использовал не только пример жизни Христа, но и пример жизни любимого и рано ушедшего из жизни старшего брата Николая. Образ, воспоминание «тем живее, чем согласнее была жизнь моего друга и брата с законом разума, чем больше она проявлялась в любви. Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня, и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании, точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, чего оно требовало от меня при его жизни. [...] Та сила жизни, которая была в моем брате, не только

не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась и сильнее, чем прежде, действует на меня. [...] ... Мало того, эта невидимая мне жизнь моего умершего брата не только действует на меня, но она входит в меня. Его особенное живое Я, его отношение к миру становится моим отношением к миру. Он как бы в установлении отношения к миру поднимает меня на ту ступень, на которую он поднялся, и мне, моему особенному живому Я, становится яснее та следующая ступень, на которую он уже вступил, скрывшись из моих глаз, но увлекая меня за собою. [...] Человек умер, но его отношение к миру продолжает действовать на людей... растет, как все живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывов»¹⁷⁶.

После прочтения такого прекрасного описания приходится только сожалеть, что все это было не востребовано психологами, философами, педагогами нашей страны.

Высказывания Толстого этого периода, касающиеся природы этического познания, по чисто внешним признакам принятого деления «идеализм – материализм», могли быть расценены как субъективно-идеалистические, так как для Толстого самое *реальное* и *познаваемое* – это идеальное, сознание человека, его глубинное Я, в котором выражается отношение человека к миру, нравственная оценка. Эти заключения Толстого рождались при оценке эмпирических теорий познания, в которых сознание есть только отражение реального мира или мира идей. Оно детерминировано, обусловлено, и тогда непонятно, кто же за человека решает, как ему поступить в том или ином случае.

Толстой писал, что согласно эмпирическим теориям познания человеку представляются познаваемыми явления и предметы в пространстве и времени, а свое сознание представляется самым непознаваемым. Он сравнивал такое явление с иллюзией зрения человека, благодаря которой все отдаленные предметы кажутся очень простыми, например, небо, горизонт, поля, леса; и чем к человеку ближе тот или иной предмет, тем сложнее выглядят очертания и цветовая гамма (это еще одно предвосхищение Толстого, относящееся к феномену гештальта). Толстой такой иллюзии противопоставил обратную перспективу: только благодаря своему сознанию, стержнем которого является различие добра и зла и стремление к благу, человек познает себя и окружающий мир.

Толстой опровергал распространенное в эмпирических теориях познания мнение о всеисилии разума. Согласно Толстому, «истинное знание человека кончается познанием своей личности»¹⁷⁷, то есть того, что не определяется ни пространством, ни временем.

«Преподавание нравственности» Толстой связывал с наукой человековедения, своеобразной деятельностной памятью общества. Он попытался найти наиболее понятную для ребенка формулу обобщенного нравственного опыта человечества, выразив ее следующим образом: «Для того же, чтобы мы все были счастливы, есть только одно средство: надо, чтобы каждый поступал с другими так, как он желал бы, чтобы поступали с ним»¹⁷⁸.

Обобщенный нравственный опыт человечества (деятельностная память общества) – это наука человековедения, которую, по мысли Толстого, «необходимо знать каждому человеку для того, чтобы, пользуясь тем опытом, какой приобрели прежде жившие люди, не делать тех ошибок, которые они делали»¹⁷⁹. Цель науки человековедения – указывать различные образцы приложения нравственного сознания к жизни. Наука человековедения, по Толстому, это не свод норм, правил, понятий, категорий, а своеобразная персонализированная память общества. В ней представлены моральные действия во всей совокупности отношений человека к окружающему миру. Этот опыт формировался тысячелетиями.

¹⁷⁶ ПСС. Т. 26. С. 412–413.

¹⁷⁷ ПСС. Т. 26. С. 354.

¹⁷⁸ ПСС. Т. 72. С. 267.

¹⁷⁹ ПСС. Т. 38. С. 136.

Образ такой деятельности, как образ совершенного идеала, как закон разума и совести – Бог (истина), живет в душе каждого. Смысл нравственной или божеской жизни в движении к истинному знанию, к идеальному образу своей деятельности. Однако этот закон становится побудительным, если его требования не безличны, а воплощены, например, в образе Христа – живого человека, бывшего реальным историческим лицом, сознательно принявшим мучения, чтобы показать людям необходимость перехода к новым высоконравственным отношениям. Нравственный закон Толстого – это и есть тот единственный объективный закон, который определяет успешность деятельности в любой сфере, это высоконравственное сознание человека. Закон этот проявляется только в момент онтологического преобразования, «усилий сознания» самого человека, это ответственность человека перед Богом.

В нравственном воспитании очень важен этап «бессознательного присвоения» образа жизни семьи, общества, который Толстой называл гипнотизацией. Он говорил, что «все воспитание сводится к тому, чтобы самому жить хорошо», что «воспитание есть следствие жизни», что «воспитание других включается в воспитание себя». Большую опасность Толстой видел в «двойной» морали.

Новое прочтение педагогических сочинений Толстого в контексте современного понимания религиозно-нравственного учения или «науки жизни» как науке о духовной жизни и нравственном поведении человека позволяет оценить значимость его вклада в новое, по сравнению с традиционным, понимание проблем нравственного воспитания. В период господства механистических, авторитарных теорий нравственного воспитания Толстой заявил о том, что нравственное воспитание надо понимать как этику творения жизни, устремленной к смыслу и ценностям.

Одним из основных условий нравственного развития является свобода. Помочь воспитаннику оценить свой нравственный опыт, создать доверительные отношения, атмосферу любви и добра, уважительного отношения к личности ребенка возможно только при переходе к новому демократическому стилю общения.

Чтобы показать важность демократического стиля общения, Толстой широко использовал понятие «любовь». С помощью этого термина он пытался объяснить сложные проблемы формирования самосознания, понимания того, как и при каких условиях «присваивается» человеком нравственный опыт, как человек познает мир. Понятие «любовь» писатель использовал в тех случаях, когда ему необходимо было подчеркнуть, что полноценность нравственного развития человека зависит от того, насколько выполняемая им деятельность (учебная, трудовая) доставляет эмоциональное удовлетворение, имеет особенно значимую смысловую нагрузку.

При разработке религиозно-нравственного учения или «науки жизни» перед Толстым во всей сложности и многообразии встали проблемы эстетики, определения целей и назначения искусства в жизни человека и человечества. Ничтожные произведения, по мысли писателя, извратили в большинстве людей способность заражаться подлинным искусством и лишили их возможности познать высшие чувства. Поэтому люди «воспитываются и живут без смягчающего, удобряющего действия искусства и потому не только не двигаются к совершенству, не добреют, но, напротив, при высоком развитии внешних средств, становятся все дичее, грубее, жесточе»¹⁸⁰. Наука и искусство «связаны между собой, как легкие и сердце», наука вводит в сознание людей истины, искусство «переводит эти истины из области знания в область чувства»¹⁸¹.

В трактатах «Об искусстве», «Что такое искусство?» Толстой сформулировал ряд идей о роли искусства в воспитании детей. Писатель глубоко изучал историю всех эстетических тео-

¹⁸⁰ ЛСС. Т. 30. С. 168.

¹⁸¹ ЛСС. Т. 30. С. 186.

рий, пытаясь установить связь снижения нравственного потенциала общества с тем ложным направлением, которое, по его мнению, приняло официальное искусство в буржуазной цивилизации.

Анализ существовавших тогда эстетических теорий позволил Толстому обосновать главнейшую цель искусства как одного из средств формирования нравственного сознания, а потому и прогресса, т. е. движения вперед человечества к совершенству. Искусство есть очень определенный и необходимый в каждое данное историческое время «орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство»¹⁸² и потом в дело и жизнь. Такое заключение Толстого совпадает с оценкой роли искусства в современной этике.

Определенным итогом нравственных исканий Толстого стали такие педагогические сочинения, как «О воспитании» и «О науке». В них Толстой подвел итог своим размышлениям об этике творчества, природе этического познания, свободе как условии этического познания и духовного развития человека. Этика творчества – это и есть в понимании Толстого учение о высшей форме нравственного, духовного сознания, учение о пробуждении духа и жизни человека, высший смысл которой он реализует в нравственных действиях, всегда по своей природе творческих, а потому свободных. Поэтому нравственное развитие представляет собой не разворачивание так называемых «продуктов» воспитания, а свободу творческих актов.

Наиболее рельефно ведущие идеи религиозно-нравственного учения или «науки жизни» были высказаны им в ходе любимого дела жизни – педагогического труда. Это прежде всего новое понимание целей и содержания нравственного воспитания, условий его успешности или неуспешности, генезиса, этапов нравственного сознания человека и человечества и, конечно, самое существенное утверждение о том, что человек – существо духовное.

Толстой предугадал роковые последствия невнимания к смысловым и ценностным ориентациям в системе образования в тот период российской истории, который мог бы стать судьбоносным. Частица этой вины – на педагогах-теоретиках той эпохи, которые не восприняли глубинного смысла высказываний Толстого. Сам писатель придавал огромное значение простоте изложения своих мыслей о воспитании.

Толстой горячо любил русский народ, простого русского мужика-труженика и крестьянских ребятишек, чей поистине огромный творческий потенциал он выявил в период работы в Яснополянской школе. В переписке последних лет жизни Толстой оставил множество примеров простого и ясного выражения созданного им религиозно-нравственного учения или «науки жизни». В неотправленном письме сыну Михаилу Толстой писал о том, что наиболее трудно той части молодежи, у которой нет никаких идеалов, которая не обрела цели и смысла жизни. Так, разрушились идеалы дворянской семьи, и они уже кажутся дикими, но они были так тверды, что «держали в узде молодых людей». Временными могут стать самые низкие идеалы – приобретение богатства, честолюбие, славолубие.

Христианство открывает тот смысл жизни, который не может быть разрушен. «Смысл этот в том, что жизнь наша не имеет цели в самой себе, цели, которая могла бы удовлетворить нас; цель ее вне нас и недоступна нам, и потому смысл жизни нашей в том, чтобы исполнить то, для чего она предназначена.

Для того же, чтобы узнать, для чего она предназначена, нам дан разум, свойство, соединяющее нас всех, свойство, дающее возможность воспринимать все то, что открыто разумом тысячи лет тому назад давно не существующим людям, и передавать то, что разум откроет нам, людям, которые будут жить тысячи и миллионы лет после нас. Следование тому, что открыто разумом, и составляет смысл жизни. И следование это составляет высшее благо, доступное человеку»¹⁸³.

¹⁸² ПСС. Т. 30. С. 194.

¹⁸³ ПСС. Т. 68. С. 224.

Наиболее полно о том, чем отличается настоящая наука жизни от ложной науки, Толстой рассказал в письме симбирскому крестьянину Ф. А. Абрамову, который задал писателю вопросы: «1) Как вы смотрите на науку? 2) Что есть наука? 3) Видимые недостатки нашей науки. 4) Что дала нам наука? 5) Чего должно требовать от науки? 6) Какое нужно преобразование науки? 7) Как ученые должны относиться к темной массе и физическому труду? 8) Как нужно учить детей младшего возраста? 9) Что нужно для юношества?»¹⁸⁴

Толстой серьезно отнесся к ответу на письмо, работал над ним в период с 1 по 19 июля 1909 г., читал близким, обсуждал. Вопросы крестьянина соответствовали содержанию многолетних размышлений Толстого о нравственных принципах научного знания, о том, что наука есть сознание общества. От того, в каком состоянии наука, во многом зависит и содержание образования подрастающего поколения. По мысли писателя, основой всякого образования должна стать наука жизни – *«знание того, что нужно делать всякому человеку для того, чтобы как можно лучше прожить в этом мире тот короткий срок жизни, который определен ему Богом, судьбой, законами природы... Для того же, чтобы знать это ... надо прежде всего знать... что должно и чего не должно делать»*¹⁸⁵.

Толстой высказывает актуальные для педагогов мысли о том, что эти знания не могут сами открыться человеку, им надо учиться так же, как «учился весь род человеческий». Толстой считал, что путь приобщения каждого человека к нравственному опыту человечества должен быть адекватен тому пути, каким человечество создавало этот опыт и отдельные выдающиеся люди прошлого – философы, мыслители, религиозные деятели – решали задачи нравственных отношений к окружающей их действительности, труду, жизни, воспитанию и т. д. Эта наука, по мнению Толстого, должна быть понятна и доступна и ученому, и человеку из народа.

Наука о том, как надо жить людям для того, чтобы жизнь их была хорошая, касается разных сторон жизни человеческой: учит тому, как относиться к обществу людей, среди которых живешь, как кормиться, как жениться, как воспитывать детей, как молиться, как учиться, и многому другому. Так что наука эта в ее отношении к разным сторонам жизни человеческой может казаться и длинной, и многосложной, но главная основа науки, та, из которой каждый человек может вывести ответы на все вопросы жизни, и коротка, и проста, и доступна всякому, как самому ученому, так и самому неученому человеку.

¹⁸⁴ Цит. по: Эйхенбаум Б.М. «О науке»: История писания и печатания // ПСС. Т. 38. С. 530.

¹⁸⁵ ПСС. Т. 38. С. 135–136.

Духовное завещание Толстого – статья «О воспитании»

Эта статья впервые была опубликована в журнале «Свободное воспитание», в № 2 (ноябрь) за 1909 г. Написана она в форме письма В. Ф. Булгакову в ответ на его просьбу разъяснить педагогические взгляды Толстого, поскольку они трактовались современниками неоднозначно.

Толстой пишет, что просмотрел свои педагогические статьи прошлых лет; признает, что дал определенный повод к противопоставлению образования и воспитания, которые на самом деле неразделимы – любое знание действует воспитательно; высказывает свои мысли об истинном, разумном образовании, условием которого должна быть «свобода учащихся и учащихся» (напомним, что у Толстого *истинное* равнозначно *духовному*).

Главный лейтмотив статьи – устремленность в будущее, к разумному образованию, которое будет содействовать благу как отдельного человека, так и всего человечества. «Нравится нам это или не нравится, разумное образование возможно только при постановке в основу его учения о религии и нравственности»¹⁸⁶.

Религия в понимании Толстого – это ответ на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого человека. Первый вопрос – смысловой: «...что я такое и какое мое отношение к бесконечному миру?» Второй – нравственный, поведенческий: «...как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда и при всех возможных условиях дурным?»¹⁸⁷

В такой слитности смыслового и нравственного вопросов жизни содержится все то новое для наук о человеке его эпохи, и прежде всего педагогики и психологии, что пытался сделать Толстой при создании учения о жизни человека как жизни духовно-нравственной и что он выразил в данной статье, являющейся его духовным завещанием. Толстой настаивает, что основой образования должно быть религиозно-нравственное учение или «наука жизни», и что необходимо ввести два новых учебных предмета: о религиозном миропонимании – о смысле и назначении жизни человека; и о нравственном поведении.

Для характеристики содержания школьного образования Толстой использовал сравнение со сферой, диаметры и радиусы которой определяли бы место учебных дисциплин. Так, горизонтальный диаметр двумя своими радиусами представлял «религиозное воспитание смысла жизни» и «деятельность жизни, главное руководство ее» (нравственное учение). Перпендикулярно, на другом диаметре, на одном радиусе представлены «естественные знания», на другом – «философия». На третьем диаметре – «словесность, искусство» и «математика». Формой сферы с равными радиусами Толстой подчеркивал мысль о необходимости одинаковой глубины и продолжительности изучения всех школьных дисциплин.

Новые учебные дисциплины, по мысли Толстого, должны были дать то основное, без чего невозможна полноценная творческая жизнь человека, – учение о смысле жизни как жизни духовной, нравственной. В этом Толстой видел исправление абсурдного положения в образовании, когда «люди, считающиеся среди нас самыми образованными», не знают «того, что прежде всего нужно знать всякому человеку»: «...в чем смысл человеческой жизни, чем она должна быть руководима, и что думали об этом вопросе, и как решили его мудрейшие люди всех времен и всего мира»¹⁸⁸. Следует заметить, что содержание и методика проведения уроков Закона Божьего, которые якобы и выполняли данную задачу, Толстой оценивал в соответствии

¹⁸⁶ ПСС. Т. 38. С. 67.

¹⁸⁷ ПСС. Т. 38. С. 68.

¹⁸⁸ ПСС. Т. 38. С. 65, 67.

с теми позициями, которые он высказывал в отношении церковного учения, требующего развития и усиления связи с поведением человека.

Писатель считал, что без этической, аксиологической основы содержание образования превращается в «нагромождение пустых, случайных, ненужных знаний, называемых наукой, которые не только не полезны, но приносят величайший вред людям, скрывая от них необходимость одних нужных человеку знаний»¹⁸⁹.

Толстой сделал множество замечаний о произвольном определении содержания обучения и ничем не оправданной последовательности предметов, о том, что «научный» критерий педагогов «полезности и вредности» привел к серьезным диспропорциям дисциплин естественно-научного цикла и гуманитарных.

Толстой говорил, что, изучая дисциплины естественнонаучного цикла, учащиеся приобретают знания «о расстояниях, плотности, движениях на миллиарды верст от нас отстоящих звезд, о жизни микроскопических животных, о воображаемом происхождении организмов... а не имеют ни малейшего понятия о том, как живут и жили их братья люди, не только отделенные от них морями и тысячами миль и веками, но и люди, живущие сейчас с ними рядом в соседнем государстве: чем питаются, как одеваются, что работают, как женятся, воспитывают детей, каковы их обычаи, привычки и, главное, верования»¹⁹⁰.

Он иронизировал по поводу того, что учащиеся «узнают в школах все об Александре Македонском и Людовике XIV и его любовницах, знают о химическом составе тел, об электричестве, радиации... о праве и богословии, подробно знают о повестях и романах... знают о совершенно ни на что не нужных и скорее вредных пустяках, а ничего не знают о том, как понимали и понимают смысл своей жизни... и какие признавали и признают правила жизни миллиарды живших и живущих людей, две трети всего не христианского человечества»¹⁹¹.

Главная наука для Толстого – это наука о духовной жизни человека, т. е. о том, «в чем назначение и поэтому истинное благо каждого человека и всех людей»; именно эта наука, по мысли Толстого, «служит руководящей нитью в определении значения всех других знаний»¹⁹².

Молодые поколения, как считает писатель, обучаются «бесчисленным самым сложным, трудным и ненужным предметам», но не обучаются тому, «в чем смысл человеческой жизни и как решали его мудрейшие люди всех времен и всего мира». Толстой понимает, что ему могут возразить: нет единого для большинства людей религиозного учения и учения нравственности. По мысли Толстого, основа жизни всех людей – религиозная (смысловая) и нравственная, и эта истина открыта во всех учениях: Моисея, Сократа, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, апостола Иоанна, Магомета и многих других.

У читателей может возникнуть вопрос: почему писатель не отказался от понятия религии и не заменил его словосочетанием «смысл жизни», чтобы не вызывать нареканий людей, исповедующих научное мировоззрение? Действительно, этот вопрос недостаточно исследован. Возможно, объясняется это тем, что Толстой очень глубоко исследовал учение Иисуса Христа и взгляды отцов церкви и, с одной стороны, понимал, что само христианство подлежит дальнейшему развитию, а с другой – считал, что именно в рамках христианства коренится тот ответ на вопрос о развитии истинной нравственности, которого не смогла в эпоху Толстого дать наука.

Исследования педагогических сочинений и практической деятельности Толстого, которые явились основой о духовной осмысленной жизни человека позволяют утверждать, что педагогика Толстого не менее значима в мировом культурном наследии, чем его романы «Война и мир». «Анна Каренина» и другие.

¹⁸⁹ ПСС. Т. 38. С. 67.

¹⁹⁰ ПСС. Т. 38. С. 65.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² ПСС. Т. 38. С. 66.

Толстой – гениальный провидец, проповедник в полной мере использовал педагогику для доказательства необходимости преодоления гуманитарного кризиса в науках о человеке, внимания к необходимости гуманитарной экспертизы всего научного знания, что еще предстоит осмыслить мировому научному сообществу.

«Наука жизни» и педагогика Л.Н. Толстого в наши дни

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ... О ПЕДАГОГИКЕ ДУХОВНОГО РОСТА

Кудрявая Н.В., Ремизов В.Б.

отрывок из статьи в журнал Народное образование № 3, 2020 г.

Вышла в свет книга известного литературоведа, и специалиста в области музейного дела, заслуженного учителя России, преподававшего в школе и вузе, создателя современной Толстовской школы в России, писателя Виталия Ремизова «Уроки Толстого и школа культуры» (М.: Изд-во Проспект, 2019). Она посвящена проблемам современного образования в контексте педагогических и нравственно-философских идей Льва Толстого. Книга интересна не только общемировоззренческим подходом, но и *анализом необычного социально-педагогического феномена*, которым стало массовое движение учителей от Тулы и «до самых до окраин» (Находка).

Само движение возникло в 1990 г., когда к педагогическому опыту Толстого обратилась группа ученых двух вузов – Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (ректор Н.А. Шайденко) и Тульского института развития образования (ректор И.А. Петрищенко). В нее вошли специалисты разных сфер знаний. Ими была создана концепция современной «Школы Л.Н. Толстого» (В.Б. Ремизов, С.И. Маслов, И.А. Трухачева, Н.А. Шайденко, И.А. Петрищенко, А.А. Орлов, В.М. Петровичев, Е.Д. Мелешко, М.А. Козьмина). Чуть позже при Институте повышения квалификации Тульской области была создана научно-исследовательская лаборатория «Школа Л.Н. Толстого» (научный руководитель В.Б. Ремизов). В 1998 г. НИЛ получила статус Федеральной экспериментальной площадки, а позже приказом Министра образования РФ была включена в число 16 ведущих инновационных образовательных учреждений. Базовыми площадками лаборатории стали нынешние гимназии 3 и 4 г. Тулы, Яснополянская гимназия № 2, сельская школа (ныне гимназия) в Иншинке Тульской обл., *Яснополянский детский дом, ряд детских садов, ТГПУ им. Л.Н. Толстого.*

Проект «Школа Л.Н. Толстого» в эти годы был одним из самых молодых и самобытных в российском образовании.

Название движения, это не только обозначение его истока – педагогика Льва Толстого, но и метафора «того лучшего, что есть в отечественной и зарубежной педагогике». Оттолкнувшись от идей Толстого, участники движения, а это – родители, учителя-практики, школьные методисты, ученые гуманитарного профиля, малые и взрослые дети, – сумели организовать в единое духовно-педагогическое пространство, в котором *мысль «сеять разумное, доброе, вечное»* оказалась не шаблонной фразой, а *легла в основу системы практической работы.*

На большом российском пространстве, охваченном вдохновенным действием – вторжением толстовских педагогических идей *в сознание участников движения* и соотнесение этих идей с потребностями и задатками *учеников*, волеизъявлением *родителей*, муками *учителей*, предпринявшими «*свой переход через Альпы*» ради внутреннего преобразования, ради овладения педагогикой ненасилия и высших духовных смыслов.

Движение «Школа Л.Н. Толстого» на рубеже XX–XXI веков по времени совпало с началом выхода отечественной психологии и педагогики из «сумерек просвещения». Движение гуманистической, а несколько позднее экзистенциальной психологии Запада сделали очевидными достоинства гуманистической и личностно-ориентированной парадигм образования. А высказывания основоположника экзистенциальной психологии Виктора Франкла об устремленно-

сти человека к смыслу и ценностям, наличию особого духовного ноогенного пространства в структуре личности, безусловно, *перекликались с толстовским «Рождение духом»*, пробуждением духовного начала.

Всем очевидно, какой вред принесла советская материалистическая психология своим невниманием к экзистенциальным особенностям человека. Безусловно, это повлияло на то, что педагогическое толстоведение выявляло народность и демократический пафос педагогики Толстого, а *духовное завещание «О воспитании» оставалось непонятым, собственно, как и педагогические открытия Толстого в целом.*

Пожалуй, впервые в педагогической практике наших школ уделяется большое внимание не просто получению новых знаний и приобретению навыков, а включение их в контекст становления духовной культуры ребенка.

Одна из главных задач всего движения (гипотезы эксперимента), состояла в том, чтобы «подтвердить школьной практикой правоту тезиса: *общедуховное, общекультурное и грамотно выстроенное физическое развитие ребенка должно положительно сказаться и на развитии его интеллекта*». Массовая школа, как известно, следует иной установке: ЗУНы с их выходом на ЕГЭ.

Участники движения опирались на духовное завещание Толстого – его статью «О воспитании» (1909), известной как ответ В.Ф. Булгакову. Это мини-трактат не только о нравственно-философском содержании образования и воспитания, но и об этапах его реализации в ходе учебного процесса.

С педагогической точки зрения существенно, что Толстой задолго до советских психологов-неомарксистов объяснил педагогам, как в повседневной работе можно развивать духовные способности, например, «выучиться любить» так же, как косить, пахать и т. д. Собственно, с освоением этой духовной культуры организаторами движения были созданы два новых учебных предмета и специальная для них учебная литература, которая может помочь прикоснуться к самому сокровенному в человеке, не нарушая его суверенности и святости.

Надо отметить, что в ходе развития эксперимента возникла система непрерывного образования (ясли-сад – школа – вуз – родительский университет). По-новому стали определяться задачи урока. Их содержание определялось тремя парадигмами школы культуры («Школы Л.Н. Толстого»): I. Разум – Культура чувства – Самостоятельность. II. Золотая голова – Золотые руки – Золотое сердце. III. Родовое – Социально-историческое – Индивидуально-неповторимое.

В какой степени урок, беседа, дискуссия, экскурсия, встреча, культурные, спортивные и другие формы образования и воспитания способствуют развитию у ребенка не только умственных способностей, но и потребности в разумном осмыслении мира, желания жить в границах культуры чувства, свободного волеизъявления, умения сделать собственный выбор. Это и был аспект обращения к экзистенциальным основаниям жизни детей.

Эти духовные аспекты педагогики Толстого признавались «слабостью мыслителя», то есть ненаучными. *А в них-то, этих «слабостях», и содержалось зерно всей педагогики, то есть организации практик работы с человеком, затрагивающим экзистенциальные аспекты. По этому движению Толстовских школ опережало установки науки педагогики и психологии.*

Участники движения «Школа Л.Н. Толстого», вопреки существующей теоретической отсталости в понимании проблем духовности и нравственности, показали значимость этих проблем. И именно в этом главная их новация. Практики явно опережала теорию, привлекая внимание к проблемам антропности духовности.

Предметы светской духовности заняли достойное место в школьном обучении. Начальной школе был предложен предмет о мире и душе человека «Чаша жизни», не имеющий аналогов в мировой педагогике. Среднему звену, в период обострения переходного возраста, адре-

сован курс «Познай себя». В старших классах, на пороге выходы в большую жизнь, учащиеся приглашаются на семинар «Этика жизни».

У цикла предметов о светской духовности есть своя организующая весь материал идея, свои методологические и методические решения. Опыт преподавания «Чаши жизни», предлагает разработанную тематику на 5–6 лет обучения. Это грандиозная картина мира и жизни человечества, в том числе и нашей Родины. Это *уникальный метапредмет*, позволяющий привлекать к проблеме материалы по научному знанию, мифологии и религии, истории и этнографии, искусству.

Девять лейтмотивов («Этот загадочный мир», «Моя Родина», «Планета людей», «Золотая ветвь», «Отчий дом», «Час души», «Наедине с собой», «Жизнь и свобода», «Ступени жизни»), 45 проблемных блоков, 462 темы. Это пропедевтика духовного становления личности ребенка. Это намного серьезнее, чем сегодняшшний предмет в начальной школе «Окружающий мир». В толстовских школах всегда находился учитель, который брал бы на себя миссию вести этот крайне сложный по методике обучения предмет, требующий от педагога постоянного совершенствования.

В толстовских школах отказались от отдельного изучения зарубежной и отечественной истории. Вместо этого ученикам предлагается курс «Истории развития человечества и цивилизаций», включавший в себя более основательные программные блоки по различным видам искусства и различным сферам знаний. Истории России, с точки зрения автора книги, в этом контексте смотрятся масштабнее. Смысловой контекст интерпретаций заметно расширяется.

Естественный цикл начинается в начальной школе с предмета «Природа и труд» (освоение научных знаний в процессе практики, трудовой деятельности) и заканчивается в старших классах курсом «Естествознание: современные концепции развития».

В каждом традиционном предмете имеются свои подвижки. Больше внимание уделяется преподаванию литературы в школе. Предмет преподавания назван «Круг чтения», подобно как Толстой назвал свой двухтомник для народного чтения – «Круг чтения». И это не игра в названия. Это принципиально новый подход к преподаванию искусства слова.

«Круг чтения» в современных толстовских школах начинается с «Азбуки Л.Н. Толстого» (она выпущена в виде учебного пособия для учеников 1 класса, которое подготовили В.Б. Ремизов и С.А. Маслов). Тексты поданы не как у Толстого, а поурочно. Более ста притч и рассказов включено в эту книгу, и большая часть из них являет собой архетип жизни человека. Толстой писал, что он вложил в свою «Азбуку» всю мудрость Востока и Запада. В.Б. Ремизов на конкретных примерах показывает, как методика работы с книгой (а в толстовских школах чтение отделено от прописи) позволяет вывести ребенка из состояния внешнего читателя и войти в мир изучаемого на основе собственного опыта.

После этого детям 2–4 классов предлагаются тексты из «Часа души» – трех книг, в которых помещена высокохудожественная проза русских писателей. Многие имена введены в школьную практику впервые.

Меняется логика изучения литературы и в других классах. Она основана на проблемно-тематическом подходе, и он нацелен на раскрытие духовного богатства человечества в сфере искусства слова (5 класс. «Святые таинства природы» (Человек и природа). 6–7 классы. «Отец. Отчий дом. Отечество». 7–8 классы. Запечатленное слово (Человек и культура). 8–9 классы. «Я есмь, и я люблю» (Лики мира – лики любви). 9 класс. Пушкин и его эпоха). Вместе с кандидатом филологических наук М.А. Козьминой автор книги предложил развернутый список художественных текстов. Он заметно больше, чем можно освоить в рамках школьного времени, отведенного на изучение литературы. Однако он дает возможность сделать выбор как учителю, так и ученику, приобщает ученика к великим эпохам и великим именам. *В старших классах средней школы* предлагается курс Истории русской словесности и изучение 5–6 памятников мировой литературы.

Как видим, смысловым центром, как книги, так и движения «Школа Л.Н. Толстого», явилась разработка огромного количества новых текстов, введение в практику школьного чтения книг, которые были составлены и написаны Л.Н. Толстым – «Азбуки», «Круга чтения».

Педагогическое движение «Школа Толстого» являются значимыми, убедительными прецедентами, когда сама жизнь подтверждает, что совсем не устарели, полезны и даже обладают спасительной творческой силой тексты книг для чтения, которые были использованы участниками движения.

«Круг чтения» рассматривался как метапредмет, который включает в себя литературное образование, но масштабнее, так как его задача – воспитать в ребенке не только хорошего читателя, но и личность, способную к духовному росту, к раскрытию в себе лучших начал – к образованию своего «Я». Духовные токи метапредмета пронизывают практически всё предметное знание, но особенно ощутима его связь с предметами светской духовности: «Чаша жизни» (1–5 классы); «Познай себя» (7–8); «Этика жизни» (9–10).

В основе этого единства лежат главные идеи толстовского эксперимента:

равенство и свобода всех участников учебного процесса (дети, учитель, родители), *противостояние всем формам унижения* человеческого достоинства;

социальное партнерство как основа служения людям (золотая голова – золотое сердце – золотые руки), *человек не средство, а цель*;

единство Разума – Культуры чувства – Самостоятельности (не путать: ум – чувство – воля);

равнозначность трех начал в человеке – родового (природное и социальное), социально-видового, индивидуально-неповторимого;

любовь как высший дар жизни (дар Бога человеку – «потребность любить и быть любимым» (Толстой)).

Естественно, что при таком подходе есть возможность реализации в процессе образования синтеза письменных жанров – художественных, собственно философских, религиозных, публицистических, научных и т. д.

По существу, речь идет о подлинной интеграции предметов на уровне содержания образования и способов его воплощения в рамках как «Круга чтения», так и дисциплин светской духовности.

Движение «Школа Л.Н. Толстого» в наши дни может расцениваться как поддержка духовных исканий писателя и постановка вопроса об актуальности преобразований в области образования. Кстати, сам Толстой надеялся на здравый смысл русского народа, который помешает принять упорно переносившуюся чиновниками в российское народное образование западноевропейскую «эмпирическую абстрактную педагогику».

По большому счёту не преодолен гуманитарный кризис в науках о человеке и до настоящего времени. Движение «Школа Л.Н. Толстого», энтузиазм участников, обращение к текстам великого писателя и педагога, специально созданных для детей – всё это предвещает необходимость вернуться к духовным исканиям отечественного гения, провидца, проповедника. Настало время современных научных оценок учения писателя о жизни, известного как религиозно-нравственного и более глубокого понимания опыта преподавания в Яснополянской школе, когда Толстой впервые в истории педагогики вскрывает технику диалога.

(Более подробно см. главу «Мастер-класс Л.Н. Толстого: статья «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862). В кн. Кудрявой Н.В. Лев Толстой – педагог. От народного учителя к учителю жизни. Изд-во: Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2013).

Что же касается экзистенциальных аспектов педагогического творчества Толстого, до раскрытия которых пока не доросла наша наука о человеке, то движение «Школа Толстого» побуждает нас изучать их. Гений, проповедник, провидец, писатель и педагог протягивает нам

руку. Ответим же ему крепким рукопожатием и признаем, что педагогика Толстого не менее значима для человеческого сообщества, чем роман «Война и мир» для мировой литературы.

Через педагогику Толстой послал всем педагогам мира такие понятия как опыт и свобода, смысл, совесть, усилие и ряд других и превратил педагогику в науку жизни, творчества и любви. Спасибо движению «Школа Л.Н. Толстого» и его организатору и руководителю В.Б. Ремизову за возвращение исторической памяти и справедливости к отечественному гению педагогики Льву Толстому.

Настало время по-новому оценить и педагогику, и религиозно-нравственное учение писателя как вариант экзистенциальной теории личности. Исследование и использование этих идей будет способствовать совершенствованию образования в нашей стране.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ГРУППЫ ТОМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАД ПРОЕКТОМ «СВОБОДНЫЕ КЛАССЫ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА ПЕДАГОГИКУ Л.Н. ТОЛСТОГО»

*Волошина Е.А.,
преподаватель магистерской программы «Тьюторское сопровождение в
образовании», МГПУ*

В начале 1990-х годов исследовательская группа обратилась к педагогическому наследию Льва Николаевича Толстого. И скоро чтение, изучение и первые разработки занятий с детьми стали содержанием педагогической мастерской.

На волне гуманизации образования, разворачивающей сознание учителя девяностых годов двадцатого столетия к самооценности детства и идеалам демократических школ, мы верили, что доброе и внимательное отношение к детям будет основой для отмены классно-урочной системы.

Основным направлением стало движение от «Школы Толстого» – к педагогике Толстого и понимание образования как освоение форм культурного поведения.

Как и Толстой, мы считаем, что начальная школа должна, быть школой образования, а не школой начальной грамотности. Но может ли обучение письму, чтению, счету в начальной школе стать процессом образовательным, а не отработкой навыка?

Мы считаем, что именно начальная школа – самый ответственный период в образовании ребенка: отсюда берет начало учебная, познавательная инициативность человека. Это время формирования его собственного образа (понимание себя, своих образовательных возможностей), образа предметного знания (как с ним действовать), типов взаимоотношений в учебной жизни со сверстниками и взрослыми.

В начальной школе в ребенке силен сформировавшийся в дошкольной жизни «естественный образовательный инстинкт» (его формирует общение, игра, труд). Желание учиться в этот период для ребенка обусловлено и социальной значимостью умений читать, писать, считать и т. п. «Социальное» неравенство в данном случае толкает ребенка «сравняться в образовании» (как говорил Толстой) со старшими по возрасту и более обученными.

Но при каком условии обучение чтению, письму, арифметике становится образовательной деятельностью?

Очевидно, что традиционные формы преподавания основных навыков отвращают большинство детей от школы. На наш взгляд, не решает проблемы образования в начальной школе и система «развивающего обучения». Занимаясь развитием теоретического мышления, результативность (продуктивность) которого не очевидна большинству детей, работа с основными

учебными навыками идет в этой системе традиционно (например, через орфографическое списывание).

Мы считаем, что говорить об образовании в начальной школе можно только в том случае, если в этот период ставится задача научить ребенка чтению, письму, арифметике в смысле получения им опыта освоения этих навыков (по Толстому). Мы назвали такой навык культурным. Культурный навык снимает не внешне отработанное действие, а хранит память его становления, как обобщения ребенком противоречий предмета, «схваченных» на эмпирическом уровне.

В психологии Л.С. Выготского устная речь, чтение, письмо, арифметика названы «формами культурного поведения». Форма культурного поведения отличается от навыка тем, что это не только «доведенное до автоматизма умение», но и практическая необходимость, вызванная культурным контекстом жизни. Формами культурного поведения ребенок овладевает в момент решения жизненно-важных для него задач, преодолевая разрыв (лично явленный для него) между природными, примитивными функциями слова, числа, звука и их новыми культурными функциями.

Овладение ребенком умениями петь, рисовать, говорить на иностранном языке, осваивать различные ремесла (виды ручного труда), строить взаимоотношения с другими людьми также относятся к формам культурного поведения.

Понятия «учебный опыт» (По Толстому), «культурный навык» (термин нашей группы), «форма культурного поведения» (по Выготскому) мы считаем сходными. Их близость обусловлена представлением о сущности и внутреннем механизме складывания названных форм.

Во-первых, под всеми тремя названными формами (опыт, культурный навык и культурные приемы поведения) подразумевается механический навык, а воля к выполнению какой-либо культурной работы, ставшая неотъемлемой частью личности.

Во-вторых, овладение поведением (как бы оно ни было названо) представляет собой опосредованный процесс, который всегда осуществляется через вспомогательные стимулы.

В-третьих, любая форма культурного поведения имеет две стороны: мускульную (операционально-техническую) и содержательную. В искусственно выстраиваемом педагогом процессе присвоения культурной формы должна задаваться мотивированная работа с каждой из сторон данной формы в определенном ритме.

Методические рекомендации Толстого по обучению письму, арифметике и чтению, построение его учебников показывают сколь близки представления Толстого о психологической природе образования ребенка открытым Выготским механизмам развития ребенка через освоение им форм культурного поведения (мы имеем в виду выделение в навыке сначала механического чтения, затем чтения с пониманием. Обучение письму – через введение в письменную речь, а не в каллиграфию и орфографию).

Очень важно подчеркнуть, что в свободном классе не только ребенок, но и учитель имеет возможность личностного роста. Когда он организует взаимодействие с ребенком, помогая ему присвоить формы культурного поведения, он выстраивает педагогику как собственную деятельность.

Педагогика тоже может рассматриваться как форма культурного поведения. Она формирует опыт перехода от знаний о предмете и психике ребенка к созданию ситуаций овладения ребенком своим поведением – через поиск взрослым различных видов опосредствования этого перехода.

Идея Толстого о том, что каждая школа, которая считает себя школой образования, должна быть школой-лабораторией представляется нам глубоко верной. Лабораторность работы в свободном классе заключается в том, что проект учебного предмета, с которым учитель приходит в класс, начинает достраиваться в своей основной части – способах опосредствования предметного знания детям – только в конкретной ситуации учебной жизни.

Такая педагогика предполагает особый образ жизни взрослых и детей в классе: без внешней дисциплины, отчужденной нормированности. В том темпе, который складывается из взаимодействия учителя и детей, а не задается только волей учителя. В том ритме, который учитель улавливает как в данный момент продуктивный для обучения.

Свободно организованная учебная жизнь позволяет, во-первых, увидеть психологическое состояние каждого ребенка, его познавательные интересы, индивидуальные особенности восприятия, памяти и т. д. Во-вторых, только свободная организация жизни дает возможность уловить те ритмы в смене деятельности, которые обусловлены усвоением какой-либо из сторон культурного поведения и переходом к качественно другой стороне.

Традиционная школа работает только с технической, формальной стороной культурного навыка, не заботясь о мотивированности даже этой стороны работы (кроме мотива социального долга). Отсюда: техника чтения, образцы каллиграфии, алгоритмы вычислительных действий и нормы поведения на уроке становятся причиной угасания познавательного интереса.

Система «Развивающего обучения», с нашей точки зрения, фокусирует свое внимание на теоретическом содержании предмета, не заботясь о сворачивании этих знаний в культурный навык. А об этом необходимо заботиться, т. к. исследования на уроках РО строятся за счет времени, которое социально определено для приобретения навыка.

«Школа должна отвечать на вопросы, которые ставит перед ребенком жизнь» (Толстой). На наш взгляд, специальная педагогическая работа в начальной школе должна учителем организовываться только с реальными трудностями ребенка.

«Нельзя тормозить сильных ради слабых» (Толстой). Если ребенок, например, имеет «врожденную грамотность» (т. е. у него так развиты моторика руки или зрительная память, что навык грамотного письма усвоен быстро), то для него нет необходимости строить специальную работу для того, чтобы явить противоречие между звучащей и письменной речью и открыть с ним способы преодоления этого разрыва. Мышление такого ребенка будет формироваться на том предметном материале, где ему встретятся реальные трудности.

Итак, образование в начальном классе – это вхождение ребенка в различные формы культурного поведения, т. е. овладение своим поведением, формирование образа себя. Основными формами культурного поведения являются устная и письменная речь, чтение, арифметика. Они совпадают с основными школьными предметами. Каждый учебный предмет выстраивается с учетом того, что техническая, мускульная сторона культурного навыка и его содержательная сторона должны быть убедительно мотивированны для ребенка и каждая из них требует своих способов опосредствования. В работе с названными предметами нам помогают методические открытия Толстого.

Свободные классы, ориентированные на педагогику Толстого, существуют как особая площадка начальной школы на базе ОУ «Эврика-развитие» до сих пор. За почти тридцатилетнюю историю были созданы еще несколько проектов этого направления разработки педагогики Толстого. Они носили более ситуативный характер, но продолжили идеи школы-лаборатории и сейчас объединяют педагогов в разных практиках в Клуб Школы Толстого – <https://www.tolstoyclub.com>

ИДЕИ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

К.В. Зорин,

к.м.н., доцент МГМСУ имени А.И. Евдокимова

Создание кафедры педагогики и психологии в Московском медико-стоматологическом университета имени А.И. Евдокимова совпало со временем утверждения принципов гумани-

стической экзистенциальной педагогики в образовании. Ориентируясь на эти идеи, коллектив кафедры во главе с доктором педагогических наук, профессором Н.В. Кудрявой обосновал новые подходы к духовно-нравственному развитию и этико-деонтологическому воспитанию студентов-медиков и практикующих специалистов.

Нам стало очевидно, что традиционная советская педагогика и психология плохо сочетаются с глубиной, неоднозначностью, предельной ответственностью, диалогичностью и экзистенциальным смыслом врачебной деятельности. Ведь она обращена не только к физическому состоянию, но призвана учитывать психологическое здоровье и духовные особенности пациента. Отказ от формально-логических схем традиционного обучения позволил выстроить учебный процесс как творческий диалог студентов и преподавателя, обращенный к душевным силам и духовному ядру личности.

Так родилась особая образовательная программа доцента К.В. Зорина «Введение в духовную культуру врача», построенная на принципах экзистенциальной и христианской психологии. С 1997 г. под руководством профессора Н.В. Кудрявой разрабатывался психолого-педагогический инструментарий (концепция, программы, учебно-методические пособия, опросники, анкеты, темы дискуссий и т. д.) для проведения проблемно-проектных занятий по духовно-нравственному развитию и этико-деонтологическому воспитанию студентов-медиков и для обучения преподавателей на факультете педагогического образования (ФПО) высшей медицинской школы. На лекционных и практических занятиях мы старались взрастить такие качества, как умение понять пациента, увидеть в нем страдающую личность, проявить сочувствие, сопереживание... Общение с опытными специалистами, моделирование и решение задач на смысл помогли совместить компетентностный подход и духовно-нравственную составляющую врачебного профессионализма. Суть этого 18-летнего труда отражена в элективном курсе «Врач как педагог и психолог» и ряде учебных пособий¹⁹³.

Основные цели духовно-нравственного воспитания студентов-медиков таковы:

- формирование гуманистических и культурных ценностей и потребностей, положительных этических норм и правил поведения с коллегами, пациентами и их родственниками;
- развитие потребности в нравственно здоровом образе жизни и ведении просветительской работы с населением;
- личностная зрелость и профессиональный рост, необходимые для понимания и реализации ценностно-смысловых аспектов врачебного искусства.

Благодаря творческим поискам и разработкам сотрудников кафедры педагогики и психологии МГМСУ имени А.И. Евдокимова оформилась наша новация в подготовке будущих врачей – практико- и личностно-ориентированная педагогика. Она совершенствовалась в ходе внедрения этой новой концепции обучения врачей разных специальностей.

Естественно, мы обратились и к богатейшему наследию отечественных мыслителей и ученых, в том числе педагогическому творчеству Толстого.

Великий писатель обратил внимание, что с середины XIX столетия началась секуляризация сознания, и люди науки, врачи, интеллигенция в целом склонялись к естественнонаучному объяснению картины физического мира и внутреннего мира личности. Психику человека приравнивали «к нервам лягушки», то есть к проявлениям высшей нервной деятельности.

¹⁹³ Кудрявая Н.В., Зорин К.В. Введение в духовную культуру врача // Психологические основы деятельности врача: избранные лекции и статьи. – М.: ВУНМЦ МЗ РФ, 1999. – С. 128–169; Зорин К.В. Опыт христианской психологии в современной медицине // Психологические основы деятельности врача: избранные лекции и статьи. – М.: ВУНМЦ МЗ РФ, 1999. – С. 170–201; Кудрявая Н.В., Уколова Е.М., Смирнова Н.Б., Волошина Е.А., Зорин К.В. Педагогика в медицине: учебное пособие для студентов высших медицинских учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 320 с.; Кудрявая Н.В., Зорин К.В., Смирнова Н.Б., Анашкина Е.В., Уколова Е.М., Суворова Е.В. Нравственно-просветительские аспекты деятельности врача-педагога. Учебное пособие / Под ред. проф. Н.В. Кудрявой. – М.: МГМСУ, 2015. – 384 с.

Вульгарные материалисты, нигилисты и другие горе-ученые сводили смысл жизни к удовлетворению все возрастающих материальных потребностей. Религия таким «передовым людям» стала казаться пережитком, а, следовательно, ненужными оказались вера в Бога, духовность и нравственность... Толстой неоднократно высказывался о несостоятельности современных ему материалистических взглядов в медицине, которые не учитывали духовного потенциала человека в борьбе с недугами.

Цель бытия, согласно Толстому, – это благо, счастье. Но «нельзя стать счастливым, не став нравственным». Писатель указал на взаимосвязь смысловых аспектов бытия, жизни и поведения. Понимание духовности и духовного центра человека связано, говоря научным языком, с пониманием структуры личности. В ней есть психофизическое измерение (тело и психика) и духовное ядро. Для убедительности своего видения личности Толстой использовал образ яблока – внешняя оболочка (кожура), мякоть и сердцевина.

По мысли Толстого, воспитатели обращают внимание зачастую на внешние проявления личности (задатки, способности, темперамент) и не учитывают, что в человеке, как в яблоке, есть сердцевина, глубинное содержание. Эта сущностная сердцевина – центр человеческого бытия, «сокровенное сердце». Дух человека является носителем смысла, разума, свободы, совести... Поэтому целью педагогической деятельности должно быть также развитие духовного начала, нравственно положительных ценностно-смысловых ориентиров.

В современной медицине ценностно-смысловые аспекты играют не менее важную роль, чем клиническое мышление врача. К сожалению, по ряду причин изучение этих аспектов в высшей медицинской школе мыслилось как некое приложение к основному учебному материалу. Однако духовно-нравственная и деонтологическая компетентность врача заслуживает особого внимания.

Мы показывали все это студентам на примере таких важных проблем, как умирание, терминальное состояние, агония и смерть. А в качестве иллюстрации использовали замечательную повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». В ней отразилась действительная история Ивана Ильича Мечникова (младшего брата знаменитого русского ученого Ильи Ильича Мечникова), прокурора Тульского окружного суда, умершего 2 июля 1881 года. Произведение разоблачает гедонистическое мировоззрение, сущность которого такова: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»

Толстой глубоко психологично и высокохудожественно изобразил внутреннее состояние и нравственные мучения больного человека по мере приближения к смерти. Откуда столь глубокий психологизм в описании духовного опыта умирающего? Видимо, писатель художественными средствами воплотил свой жизненный опыт общения с умирающими людьми, почерпнутый, к примеру, в период Севастопольской кампании 1856 года. Это не личный опыт смерти, поскольку, пока человек жив, он может рассказать, как он умирает или умирал, но – не как умер. Поэтому диалог Ивана Ильича с собственной совестью – плод художественной фантазии и творческой интуиции писателя.

Тем не менее, этот диалог убедительно и достоверно отражает подлинные проблемы человеческого бытия – борьбу со страхом смерти и поиск смысла жизни. Произведение весьма интересно с богословской, философской, педагогической, психологической и, конечно же, медицинской точек зрения.

Мы анализировали повесть, пытались понять, что стоит за авторским текстом, о чем писатель не говорит вовсе или только намекает, развивали идеи внутреннего диалога главного героя.

Итак, каковы же экзистенциальные грани внутренней картины болезни Ивана Ильича, какой духовно-нравственный смысл имела его болезнь? Она явилась сразу и судьбоносной ситуацией, и импульсом для переоценки ценностей, и почвой для покаяния, и стимулом духовного роста. Горькое, но полезное лекарство! Без нее Иван Ильич вряд ли (в любом случае

это не очевидно) стал бы личностью в духовном значении слова. В свои последние минуты он буквально перерос себя, поднялся над собой и над трагичностью ситуации, обрел истинный смысл своей жизни и подлинное человеческое достоинство. Смысл был внесен, казалось бы, в окончательно потерянную жизнь.

Так на наших проблемно-проектных занятиях мы и старались создать необходимые условия для этико-деонтологического воспитания и пробудить интерес студентов-медиков к осознанию ценностно-смысловых аспектов деятельности врача. Мы искренне надеемся, что наши усилия внесли свою лепту в общее благородное дело – вырастить из студента-медика настоящего врача-профессионала!

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ ФГБОУ ВО ТГПУ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Л.Н. ТОЛСТОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ВУЗА

Брешиковская К.Ю.,

*к.п.н., доцент кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО ТГПУ
им. Л.Н. Толстого*

Декина Е.В.,

*к.псих.н., доцент кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО ТГПУ
им. Л.Н. Толстого*

Для становления личности будущих педагогов и психологов в ТГПУ им. Л.Н. Толстого на факультете психологии, на кафедре психологии и педагогики в рамках индивидуальных научных исследований преподавателей, в учебной работе, в работе кураторов студенческих групп и научных кружков, реализуются следующие задачи: современное исследование и интерпретация художественного и философско-педагогического наследия Толстого с целью осуществления эффективного образовательного процесса вуза.

Учитывая ведущие тенденции образования и воспитания на рубеже XX–XXI веков, преподаватели факультета психологии кафедры психологии и педагогики сосредоточили своё внимание на разработке проблем, обусловленных глубинной связью с духовно-нравственным наследием Льва Толстого – сторонником гуманного, ненасильственного пути развития человечества, философии всеединства любви.

Ведущими идеями стали:

– создание условий для развития духовно-нравственной культуры и индивидуальной неповторимости студента на основе гуманистических идей Толстого и практики современного образования;

– разработка и внедрение курсов по выбору по научной проблематике кафедры с учётом специфики факультета и вуза;

– поиск форм совместной деятельности с современными исследователями наследия Толстого, факультетами и кафедрами Тульского педагогического университета по изучению и актуализации философско-педагогического наследия Толстого.

В связи с реализацией данных направлений на факультете в разные годы его функционирования организовывались встречи, круглые столы, мастер-классы с участием ведущих специалистов-толстоведов: доктором филологических наук, профессором МАРХИ Бурнашёвой Н.Э., доктором педагогических наук, профессором, член-корреспондентом РАО Лукацким М.А.; доктором педагогических наук, профессором Кудрявой Н.В. и др.

В рамках руководства постоянно действующими студенческими объединениями (проблемными группами) проводится ряд мероприятий, направленных на распространение педагогических взглядов и идей Толстого.

Так, например, круглый стол «Верность педагогическим идеям и взглядам Толстого» (к 120-летию со дня рождения профессора Владимира Александровича Вейкшана). Проблемное поле круглого стола: ретроспективный анализ деятельности В.А. Вейкшана по воссозданию и продолжению деятельности яснополянской школы-памятника; актуализация педагогических идей Толстого в контексте современных проблем воспитания и образования; создание мотивационной установки по изучению педагогического наследия В.А. Вейкшана; стимулирование интереса к историко-педагогическому процессу и пониманию закономерностей процессов гуманизация образования. Кураторами и студентами проведено проектирование мероприятий по распространению педагогических идей Толстого в профессионально-педагогической подготовке будущих специалистов (педагогическая экспедиция; исторический терренкур и др.), студенческий онлайн-квиз «По страницам педагогических сочинений Толстого».

Оптимизация социально-культурной среды обитания осуществляется путем насыщения культурно-образовательного пространства духовно-нравственными образами и символами. Так, в процессе внеучебной работы кураторы осуществляют поддержку студенческих проектных команд. Например, социально значимый проект «В поисках зеленой палочки», направленный на знакомство с этическими и духовно-нравственными взглядами отечественного мыслителя. Проект «Знаете ли вы Л.Н. Толстого?» помогает студентам больше узнать о жизни, деятельности и творчестве великого писателя с использованием головоломок, кроссвордов, анаграмм, чтением и анализом художественных и педагогических произведений писателя и педагога для различных категорий обучающихся и т. д. При проведении встреч со студентами-первокурсниками активно обсуждаются выдержки из произведения Толстого «Юность» с целью анализа вопросов адаптации и вхождения в учебно-воспитательный процесс вуза, проводится экскурсия «Лев Толстой и Ясная Поляна».

В контексте учебно-методической деятельности на кафедре психологии и педагогики реализованы курсы по выбору «Наследие Л.Н. Толстого в развитии творческих способностей детей» и «Педагогическое наследие Л.Н. Толстого в дошкольном образовании». Изданы учебно-методические пособия по изучению педагогического наследия Толстого и монографии, в том числе и за рубежом.

Пособие содержит систему практических заданий, позволяющих сосредоточить внимание на наиболее значимых проблемах изучения педагогики Толстого. Задания дифференцированы по степени сложности и содержит задания репродуктивного, проблемно-поискового и творческого характера, элементы рефлексии. Они ориентируют обучающихся на такие виды деятельности, как анализ первоисточников, составление сравнительно-сопоставительных таблиц, конспектирование, накопление материалов для различного вида работ. Особое внимание при знакомстве с педагогическими взглядами Толстого уделяется работе с первоисточниками, проведению самостоятельных научных исследований и оформлению их результатов в виде рефератов, курсовых работ, учебных проектов и магистерских диссертаций.

О КНИГЕ Н. В. КУДРЯВОЙ «Л.Н. ТОЛСТОЙ – ПРОВИДЕЦ, ПЕДАГОГ, ПРОПОВЕДНИК»

*Ю. Прокопчук,
Заведующий экскурсионно-методической службой Государственного музея
Л.Н. Толстого, к. ист. н.*

Наталья Владимировна Кудрявая на протяжении нескольких десятков лет занимается изучением наследия Л.Н. Толстого. В центре её научных интересов – педагогика великого писателя, а также особенности его мировоззрения. Результаты исследований Кудрявой получили отражение во многих научных статьях и монографиях о яснополянском гении. Внимание специалистов-толстоведов, а также любителей творчества писателя привлекла изданная в 1993 году монография «Лев Толстой о смысле жизни», посвященная изучению духовных поисков мыслителя. В 2013 году вышла фундаментальная монография «Толстой-педагог: от народного учителя к учителю жизни». Кроме того, Наталья Владимировна дважды – в 1989-м и 2010-м годах – готовила к печати отдельное издание педагогических сочинений писателя.

Вспоминаются многочисленные выступления Н.В. Кудрявой на конференциях в Государственном музее Л.Н. Толстого. Наталья Владимировна постоянно подчеркивала мысль о важности толстовского педагогического метода, идущего вразрез со многими традиционными направлениями этой науки, об особом восприятии Толстым личности ученика, о подлинно гуманистическом характере толстовского подхода к образованию.

Не подлежит сомнению тот факт, что толстовская педагогика неразрывно связана с его духовными поисками, стремлением понять истинные ориентиры человеческого существования – те самые, которые и должны быть положены в основу педагогического процесса. Поэтому отнюдь не случаен интерес специалиста по педагогике Толстого к мировоззрению писателя. Ведь в конце концов педагогическая мысль Толстого и сводится к самой главной, глобальной проблеме, занимавшей его, – к ответу на вопрос о том, что есть человек и каким он должен быть, каков истинный путь его развития.

Писатель всегда считал, что педагогика – важнейшая область знания, от которой во многом зависит то, какими станут люди, приходящие в этот мир. На многое влияет здесь, как полагал Толстой, личность учителя, педагога. Идеальный наставник в процессе обучения – это не тиран, не догматик, карающий ученика за отход от установленных кем-то правил и предписаний. Педагог, по замыслу Толстого, должен сам неуклонно совершенствоваться, развиваться, и только такой педагог (с которого будет брать пример ученик) сможет помочь воспитаннику в процессе обучения. Характеризуя сущность воззрений Толстого, Н.В. Кудрявая постоянно подчеркивает экзистенциальную основу педагогики писателя, его глубокое понимание души и сферы духовной жизни развивающейся личности, важность осмысления истинной духовной жизни, с чем также связан педагогический процесс.

Знакомясь с текстом монографии исследовательницы, мы убеждаемся в том, что принцип самосовершенствования, занимающий особое место в толстовском учении последних лет, был одним из главных в педагогике писателя. Как и многие другие основы его этических, религиозных воззрений. Если мы обратимся, например, к толстовскому «Кругу чтения», тексты которого писатель также использовал в образовательном процессе, то увидим, что там темы, связанные, так или иначе, с педагогикой («Воспитание», «Детство», «Наказание», «Просвещение» и др.) составляют неразрывную часть толстовского учения, гармонично сочетаясь с другими толстовскими мыслями и идеями. Это неотъемлемая часть толстовского учения последних лет жизни, и исследования Н.В. Кудрявой подтверждают данный тезис.

Неспокойный, кровавый XX век внёс свои коррективы и в жизнь людей, и в педагогический процесс. В несвободном мире свободная педагогика зачастую не могла существовать вообще, распространение гуманистических идей стало уделом мыслителей-одиночек, идущих против общего течения. Господствующими явлениями во многих странах мира стали стандартизация образовательного процесса, принуждение и насилие в отношении учеников, попытки поставить образование на службу господствующей идеологии. И тем не менее гуманистические идеалы, оставленные нам великими предшественниками, по-прежнему волновали и интересовали энтузиастов, цель которых состояла в воспитании подлинно свободной личности. Деятельность Рабиндраната Тагора в Шантиникетане, Януша Корчака в Варшаве и др. педагогов –

это свидетельства неустанного движения мировой педагогической мысли в том направлении, которое, несомненно, было близко Толстому и его единомышленникам.

Работы Натальи Владимировны Кудрявой затрагивают широкий круг вопросов, связанных с толстовским мировоззрением. Они важны не только для понимания педагогических воззрений Толстого, но и его взгляда на мир вообще, основных принципов его деятельности, его попыток изменить и себя, и общественные отношения. Осмысление толстовского наследия – процесс непростой, ломающий стереотипы и традиционное восприятие, заставляющий читателя задуматься как о том мире, который нас окружает сейчас, так и о том, что настанет после нас, когда придут новые поколения, от воспитания и моральных принципов которых зависит очень многое. Книга Кудрявой проникнута сдержанным оптимизмом в отношении дальнейшего осмысления и развития человечеством толстовских идей. Как бы ни развивались события в будущем, несомненно одно: без обращения к лучшим традициям мировой гуманистической мысли, без осмысления педагогического наследия Толстого, как и многих других правдоискателей, пророков, мы вряд ли решим стоящие перед нами сейчас многочисленные проблемы.

Благодарности

Самая большая благодарность всем тем, кто поддержал издание этой книги.

Моему внуку, молодому доктору, **Борисову Илье**, который стал вдохновителем и организатором данного издания;

Литературному редактору **Шумеевой Светлане Георгиевне**;

Ведущим специалистам в области педагогики Толстого профессору, писателю **Ремизову Виталию**, доценту Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого **Брешковской Карине**;

Ведущим сотрудникам музей Л.Н. Толстого **Колюжной Людмиле** и **Покочуку Юрию**;

Моим коллегам по работе в медицинском вузе **Анашкиной Елене**, **Зорину Константину**, **Уколовой Елене**, **Волошиной Евгении**, с которыми мы осуществляли внедрение гуманистических экзистенциальных диалоговых подходов на основе идей Толстого в практики подготовки специалистов-медиков;

Помощнице по подготовке текста **Сергеевой Надежде**, которая своим профессионализмом и оптимизмом вселяла в меня уверенность;

Корректору по тексту **Дерюшкину Владимиру** – первому человеку, который полностью прочитал и поправил книгу;

Команде помощников по домашним делам, без которых моя работа была бы очень затруднена – **Скворцовой Нелли** и **Паниной Наталии**.

Об авторе

Наталья Владимировна Кудрявая – доктор педагогических наук, почетный профессор кафедры педагогики и психологии МГМСУ имени А.И. Евдокимова. Дважды подготовила к изданию педагогические труды Л.Н. Толстого (1989 г. издательство «Педагогика», 2010 год издательство «Геотар-Медиа»). Участвовала в издании педагогических трудов Толстого на хинди, арабском и испанском языках.

Н.В. Кудрявая является автором следующих монографий: «Лев Толстой о смысле жизни» (1993), «Толстой – педагог: от народного учителя к учителю жизни» (2013). Н.В. Кудрявая – постоянный участник международных толстовских чтений, автор многочисленных статей о педагогике Толстого.

За плодотворную педагогическую деятельность Н.В. Кудрявая награждена медалью К.Д. Ушинского.

В данной книге Н.В. Кудрявой «Л.Н. Толстой – провидец, проповедник, педагог» впервые в толстоведении дается новая трактовка религиозно-нравственного учения Толстого как науки о духовной жизни человека, связи смысла жизни с нравственным поведением. Гуманистическая педагогика Толстого является инструментом пропаганды духовного способа жизни, а сам писатель мечтал, что завершающая его духовные искания книга «Путь жизни» станет настольной книгой следующих поколений.